

Джованни Боско

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОРАТОРИИ

Св. Франциска Сальского
с 1815 по 1855 гг.

СЦДБ
Гатчина, 2012 г.

Оригинал:

Giovanni Bosco, *Memorie dell'Oratorio di S. Francesco di Sales dal 1815 al 1855. Saggio introduttivo e note storiche a cura di Giraudo Aldo*. LAS 2011

@ LAS, 2011 г.

@ Издательство СЦДБ, 2012 г.

Перевод с итальянского языка: Ольга Карпова
Редактор: Виктория Тимофеева, Александр Щербак
Технический редактор и верстка: о. Владимир Кабак sdb

Подписано в печать 19.03.2012 г. Тираж 999 экз. Заказ №36.
Отпечатано в типографии НЧОУ НПО «СПУ им. Дона Боско»
Россия, 188304 Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Чкалова, д. 7.
Тел.: +7 (81371) 2-07-10. E-mail: sgs@gtn.ru

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОРАТОРИИ С 1815 ПО 1835 ГОД¹ ТОЛЬКО ДЛЯ САЛЕЗИАНЦЕВ

Меня неоднократно побуждали запечатлеть письменно воспоминания касательно Оратория Св. Франциска Сальского, и, хотя я не мог противиться власти рекомендовавших, мне никак не удавалось решиться на это дело, особенно потому, что тогда бы пришлось слишком часто говорить о себе самом. А теперь добавилось повеление человека, облечённого верховной властью, и подобное промедление непозволительно², поэтому здесь я постараюсь изложить конфиденциальные мелочи, могущие послужить светом или принести пользу домам, по благоволению Божественного провидения доверенным Обществу Св. Франциска Сальского. Прежде всего я должен заметить, что пишу для моих возлюбленных чад, Салезианцев, *и запрещаю предавать изложенное огласке как до, так и после моей смерти.*

Итак, чему мог бы послужить этот труд? Он послужит нормой для преодоления будущих трудностей, благодаря извлечённому из прошлого уроку; поможет узнать, как Бог Сам направлял всё во всякое время; послужит приятным времяпрепровождением моим чадам, ведь в нем они смогут прочесть о событиях с участием их отца, и ещё охотнее прочтут, когда я, призванный Богом отдать отчёт в моих делах, уже не буду среди них.

Если случится заметить, что некоторые события, возможно, я изложил с излишним удовольствием или с видимостью тщеславия, то имейте ко мне снисхождение. Это написано отцом, наслаждающимся беседой о своём с любимыми детьми, а им приятно узнать о маленьких приключениях того, кто премного возлюбил их и кто в малом и большом всегда старался трудиться ради их духовного и земного блага.

Воспоминания я разделил по декадам, то есть по десятилетиям, поскольку на каждом из этих отрезков наши дома развивались значительно и ощутимо.

И когда, дети мои, вы прочтёте эти воспоминания после моей смерти, то вспомните, что у вас был любящий отец, который, прежде чем покинуть мир, оставил эти воспоминания в залог отцовской любви. А вспомнив об этом, помолитесь Богу о вечном упокоении для моей души.

¹ Это название первой из трех тетрадей, в которой Дон Боско написал Воспоминания. В ней описываются события от его рождения до момента его облачения в клирика в 1835 году, когда он закончил класс риторики.

² По-видимому, автор имеет в виду Папу Пия IX.

Десять лет детства – Смерть отца – Стеснённые обстоятельства семьи – Мать-вдова

В день, посвящённый Взятию Марии на небеса, в 1815 году, я появился на свет в Мориальдо, в пригороде Кастельнуово д'Асти. Мать моя звалась Маргерита Оккьена, родом она была из Каприльо, отец же звался Франческо. Они были крестьяне, трудом и бережливостью честно зарабатывали себе на жизнь. Мой добрый отец, почти исключительно своими усилиями, добывал в поте лица пропитание семидесятилетней бабушке, измождённой разными недугами, трём детям, старшим из которых был Антонио, сын от первого брака, вторым – Джузеппе, а самым младшим – Джованни, то есть я, и ещё двоим помощникам на поле.

Мне не исполнилось и двух лет, когда Милосердный Бог поразил нас безмерным несчастьем. Возлюбленный отец, пышущий силой, в расцвете лет, горячо желавший дать христианское воспитание потомству, как-то, вернувшись с работы домой изрядно вспотевшим, неосмотрительно спустился в подземный холодный погреб. К вечеру он весь покрылся испариной – жестокая лихорадка указывала на сильнейшую простуду. Всякое лечение оказалось бесполезным, и спустя несколько дней он оказался на пороге смерти. Укреплённый всеми утешениями веры, убеждая мою мать уповать на Бога, он ушёл из жизни в расцвете лет, в 34 года, 12 мая 1817 г.

Не знаю, что происходило со мной в те горестные минуты; помню лишь – и это первое событие моей жизни, сохранившееся в памяти, – как все выходили из комнаты покойного, а я во что бы то ни стало хотел там остаться. «Идём, Джованни, идём со мной», – повторяла скорбящая мать. «Не хочу идти, если папа не пойдёт», – ответил я. «Бедный сынок, – настаивала мать, – идём со мной, у тебя больше нет отца».

Сказав это, она разразилась громкими рыданиями, схватила меня за руку и потащила из комнаты, а я плакал, потому что плакала она, ведь в том возрасте я, конечно, не мог понять, какое это несчастье – потеря отца.

Событие повергло в ужас всю семью. Пять человек остались без содержания; урожай того года, наше единственное средство к существованию, уничтожила чудовищная засуха; цены на продукты питания подскочили до небывалых высот. За эмину муки отдавали до 25 франков³;

³ Эмина – старинная пьемонтская мера объёма злаков, равная примерно 23 литрам (ср. Джованни Боско, *Упрощённая десятичная метрическая система, предваренная четырьмя простыми арифметическими действиями, для использования ремесленниками и сельским народом*, Турин, Дж. Батиста Паравиа и Комп., 1849, 39 в OE IV, 39). В декабре 1817 г. официальная стоимость эмины муки составляла 6,64 пьемонтских лир (или франков, как их продолжали называть в народе), однако из-за неурожая реальные рыночные цены поднялись в три раза. Чтобы составить хотя бы примерное представление

за кукурузу или маис – 16 франков. Многие очевидцы уверяют меня, что нищие назойливо выпрашивали горстку отрубей, чтобы, бросив их в кипящую чечевицу или фасоль, тем самым приготовить себе пропитание. На лугах находили мертвых людей со ртами, набитыми травой – так они пытались унять свирепый голод.

Мать много раз мне рассказывала, что кормила семью, пока было чем; потом она дала некоторую сумму денег соседу по имени Бернардо Кавалло, чтобы тот пошёл найти, что поесть. Этот друг ходил по разным рынкам и ничем не смог запастись даже по чрезмерным ценам. Спустя пару дней он вернулся к вечеру, долгожданный; но когда он объявил, что у него ничего с собой нет, кроме денег, всех охватил ужас. В минувший день нам досталось скуднейшее пропитание, поэтому мы опасались страшных последствий голода ночью. Мать, не растерявшись, пошла по соседям с просьбой одолжить нам съестного, но не нашла никого, кто мог бы прийти на помощь. «Мой муж, – сказала она, – умирая, велел мне уповать на Бога. Давайте же встанем на колени и помолимся». После краткой молитвы поднялась и сказала: «В крайних случаях нужно пользоваться крайними средствами». Она пошла в хлев, с помощью всё того же Кавалло заколола теленка и велела без промедления приготовить часть туши, чтобы накормить истощённую семью. В последующие дни удалось запастись по очень высокой цене злаками, привезёнными из дальних деревень.

Любой может представить себе, сколько пришлось страдать и трудиться моей матери в тот бедственный год. Но благодаря неустанному труду, постоянной экономии, вниманию даже к мелочам и благодаря некоторой, поистине провиденциальной помощи, удалось пережить продовольственный кризис. Мать неоднократно рассказывала мне об этих событиях, а близкие родственники и друзья подтверждали её слова.

Страшная нужда осталась позади, домашнее хозяйство укрепилось, и мать получила очень выгодное предложение руки и сердца; но она снова и снова отвечала: «Бог дал мне мужа и забрал его; умирая, муж мне доверил троих детей, и я оказалась бы жестокой матерью, если бы оставила их в минуту, когда они больше всего нуждаются во мне». Ей ответили, что сыновей передадут хорошему опекуну, который с большим усердием позаботится о них. «Опекун, – ответила бескорыстная женщина, – это

о невиданном удорожании продуктов питания во время кризиса, достаточно сказать, что квалифицированному ремесленнику платили около 1 лиры в день; в описи имущества, составленной после смерти Франческо Боско, 8-летняя корова оценивалась в 30 лир, а лошадь – в 35 лир (ср. Pietro Stella, *Don Bosco nella storia economica e sociale*, 1815-1870, Roma, LAS, 1980, 18-19).

друг, а я – мать детям; я никогда их не брошу, даже если бы мне предложили всё золото в мире».

Главной её заботой было наставить сыновей в вере, привить им послушание и занять их подобающими возрасту делами. Пока я был мал, она сама учила меня молитвам; как только я смог присоединиться к братьям, она стала следить, чтобы я вместе с ними преклонял колени утром и вечером, и все вместе мы читали общие молитвы и одну из трёх частей Розария. Помню, она сама подготовила меня к первой Исповеди, отвела в церковь; исповедалась сама, поручила меня исповеднику, потом помогла мне с благодарением. Так она сопутствовала мне до тех пор, пока не сочла меня способным исповедоваться самостоятельно достойным образом.

Тем временем мне исполнился девятый год; мать хотела, чтобы я пошёл в школу, но это было весьма непросто из-за расстояния, ведь до Кастельнуово было пять километров. Моей отправке в коллегию⁴ воспротивился брат Антонио. И тогда нашли компромисс. Зимой я учился в школе в соседней деревушке Каприльо, где смог освоить начала чтения и письма. Моим учителем был весьма благочестивый священник⁵ по имени Джузеппе Лаква, очень заботливый ко мне: он охотно занимался моим образованием, а ещё охотнее – моим христианским воспитанием. Летом же я, удовлетворяя желание брата, помогал ему работать в поле.

СОН

В том возрасте мне приснился сон, глубоко отпечатавшийся в памяти на всю жизнь. Во сне я увидел, что стою рядом со своим домом в очень большом дворе, где забавлялось множество детей. Одни смеялись, другие играли, немало из них богохульствовали. Услышав богохульства, я сразу же бросился к детям, заставляя их молчать кулаками и словами. В эту минуту появился почтенного вида мужчина средних лет, благородно одетый. Его полностью укрывала белая мантия, но лицо было таким сияющим, что я не мог смотреть на него. Он позвал меня по имени, велел мне встать во главе этих ребят и добавил следующие слова: «Не битьём, а кротостью и милосердием ты должен завоевать своих друзей. Поэтому, не медля, преподай им урок об уродстве греха и ценности добродетели».

⁴ Коллегия – термин используется в качестве названия государственной школы.

⁵ Большую часть учителей начальной школы и преподавателей старших классов в Савойском королевстве до середины века составляли священники, наряду с преподаванием выполнявшие обязанности викария в приходе либо капеллана сельской церкви.

Смутившись и испугавшись, я ответил, что я – всего лишь бедный и неучёный мальчик и не смогу беседовать о вере с ребятами. В ту же минуту парни, перестав драться, галдеть и богохульствовать, все собрались вокруг Того, Кто говорил.

Едва ли понимая, что говорю, я прибавил: «Кто Вы, чтобы требовать от меня невозможного?» – «Именно потому, что это тебе кажется невозможным, ты должен сделать это возможным с помощью послушания и обретения знаний». – «Где, каким способом мне обрести знания?» – «Я дам тебе Наставницу, под чьим руководством ты сможешь стать мудрым, а без неё любое знание превращается в глупость».

– Но кто же Вы, что так говорите?

– Я – сын Той, Кого твоя мать научила тебя приветствовать три раза в день.

– Моя мать говорит, чтобы без её позволения я не общался с незнакомцами; поэтому скажите мне ваше имя.

– Моё имя спроси у Моей Матери.

В ту же минуту я увидел рядом с ним величественную женщину в мантии, сиявшей так, словно каждый стежок был яркой звездой. Заметив, что я ещё больше запутался из-за своих вопросов и ответов, Она сделала мне знак приблизиться к Ней, по-доброму взяла меня за руку и сказала мне: «Смотри». Поглядев, я увидел, что все дети убежали, а вместо них появилось множество козлят, собак, кошек, медведей и немало других животных. «Вот твоё поле, вот где ты должен работать. Стань смиренным, сильным, крепким; и то, что сейчас, как ты увидишь, произойдёт с этими животными, ты должен будешь сделать для Моих детей».

Тогда я посмотрел, и вместо свирепых зверей появилось такое же множество послушных ягнят: все они, подпрыгивая и бляя, бегали вокруг, словно на празднике в честь того Мужчины и той Женщины.

И тут, всё ещё во сне, я заплакал и стал просить её, чтобы Она говорила понятно, потому что я не знал, что всё это должно означать. Тогда Она положила мне руку на голову, сказав: «В своё время всё поймешь».

После этих слов меня разбудил шум, и всё исчезло.

Я был потрясён. Мне казалось, что мои руки болят от розданных ударов, а лицо горит от полученных пощёчин; и потом, этот Незнакомец, эта Женщина, сказанное и услышанное настолько занимали мой ум, что в ту ночь я так и не смог заснуть. Утром я поспешил тщательно рассказать сон сначала братьям, и те посмеялись, потом – матери и бабушке. Каждый толковал его по-своему. Брат Джузеппе говорил: «Ты станешь сторожем

коз, овец или ещё каких-нибудь животных». Мать говорила: «Кто знает, может, ты станешь священником». Антонио сухо отметил: «Наверно, станешь главарём разбойников». Но окончательный приговор вынесла бабушка, совершенно неграмотная, но немало сведущая в богословии: *«Не следует придавать значения снам».*

Я придерживался мнения бабушки, однако так и не смог стереть сон из памяти. То, что я расскажу далее, разъяснит его смысл. Я всегда об этом молчал, а родственники ни о чём не вспоминали. Но когда в 1858 г. я отправился в Рим побеседовать с Папой о салезианской конгрегации, он попросил меня тщательно изложить всё, что хотя бы только кажется сверхъестественным. Тогда я впервые рассказал сон, приснившийся мне в возрасте девяти-десяти лет. Папа велел мне записать его, передав до мелочей буквальный смысл, и оставить для ободрения сыновьям конгрегации, бывшей целью той поездки в Рим.

ПЕРВАЯ ДЕКАДА – 1825-1835

1. Первые занятия с детьми – Проповеди – Акробат – Опустошение гнёзд

Вы много раз спрашивали меня, в каком возрасте я начал заниматься с детьми. В десять лет я делал возможное для моего возраста, и то был своего рода летний Ораторий. Послушайте. Будучи довольно юным, я уже изучал характеры своих товарищей. И вглядываясь кому-нибудь в лицо, я зачастую читал планы, спрятанные в сердце. Поэтому мои ровесники меня очень любили и весьма уважали. Любому из них я был любезен как судья либо друг. Со своей стороны я делал добро тем, кому мог, зла же не причинял никому. Товарищи очень меня любили: надеялись, что в случае драки я их защищу. И неслучайно: хотя ростом я был меньше всех, у меня доставало силы и отваги внушить страх ребятам намного старше, поэтому, стоило вспыхнуть любого рода ссоре, спору, драке, я становился арбитром противников, и все охотно принимали вынесенный мною приговор.

Но что их собирало вокруг меня и вызывало безумный интерес, так это мои рассказы. Примеры, услышанные в проповедях или на катехизации; чтение *Сюзеренов Франции*, *Жалкого вояки*, *Бертольдо и Бертольдино*⁶ – вот благодатная почва для бесед. Завидев меня, друзья сбегались со всех сторон, лишь бы услышать что-нибудь от того, кто сам едва понимал прочитанное. К ним примыкало немало взрослых, и порой меня по пути в Кастельнуово или обратно, где-нибудь в поле, на лугу, окружали сотни людей, собравшиеся послушать маленького бедного мальчика, который был наделён памятью, но обделён ученьем, а среди них казался великим знатоком: *Monoculus rex in regno caecorum*⁷.

В зимнее время все звали меня в хлев рассказать какие-нибудь историйки⁸. Собирались люди любого возраста и достатка и наслаждались возможностью провести пять, а то и шесть часов вечером, неподвижно слушая *Сюзеренов Франции* в исполнении бедного чтеца, стоящего на скамейке, чтобы

⁶ Средневековые французские рыцарские романы.

⁷ В царстве слепых, одноглазый – царь.

⁸ Долгими зимними вечерами крестьяне собирались в хлеву и проводили время при свете масляной лампы, читая Розарий, занимаясь ручным трудом, обмениваясь новостями дня, рассказывая сказки и традиционные легенды. Также бытовал обычай читать вслух жития святых и популярные романы.

все его слышали и видели. Однако поскольку считалось, что они приходят послушать проповедь, перед началом и по окончании моих рассказов все осеняли себя крестным знамением и читали молитву *Радуйся, Мария*. 1826 г.

В тёплое время года, особенно в воскресные дни, собирались соседи – и немало чужаков. Тут уже дело отнюдь нешуточное. Я развлекал всех фокусами, которым сам обучился у других. На рынках и ярмарках часто бывали чудесники и акробаты, и я ходил на них посмотреть, внимательно отмечая малейшую деталь их подвигов; вернувшись домой, я тренировался, до тех пор пока не научусь делать так же. Только представьте себе достававшиеся мне ежеминутно тычки, удары и падения. Верите ли? В одиннадцать лет я знал игры с напёрстками, крутил сальто-мортале, делал ласточку⁹, ходил на руках, бегал, прыгал и танцевал на канате, словно профессиональный акробат.

Опишу один воскресный день, чтобы показать вам, как я проводил остальные.

В Бекки был луг, где тогда произрастали разные деревья, из них по сей день сохранилась дикая груша, в то время исправно мне служившая. К ней я привязывал канат и протягивал к другому дереву, в некотором отдалении; затем ставили столик с сумкой; и, наконец, на земле расстилали коврик для прыжков. Когда всё было готово и каждый с нетерпением готовился полюбоваться на новенькое, я призывал всех прочесть одну из трёх частей Розария, после чего пелось священное славословие. Окончив это, я взбирался на стул, проповедовал, точнее, повторял запомнимшееся из услышанного утром в церкви толкования на Евангелие или же описывал события и примеры, услышанные либо прочитанные в какой-нибудь книге. По окончании проповеди мы произносили краткую молитву, и я сразу принимался за развлечения. В ту минуту можно было наблюдать, как я уже сказал вам, превращение оратора в профессионального циркача. Я делал ласточку, сальто-мортале, ходил на руках вверх тормашками; затем, препоясавшись сумкой, глотал монетки, и те появлялись на кончике носа то у одного, то у другого; ещё умножал мячи, яйца, превращал воду в вино, резал и разделявал на кусочки петуха, а потом воскрешал его и заставлял петь лучше, чем прежде – таковы были обыкновенные развлечения. По канату я ходил, как по тропинке; прыгал, танцевал, висел то на одной ноге, то на двух; то держался обеими рука-

⁹ здесь: *Ласточка* – акробатический трюк. Держась руками за стоящий вертикально шест, акробат поднимает тело горизонтально над землёй и разводит в стороны ноги напоподобие ласточкиного хвоста.

ми, то – лишь одной. Через несколько часов такого времяпрепровождения, когда я уже изрядно уставал, все забавы прекращались, возносилась краткая молитва, и каждый уходил по своим делам.

Из собраний исключались все, кто богохульствовал, вёл дурные разговоры или же отказывался участвовать в религиозных практиках.

Вы спросите меня: но чтобы ходить по ярмаркам, рынкам, смотреть на фокусников, обеспечивать всё необходимое для подобных развлечений, нужны деньги, откуда же они брались? Об этом я мог позаботиться разными способами. Все монеты, что мать и другие мне давали для маленьких удовольствий или на лакомства; небольшие чаевые, подарки – всё откладывалось ради этого. Кроме того, я весьма искусно ловил птиц ловушкой, клеткой, на приманку, силками; очень хорошо отыскивал гнёзда. Собрав достаточно добра, я умел его весьма удачно продать. Грибы, красильная трава¹⁰, молотильник¹¹ служили мне источником средств.

Вы спросите меня: была ли довольна моя мать тем, что я веду столь расточительную жизнь и трачу время на фокусы? Отвечаю: мать очень любила меня, я же безгранично ей доверял и без её разрешения не пошевелил бы и пальцем. Она обо всём знала, наблюдала и позволяла мне этим заниматься. Если же мне что-то требовалось, то сама весьма охотно всё мне предоставляла. Наконец, мои друзья и вообще все зрители с удовольствием снабжали меня всем необходимым, лишь бы я обеспечивал им столь приятное времяпрепровождение.

2. Первое Причастие – Проповедь миссионеров – О. Калоссо – Школа в Морриальдо

Одно омрачало мои мысли: не было ни церкви, ни часовни, где можно было бы попеть и помолиться с друзьями. Чтобы послушать проповедь или катехизацию, приходилось пройти около десяти километров, туда и обратно: либо в Кастельнуово, либо в соседний поселок Буттильера. Именно по этой причине люди охотно собирались послушать проповеди акробата.

К первому Причастию меня допустили в возрасте одиннадцати лет. Я полностью знал малый катехизис, но обычно никого не допускали к Причастию до двенадцати лет. Поскольку церковь находилась далеко,

¹⁰ Красильная трава, или *вайда красильная* – небольшой кустарник, листья которого использовались для окраски тканей и были очень востребованы местной промышленностью.

¹¹ Молотильник (*treppio, trebbio*) – так на диалекте назывался один из подвидов кустарника эрика; применялся при изготовлении скребниц и щеток для ухода за лошадьми.

я был незнаком настоятелю и должен был довольствоваться разве что религиозными наставлениями доброй родительницы. Однако та не желала, чтобы я и дальше вырос, не приступая к великому таинству нашей святой веры, и сама взялась подготовить меня наилучшим образом, насколько могла и знала. Великим же постом ежедневно отправляла меня на катехизацию¹². И вот, я был проэкзаменован, допущен, и был назначен день, когда все ребята должны были совершить Пасху.

Среди толпы было невозможно избежать рассеянности. Мать несколько дней помогала мне, трижды водила меня на Исповедь Великим постом. «Джованни, – постоянно говорила она, – Бог готовит тебе великий дар; но постарайся хорошо подготовиться, исповедаться, ни о чём не умолчи на Исповеди. Исповедуй всё, покайся во всём и пообещай Богу впредь сделаться лучше». Я пообещал всё, а сдержал ли обещание – это знает Бог. Дома она побуждала меня молиться, прочесть хорошую книгу, давая мне советы, какие умная мать находит целесообразными для своих детишек.

В то утро она не позволила мне ни с кем разговаривать; отвела меня на священную трапезу и вместе со мной была во время подготовки и благодарения, которые окружной викарий по имени Сисмонди очень ревностно проводил с детьми: то викарий, то дети громким голосом говорили по очереди. В тот день она не разрешила мне заняться каким-либо физическим трудом, но велела сосредоточиться на чтении и молитве.

Среди суматохи мать несколько раз повторила мне следующие слова: «Дорогой сыночек, сегодня для тебя великий день. Я уверена, что Бог понастоящему овладел твоим сердцем. Пообещай Ему прямо сейчас сделать всё возможное, чтобы оставаться добрым до конца жизни. В будущем часто причащайся, но хорошенько берегись святотатства. Всегда всё рассказывай на Исповеди, всегда будь послушным, с охотой ходи на катехизацию и проповеди, и ради любви к Господу беги, как от чумы, тех, кто ведёт дурные разговоры».

Я держался увещаний благочестивой родительницы и старался воплотить их в жизнь; мне кажется, что с того дня в моей жизни началось некоторое улучшение, особенно – в послушании и подчинении другим,

¹² В 1825 г. настоятель в Кастельнуово писал архиепископу: «Катехизация подростков проводится не только в праздничные дни, но и во все дни Великого поста, начиная с первой недели до Страстной, чтобы подготовить их к пасхальной Исповеди и Причастию; к Причастию же мальчиков и девочек повсеместно начинают допускать в возрасте 12 лет, если заметят в них способность и склонность к этому» (*Relazione dello stato della Parrocchia di A. Andrea*, f. 471). Церемония совершалась в пасхальное время. Джованни исполнилось 11 лет 16 августа 1826 г.; вероятно, он был допущен к Причастию на Пасху 1827 г.

что прежде вызывало у меня немалое отторжение: всегда хотелось поребячески передразнивать командующих мною или дающих мне добрые советы.

В тот год (1826) в поселке Буттильера была организована торжественная миссия, и я воспользовался случаем послушать множество проповедей. Известность проповедников привлекала народ отовсюду. И я тоже пошел туда со многими другими. После наставления и вечерней медитации слушатели расходились по домам.

В один из этих апрельских вечеров я шёл домой в толпе, и был среди нас некий о. Калоссо из Кьери, очень благочестивый человек: спорбленный бременем прожитых лет, он, тем не менее, проделал длинный путь, чтобы послушать миссионеров. Он был капелланом¹³ в Мориальдо. Увидев невысокого мальчугана с непокрытой головой, с взъерошенными вьющимися волосами, шедшего в полном молчании среди прочих, он остановил на мне взгляд и так начал со мной разговор:

– Сынок, откуда ты? Никак, тоже ходил на миссию?

– Да, господин, я ходил на проповедь к миссионерам.

– Ну, разве ты сможешь хоть что-нибудь понять! Может, мама прочитала бы тебе более подходящую проповедь, разве нет?

– Правда, моя мать мне часто устраивает хорошие проповеди; но я очень охотно хожу послушать миссионеров, и мне кажется, что я их понял.

– Если сможешь мне назвать четыре слова из сегодняшних проповедей, я дам тебе четыре монетки.

– Только скажите мне, желаете ли Вы, чтобы я назвал из первой или из второй проповеди.

– Как тебе угодно, лишь бы ты назвал мне четыре слова. Помнишь, о чем говорилось в первой проповеди?

– В первой проповеди говорилось о необходимости предавать себя Богу вовремя и не откладывать обращение.

– И о чем же говорилось в той проповеди? – переспросил достойный старец, весьма изумившись.

– Я помню довольно хорошо и, если Вам угодно, расскажу всё.

И, не медля, я начал излагать предисловие, затем три пункта, то есть что откладывающий обращение подвергает себя серьёзной опасности: ему может не хватить либо времени, либо благодати, либо воли. Он мне

¹³ *Капеллан* – это священник, которому в постоянном порядке поручается пастырское попечение, хотя бы частичное, о какой-либо общине или особой группе верных Христу.

позволил продолжать более получаса, в толпе, а затем принялся расспрашивать: «Как твоё имя, кто твои родители, многому ли обучился?»

– Зовут меня Джованни, отец мой умер, когда я был ещё ребенком. Моя мать вдова и содержит пять человек. Обучен чтению и немного письму.

– То есть не изучал ни «Доната», ни грамматику?¹⁴

– Даже не знаю, что это такое.

– Тебе бы хотелось учиться?

– Очень-очень.

– Так что же тебе мешает?

– Мой брат Антонио.

– Почему же Антонио не разрешает тебе учиться?

– Да потому что он сам не хотел ходить в школу и говорит, что не желает, чтобы другие теряли время за учёбой, как он когда-то. Но если бы я смог туда попасть, то учился бы, а не терял время.

– По какой же причине ты желал бы учиться?

– Чтобы принять духовный сан.

– А по какой причине ты хотел бы принять духовный сан?

– Чтобы стать ближе к ребятам, чтобы беседовать, наставлять в вере многих моих товарищей, которые не плохи сами по себе, но становятся такими потому, что никто о них не заботится.

Моя откровенная и, скажу даже, смелая речь произвела сильное впечатление на святого священника; пока я говорил, он не отводил от меня взгляда. Тем временем мы дошли до перекрестка, где расходились наши пути, и он оставил меня со следующими словами: «Не печалься, я подумаю о тебе и твоей учёбе. Приходи в воскресенье с матерью навестить меня, и мы всё решим».

В следующее воскресенье мы действительно пошли туда с моей матерью, и договорились, что он сам будет учить меня раз в день, а остаток дня я буду работать в поле, чтобы угодить брату Антонио. Тот легко согласился, поскольку учёба должна была начаться после лета, когда полевые работы больше не доставляют таких забот.

Тут же я верил себя заботам о Калоссо, всего несколько месяцев назад получившего эту капелланию¹⁵. Всего себя я открыл перед ним. Любое слово, любую мысль, любое действие я с готовностью описывал ему.

¹⁴ *Донат* – этим термином обозначали латинскую грамматику. Происходит от имени римского грамматика IV в. н.э. Элио Доната (наставника Св. Иеронима и Руфина Аквилейского), автора двух трактатов по грамматике, веками служивших учебниками латинского языка. В Пьемонте «Донатом» называлась грамматика латинского языка для младших классов: *Donato ossia rudimenti di lingua latina ed italiana*, Torino, Stamperia Reale, 1815. «Грамматикой» назывался учебник для старших классов.

¹⁵ *Капеллания* – община верующих, вверенная в попечение капеллану.

Это ему очень нравилось, ведь он таким образом основательно мог направлять меня в духовном и преходящем.

Тогда я узнал, что такое надёжный наставник, верный духовный друг, какого до тех пор я был лишён. Среди прочего, он твёрдо мне запретил покаяние, которому я часто предавался, не подходящее мне по возрасту и положению. Он ободрил меня ходить на Исповедь и к Причастию, научил меня ежедневному краткому размышлению или, лучше сказать, краткому духовному чтению. В выходные дни я всё время, когда мог, проводил у него. В рабочие дни, когда мог, прислуживал ему за Св. Мессой.

С того времени я начал ощущать, что такое духовная жизнь, ведь прежде я действовал, в основном, механически, словно машина, которая что-то делает, не осознавая причины.

В середине сентября я начал регулярное изучение итальянской грамматики, вскоре смог завершить его и попрактиковаться с помощью подходящих сочинений. На Рождество я взял в руки «Доната», на Пасху начал переводить с латинского на итальянский и обратно. И всё это время я ни разу не отказался от привычных в выходные забав на луку или зимой в хлеву. Каждое событие, каждое высказывание и, могу сказать, каждое слово наставника помогало мне занимать моих слушателей.

Я считал себя счастливым и полагал, что мои желания исполнились, когда новое потрясение, вернее, огромное несчастье, разбило мои надежды.

3. Учёба и мотыга – Плохая и добрая новость – Смерть о. Калоссо

Пока продолжалась зима и полевые работы не отнимали никаких усилий, брат Антонио давал мне время для школьных занятий. Но с началом весны он начал жаловаться, говоря, что, пока он изнуряет себя в тяжелых трудах, я теряю время, как какой-нибудь барчонок. После его горячих споров со мною и с моей матерью, для сохранения мира в семье, было решено, что рано утром я буду ходить в школу, а остаток дня посвящать материальным работам. Но как же учить уроки? Как делать переводы?

Послушайте. По пути в школу и обратно в моём распоряжении оказывалось некоторое время для учёбы. Придя домой, я брал в одну руку мотыгу, а в другую – грамматику, и по дороге учил *Если ставим: Qui quae*

quod и т.п.¹⁶, пока не приходил на место работы; там, бросив жалостливый взгляд на грамматику, откладывал её в угол и принимался мотыжить, полоть либо собирать траву вместе с другими, смотря по потребности.

В час, когда другие по обыкновению перекусывали, я удалялся в сторону: в одной руке у меня был хлебец, от которого я откусывал, а в другой – книга, по которой я учился. То же самое делал по дороге домой. Час обеда, ужина, отдых урывками – только это время мне и оставалось для выполнения письменных заданий.

Несмотря на усердную работу и добрые намерения, брат Антонио был недоволен. В один прекрасный день он тоном, не терпящим возражений, заявил моей матери, а затем – брату Джузеппе: «Всё, довольно. Кончай с грамматикой. Я вырос большим и сильным, а никогда не видел этих книжек». Охваченный в эту минуту огорчением и гневом, я ответил ему так, как не должен был: «Ты плохо говоришь, – сказал я ему. – Разве не знаешь, что наш осёл крупнее тебя и тоже в школу никогда не ходил? Или хочешь стать как он?» При этих словах он пришёл в ярость – и лишь потому, что ноги очень хорошо меня слушались, я смог сбежать и спастись от града побоев и подзатыльников.

Мать была весьма опечалена, я плакал, капеллан скорбел. Достойный служитель Бога, осведомлённый о неприятностях в моей семье, однажды вызвал меня и сказал: «Джованни, ты доверился мне, и я не хочу, чтобы это оказалось напрасным. Итак, оставь жестокого брата и приходи ко мне, я буду тебе любящим отцом».

Я сразу передал матери это милосердное предложение, и в семье был праздник. В апреле я переселился к капеллану, домой возвращался только к вечеру поспать.

Никто не может представить себе, насколько я был доволен. О. Калосо стал для меня идиолом. Я любил его сильнее, чем отца, молился за него, охотно служил ему во всех делах. Более того, трудиться для него было мне наивысшим удовольствием; можно сказать, я был готов отдать жизнь, лишь бы порадовать его. За один день, проведённый с капелланом, я добился успеха, какого бы не достиг дома и за неделю. Человек Божий был ко мне столь расположен, что неоднократно говорил мне: «Не беспокойся о будущем; пока я жив, я не позволю тебе в чем-либо испытывать нужду; если умру, то всё равно позабочусь о тебе».

¹⁶ Начало латинского грамматического правила, сформулированного в *Новой методике лёгкого овладения латинским языком* в рифму для облегчения усвоения.

Мои дела продвигались несказанно благополучно. Я называл себя настоящим счастливчиком, мне больше нечего было желать, и тут несчастье положило конец всем моим ожиданиям.

Апрельским утром 1828 года о. Калоссо отправил меня к моим родственникам с поручением; только я пришёл домой, как меня догнал запыхавшийся гонец и велел немедленно бежать к о. Калоссо: того поразила тяжёлая хворь и он зовёт меня. Я не бежал – летел к моему благодетелю, но, увы, нашёл его бессловесным в постели. Его поразили апоплексический удар. Он узнал меня, хотел говорить, но не мог вымолвить ни слова. Он дал мне ключ от ящика с деньгами, знаком велел никому не отдавать. Однако после двухдневной агонии бедный о. Калоссо упокоился душой на лоне Творца, и вместе с ним умерли все мои надежды. Я всегда молился за него и пока жив, не перестану по утрам возносить молитвы за моего бесценного благодетеля.

Прибыли наследники о. Калоссо, и я передал им ключ и всё остальное.

4. О. Кафассо – Сомнения – Разрыв между братьями – Школа в Кастельнуово д'Асти – Музыка – Портной

В тот год Божественное Провидение дало мне встретить нового благодетеля: о. Кафассо Джузеппе¹⁷ из Кастельнуово д'Асти.

Было второе воскресенье октября (1827 г.) и жители Мориальдо отмечали праздник Материнства Пресвятой Девы Марии, главное торжество в той местности. Одни занимались делами дома или в церкви, прочие же были зрителями либо участвовали в разных играх и забавах.

Я заметил лишь одного человека в стороне от всяческих зрелищ: это был невысокий клирик с блестящими глазами, на вид приветливый, с ангельским лицом. Он опирался о церковную дверь. Его облик словно увлек меня, и хотя мне едва исполнилось двенадцать лет, побуждаемый желанием поговорить с ним, я приблизился и обратился к нему со следующими словами: «Господин аббат, не желаете ли посмотреть какое-нибудь зрелище на нашем празднике? Я вас с радостью сопровожу, куда вам угодно».

¹⁷ Джузеппе Кафассо (15 января 1811 г. – 23 июня 1860 г.) станет исповедником и духовным наставником Дона Боско. Рукоположен во священника в 22 года, был очень молитвенным человеком, вёл аскетичную жизнь, посвящая себя полностью пастырскому служению и преподаванию моральной теологии. Неумолимый проповедник и духовный наставник, был особенно чуток к бедным и заключённым, регулярно их навещал и оказывал материальную помощь. Милосердно утешал и укреплял приговорённых к смертной казни. Оказал огромное влияние на расцвет святости среди священства в Пьемонте на рубеже XIX-XX вв. Причислен к лику святых в 1947 г., заступник заключённых.

Он ласковым знаком велел мне подойти и начал расспрашивать о моем возрасте, учёбе, допущен ли я уже к Святому Причастию, часто ли приступаю к Исповеди, куда хожу на катехизацию и т.п. Я был словно зачарован его образцовой манерой вести беседу; охотно ответил на все вопросы; затем, чтобы отблагодарить его за радушие, повторил предложение проводить его полюбоваться каким-нибудь зрелищем или новинками.

– Дорогой друг, – возразил он, – для священника зрелище – церковные службы; чем благоговейнее они совершаются, тем приятнее нам смотреть на них. Наши новинки – христианские обряды, вечно новые и потому заслуживающие усердия; я жду лишь, когда откроется церковь, чтобы войти.

Я решился продолжить беседу и добавил: «Сказанное вами – правда, но ведь есть время для всего: время ходить в церковь и время для отдыха».

Он засмеялся и завершил разговор памятными словами, бывшими своего рода программой к действию на протяжении всей его жизни: «Кто принимает духовный сан, тот продаёт себя Господу, и ничто в мире более не должно занимать его сердце, кроме того, что можно обратить к вящей славе Бога и на благо душ».

Совершенно изумлённый, я хотел узнать имя клирика, в чьих словах и поведении столь очевиден был Дух Господень. Узнал, что он – клирик Джузеппе Кафассо, студент I курса, изучающий богословие, – тот, кого, как мне уже много раз доводилось слышать, называли зеркалом добродетели.

Смерть о. Калоссо оказалась для меня невосполнимой утратой. Я безутешно оплакивал усопшего благодетеля. Когда я бодрствовал – думал о нем, когда спал – видел его во сне; так продолжалось до тех пор, пока мать, опасаясь за моё здоровье, не отправила меня на некоторое время к дедушке в Каприльо.

В то время мне приснился другой сон, в котором я принял резкое порицание за то, что возложил свою надежду на людей, а не на благодать Небесного Отца. Тем временем меня неотступно сопровождала мысль о продолжении учёбы. Я видел немало добрых священников, подвизавшихся в священном служении, но ни с кем не мог завязать доверительных отношений.

По дороге мне нередко случалось встречать настоятеля с викарием. Я издали приветствовал их, а подойдя поближе, ещё и кланялся. Но они важно и вежливо отвечали на моё приветствие и продолжали свой путь. Неоднократно я, плача, говорил себе и даже другим: «Будь я священником, то поступал бы иначе: подходил бы к ребятам, говорил бы им добрые

слова, давал бы хорошие советы. Как бы я был рад недолго побеседовать с моим настоятелем. Это утешение мне доставлял о. Калоссо, неужто, больше этого никогда не будет?»

Моя мать, замечая, что я всё ещё огорчен препятствиями к обучению и отчаявшись получить разрешение у Антонио – а тому уже исполнилось двадцать лет, – распорядилась приступить к разделу отцовского имущества. Сложности были немалые: поскольку я и Джузеппе ещё не достигли совершеннолетия, пришлось выполнить много формальностей и пойти на большие затраты. Но своего решения она не изменила. Так наша семья сократилась до моей матери и моего брата Джузеппе, пожелавшего жить со мной нераздельно. Бабушка же умерла несколькими годами ранее.

Правда, что этот раздел снял у меня камень с сердца и предоставил полную свободу продолжать обучение, однако для исполнения законных формальностей требовалось несколько месяцев, и я смог пойти в государственные школы Кастельнуово только накануне Рождества 1828 г., заменяя уже тринадцатый год жизни¹⁸.

Частные уроки, поступление в государственную школу с новым учителем, привели меня в замешательство, ведь пришлось практически начать с итальянской грамматики, тем самым готовясь к латинской. Некоторое время я ежедневно ходил из дома в школу посёлка, но лютой зимой мне это было почти не под силу. В день два похода туда и два обратно составляли километров двадцать пути. Поэтому меня определили на пансион к честному человеку по имени Роберто Джованни, портному по профессии и доброму любителю григорианского хора и вокальной музыки. Поскольку голос мне позволял посвятить себя всем сердцем музыкальному искусству, я через несколько месяцев уже взбирался на хоры и весьма успешно исполнял сольные партии. К тому же, желая занять чем-нибудь досуг, я решил учиться шить у портного. В кратчайшие сроки я научился пришивать пуговицы, обрабатывать края, делать простой и двойной шов. Я также научился кроить исподнее, корсажи, брюки, жилеты, и мне казалось, что я стал искусным мастером-портным.

Мой хозяин, изумляясь моим успехам в его ремесле, делал мне весьма выгодные предложения: чтобы я окончательно обосновался у него и занялся швейным делом. Но мое мнение было иным: мне хотелось продвигаться в учёбе. Я занимался многими вещами, просто избегая праздности, но все усилия прилагал к достижению главной цели.

¹⁸ Следует читать: в декабре 1830 г. (через пару недель после смерти о. Калоссо); Джованни было 15 лет.

В тот год я подвергся опасностям из-за некоторых товарищей. Они хотели увести меня играть во время занятий, а поскольку я свой отказ обосновывал отсутствием денег, они предложили мне обокрасть моего хозяина либо мою мать. Один приятель говорил мне, подстрекая: «Дорогой, пора проснуться, нужно научиться жить в мире. Тот, у кого глаза завязаны, не видит, куда идёт. Поэтому раздобудь денег и развлекись с друзьями».

Помню, я ответил так: «Не пойму, что вы хотите этим сказать, но, судя по вашим словам, вы мне советуете играть и воровать. Разве ты не говоришь ежедневно в молитвах: *седьмая заповедь – не кради?* Ворует вор, а они кончают плохо. К тому же моя мать очень меня любит, и если я прошу у неё денег на дозволенное, она мне их даёт; без её позволения я никогда ничего не делал и теперь начинать не желаю. Если твои друзья промышляют этим, то они преступники. Если же сами так не поступают, но советуют другим, то они негодные злодеи».

Эту речь передавали от одного к другому, и больше никто из них не осмеливался мне делать столь недостойных предложений. Более того, мой ответ дошёл до слуха преподавателя и тот проникся ко мне большей приязнью; об этом также узнали многие родители мальчиков из благородных семей и начали рекомендовать сыновьям дружить со мной. Поэтому я мог легко выбрать себе друзей, которые любили и слушались меня, как ребята в Мориальдо.

Дела мои принимали отличный оборот, но тут всё омрачилось новым происшествием. О. Вирано, мой преподаватель, был назначен настоятелем в Мондонио – епархия Асти. По этой причине в апреле того года, 1830-го¹⁹, наш любимый наставник вступил в управление приходом; сменивший его был не способен поддерживать дисциплину и едва не пустил по ветру всё, что я выучил за предшествовавшие месяцы.

5. Учёба в Кьери – Доброта преподавателей – Первые четыре класса грамматики

Потеряв немало времени, наконец, я принял решение отправиться в Кьери, и там посвятить себя серьёзной учёбе. Был 1830 год. На того, кто вырос в лесах и едва ли побывал в нескольких провинциальных посёлках, любая маленькая перемена производит огромное впечатление. Я поселился у землячки, Лючии Магта, вдовы и матери единственного сына, переехавшей к нему в город, чтобы присматривать за ним. Первым, с кем я по-

¹⁹ В апреле 1831 г.

знакомился, был священник Эустакио Валимберти, любезной и славной памяти. Он дал мне множество добрых предостережений о том, как уберечься опасностей, пригласил прислуживать ему за Мессой, что также предоставляло ему возможность всегда давать мне добрые советы. Он сам отвёл меня к школьному префекту, познакомил с другими преподавателями. Поскольку до сих пор я учился всему понемногу и в итоге почти ничему не научился, было рекомендовано направить меня в шестой класс, что в наши дни соответствует подготовительному периоду 1-м гимназическим классом²⁰.

Тогдашний наставник, богослов²¹ Пуньетти, также доброй памяти, обращался со мной очень милосердно. Он заботился обо мне в школе, приглашал к себе домой и, движимый состраданием к моему возрасту и добрым намерениям, не жалел ничего из того, что могло бы быть мне полезным.

Однако из-за возраста и телосложения в кругу младших товарищей я казался высоченной колонной. Горячо желая вырваться из этого положения, я после двух месяцев в шестом классе добился первого места, был допущен к экзамену и переведён в пятый класс. В новый класс я пошёл охотно, поскольку одноклассники были старше, к тому же преподавал там дорогой о. Валимберти. Ещё через два месяца, поскольку я опять несколько раз занял первое место в классе, в виде исключения меня допустили ко второму экзамену, после чего перевели в четвертый класс, соответствующий 2-му классу гимназии.

В этом классе преподавал Чима Джузеппе, человек суровой дисциплины. Увидев в середине года новенького – высокого и крепкого, как он сам, – он пошутил в присутствии всех учеников: «Ну, этот либо непреходимый тупица, либо выдающийся талант. Что скажете?» Потрясённый столь суровым приёмом, я ответил: «Что-то среднее, просто бедный юноша, с добрым намерением исполнить свой долг и продвинуться в учёбе».

Эти слова ему понравились, и он с необычной любезностью ответил: «Если у вас доброе намерение, то вы в хороших руках, без дела я вас

²⁰ Шестой класс: савойская школа в те времена включала два начальных класса, называвшиеся *коммунальной школой (младший седьмой и старший седьмой)*, 3 класса *нижней латыни (шестой; пятый; четвёртый)*, 3 класса *высшей латыни (третий или грамматика; гуманитарный; риторика)*, после чего следовало двухгодичное изучение философии (с классами *физики и логики*). Ко времени написания Доном Боско *Воспоминаний об Оратории* пьемонтская школа была реформирована (реформа 1859 г.). *Начальное образование* было поделено на две ступни, нижнюю (2 года) и старшую (2 года); *среднее классическое образование* предполагало два уровня: *гимназия* (5 лет) и *лицей* (3 года); *среднее техническое образование* также подразделялось на два уровня: *технические школы* (3 года) и *технические институты* (3 года).

²¹ Титул *богослов* в Пьемонте присваивался лицам, получившим диплом о высшем богословском образовании в Королевском университете Турина.

не оставлю. Мужайтесь, а если будет трудно, сразу же сообщите мне, и я всё улажу». Я поблагодарил его от всего сердца.

Я провёл в этом классе два месяца, как вдруг из-за небольшого происшествия снова оказался у всех на устах. Однажды профессор объяснял жизнеописание Агесилая, составленное Корнелием Непотом. В тот день у меня не было с собой книги, и чтобы не обнаружить мою забывчивость перед учителем, я раскрыл «Доната». Товарищи заметили. Один засмеялся, второй подхватил – было очевидно, что в классе непорядок.

«Что такое, – спросил учитель, – что такое? Немедленно мне доложите». И поскольку глаза всех были обращены ко мне, он велел мне разобрать грамматическую конструкцию и повторить дословно его объяснение. Тогда я встал и, всё ещё держа в руках «Доната», повторил на память текст, конструкцию и объяснение. Одноклассники, почти инстинктивно издавая восхищённые возгласы, захлопали в ладоши. Нечего и говорить, как разъярился профессор; ведь впервые он, по его мнению, не сумел сохранить дисциплину. Он дал мне подзатыльник, который я принял, склонив голову; затем, держа руку на моем «Донате», потребовал от моих соседей объяснить причину беспорядка. И те сказали: «У Боско перед глазами всё время был “Донат”, а он прочёл и объяснил так, словно держит в руках книгу Корнелия».

Преподаватель удостоверился в том, что передо мною «Донат», и велел мне пересказать ещё два периода, после чего сказал: «За вашу счастливую память я прощаю вам вашу забывчивость. Вам повезло, но старайтесь пользоваться этим во благо».

По окончании учебного года (1830-1831)²² я с хорошими баллами был переведён в третий грамматический класс, то есть в третий гимназический.

6. Товарищи – Общество Радости – Христианские обязанности

В первых четырёх классах мне пришлось самостоятельно научиться общаться с товарищами. Однокашников я разделил на три категории: добрые, безразличные, дурные. Последних я всегда тщательно избегал сразу после знакомства; с безразличными общался из вежливости и по нужде; с добрыми завязывал дружбу, убедившись, что они действительно таковы. Поскольку в городе я никого не знал, то взял за правило ни с кем не сближаться. Тем не менее, мне пришлось немало побороться

²² Следует читать: 1831-1832.

с теми, кого я не знал хорошо. Одни хотели сводить меня в театр, другие – составить партию в игру, третьи – поплавать²³. А некоторые даже соблазняли приворовывать плоды в садах и на полях.

Один был настолько бесстыден, что советовал мне украсть у хозяйки дома ценную вещь, чтобы разжиться конфетами. Я избавлялся от этой злосчастной компании, строго избегая таких ребят, по мере того, как они разоблачали себя передо мной. Обычно я всем давал добрый ответ, что моя мать поручила меня хозяйке дома и что из любви, питаемой к ней, я не хочу никуда пойти или что-то сделать без разрешения доброй Лючии.

Моё твёрдое послушание доброй Лючии оказалось мне полезным и в материальном плане, поскольку она с большой радостью доверила мне своего единственного сына²⁴, очень непоседливого по характеру, весьма любившего развлечения и не любившего учёбу. Она также поручила мне быть его репетитором, хотя он учился в старшем классе.

Я занимался с ним, как с братом. Добром, маленькими подарками, домашними забавами, а также – приобщением к религиозным практикам я сделал его весьма кротким, послушным и прилежным, так что через шесть месяцев он стал достаточно хорош и старателен, чтобы угодить своему профессору и добиться почётно́го места в классе. Мать была этому очень рада и в качестве премии вернула мне полностью стоимость месячного пансиона.

Поскольку товарищи, желавшие привлечь меня к беспорядкам, были самыми небрежными в исполнении обязанностей, то они начали обращаться ко мне с просьбой об обычной школьной услуге: чтобы я дал им списать или надиктовал домашнее задание. Это не понравилось профессору, ведь такое ложное милосердие усугубляло их лень, поэтому было строго запрещено. Тогда я выбрал менее рискованный путь, то есть начал им объяснять трудные места и помогать тем, кто в этом нуждался. Тем самым я всем угодил, заслужил благожелательность и приязнь товарищей.

Они начали приходить для развлечения, затем – чтобы послушать рассказы и сделать уроки, наконец, приходили даже без причины, как некогда ребята в Моримальдо и Кастельнуово. Для обозначения этих собраний мы обычно называли их Обществом радости; название очень хорошо подходило, поскольку обязанностью каждого было находить книги, вести беседы и устраивать забавы, способствующие сохранению

²³ Действовавшие школьные правила запрещали учащимся без разрешения Префекта плавать, ходить в театр, на балы, трактиры, в кафе, на званые обеды под угрозой отчисления из школы.

²⁴ Примечание Дона Боско: «Матта Джо[ванни] Багг[ист]а из Кастельнуово д'Асти был много лет мэром своего родного населенного пункта, в настоящее время занимается торговлей в том же месте».

радости. Напротив, было запрещено всё вызывающее меланхолию, особенно – то, что противоречит закону Господа. Если же кто богохульствовал, или всуе поминал имя Божие, или вёл дурные разговоры, то его немедленно отлучали от общества. Так я оказался во главе многочисленной компании. С общего согласия за основу было взято следующее: 1. Каждый член Общества радости должен избегать любых разговоров и действий, не приличествующих доброму христианину; 2. Аккуратность в выполнении школьных обязанностей и обязанностей религиозных. Это доставляло мне уважение, и в 1832 г. мои товарищи почитали меня, как капитана маленького отряда. Со всех сторон меня искали, чтобы я доставил радость, посетил учеников в частных домах и для того, чтобы делать уроки и заниматься домашним репетиторством. Тем самым Божественное Провидение помогало мне обеспечить себя необходимой одеждой, школьными принадлежностями и прочим, не доставляя никакого беспокойства моей семье.

7. Добрые друзья и практики благочестия

Среди состоявших в Обществе радости были и несколько поистине образцовых друзей. Упоминания из них заслуживают Гарильяно Гульельмо из Пойрино и Брайе Паоло из Кьери. Они охотно участвовали в порядочном досуге, но так, чтобы первым делом всегда выполнять школьные обязанности. Оба любили уединение и благочестие, постоянно давали мне добрые советы. Все праздники, после конгрегации учащихся в коллегии²⁵, мы ходили в церковь Св. Антония, где иезуиты проводили великолепную катехизацию, многие примеры из неё я помню до сих пор.

На неделе Общество радости собиралось на дому у одного из членов для бесед о религии. На подобной встрече свободно выступить мог любой желающий. Гарильяно и Брайе были самыми пунктуальными. Мы отлично проводили время за весёлым времяпрепровождением, благочестивыми беседами, религиозным чтением, молитвами; давали друг другу добрые советы, отмечали личные недостатки, если их кто-нибудь подметил или услышал, как о них говорят другие. Даже не зная о том, мы воплощали в жизнь благороднейшую мысль: *Блажен имеющий наставника.*

²⁵ Согласно Школьному регламенту, в каждой государственной школе должен был быть Духовный руководитель и часовня, где учащиеся ежедневно собирались перед занятиями на Мессу, а по воскресеньям – также на утреннее и вечернее богослужение. Эти религиозные собрания назывались *Конгрегациями учащихся*, имя унаследовано от старинных Марианских конгрегаций в иезуитских коллегиях.

И поучение Пифагора: *Если у вас нет друга, исправляющего ваши недостатки, то заплатите врагу, чтобы он оказал вам эту услугу.*

Помимо подобных дружеских собраний мы ходили слушать проповеди, часто исповедовались и принимали Святое Причастие. Здесь хорошо бы вам вспомнить, что в те времена религия была основополагающей частью воспитания. Преподавателя, хотя бы в шутку сказавшего непристойность или что-то против религии, немедленно освобождали от должности. И если так поступали с преподавателями, то представьте себе, насколько сурово обходились с недисциплинированными или скандальными учениками! Утром в будни мы ходили на Св. Мессу; перед занятиями благочестиво читали *Actiones*²⁶ с *Ave Maria*²⁷. После – *Agimus*²⁸ с *Ave Maria*.

В выходные же дни ученики все собирались в церкви конгрегации. Пока юноши подходили, совершалось духовное чтение, за ним следовало пение Богородичного оффиция; далее – Месса и, наконец, толкование на Евангелие. Вечером катехизис, вечерня, наставление. Каждый должен был причаститься Святых Таинств; чтобы воспрепятствовать пренебрежению столь важными обязанностями, ученики были обязаны раз в месяц сдавать письменное подтверждение Исповеди. Не исполнявший эту обязанность не допускался к экзаменам в конце года, даже если был наилучшим в учении. Столь суровая дисциплина приносила чудесные результаты. Годами не было слышно ни богохульства, ни дурного разговора. Ученики были кроткими и уважительными и во время занятий, и в своих семьях. Часто случалось, что в весьма многолюдных классах в конце года все переводились в следующий класс. В третьем классе, в гуманитарном и в классе риторики мои соученики все и всегда переходили в следующий.

Самым удачным для меня событием оказался выбор постоянного духовника в лице богослова Малориа, каноника коллегии города Кьери. Всякий раз, когда я к нему приходил, он принимал меня с безграничной добротой. Он сам даже поощрял меня чаще исповедоваться и причащаться. Очень редко можно было встретить того, кто одобрял частое причастие к таинствам. Не помню, чтобы кто-либо из наставников рекомендовал мне

²⁶ *Actiones* – начало молитвы из *Григорианского sacramентария*: «*Actiones nostras, quaesumus, Domine, aspirando praeveni et adiuvando prosequere, ut cuncta nostra operatio a te semper incipiat et per te coepta finiatur*» (Господи, вдохнови наши деяния и сопутствуй им Своей помощью, чтобы всякое наше действие в Тебе обретало начало и завершение).

²⁷ *Ave Maria* – начало молитвы *Радуйся, Мария*.

²⁸ *Agimus* – начало молитвы, читавшейся по окончании работы и после еды: «*Agimus tibi gratias, omnipotens Deus, pro universis beneficiis tuis. Qui vivis et regnas in saecula saeculorum. Amen*» (Всемогущий Боже, благодарим Тебя за все благодеяния твои. Ты, живущий и царствующий во веки веков. Аминь).

подобное. Самым благочестивым считали того, кто ходил на Исповедь и к Причастию более одного раза в месяц; и многие духовники этого не позволяли. Однако я считаю себя должником моего духовника: если бы не он, товарищи вовлекли бы меня в какие-нибудь беспорядки, на которые неискушённым ребятам, увы, приходится жаловаться в больших коллегиях.

В эти два года я не забывал о друзьях из Мориальдо. Всегда поддерживал с ними связь и время от времени, по четвергам, навещал их. На осенних каникулах они, едва узнав о моём приезде, издали бежали мне навстречу и всегда устраивали особый праздник. Среди них тоже было учреждено Общество радости, в него принимали тех, кто за год отличился нравственным поведением; и напротив, исключались из списка те, кто поступал плохо, особенно – те, кто богохульствовал или вёл дурные разговоры.

8. Гуманитарный класс и класс риторики – Луиджи Комолло

По окончании первых курсов гимназии нам нанёс визит Магистрат Реформы в лице профессора о. Джузеппе Гаццани, адвоката, очень достойного человека. Он обошёлся со мной весьма благожелательно, и я сохранил благодарную и добрую память о нём; с тех пор мы всегда поддерживали тесные и дружеские отношения. Этот честный священник до сих пор проживает в Верхнем Мольтедо, неподалёку от Онељи, своей родины, и среди многих дел милосердия он учредил бесплатное место в нашей коллегии в Алассио для юноши, желающего учиться для принятия духовного сана.

Те экзамены проходили в большой строгости, тем не менее мои соученики, числом сорок пять человек, были все переведены в следующий класс, соответствующий нашему четвёртому гимназическому классу. Я подвергся огромной опасности остаться на второй год из-за того, что дал копию работы другим. За то, что меня перевели, я в долгу перед моим почтенным преподавателем о. Джузиана, доминиканцем, за его протекцию: он добился, чтобы мне дали новую тему, я смог её хорошо сдать и был переведён с высшими баллами.

В то время сохранялся похвальный обычай, чтобы на каждом курсе хотя бы один ученик в качестве премии освобождался муниципалитетом от сбора в 12 франков. Чтобы снискать такую милость, необходимо было получить высшие баллы на экзаменах и высшие оценки за нравственное

поведение. Жребий ко мне всегда был благосклонен, и меня освобождали от платы на каждом курсе.

В тот год я потерял одного из близких друзей. Юный Браие Паоло, мой дорогой и близкий друг, истинный образец благочестия, смирения, живой веры, после долгой болезни умер в день [10 июля 1832] года и присоединился к Св. Алоизию, чьим верным последователем проявлял себя на протяжении всей жизни. О нём скорбел весь коллегийум, его товарищи лично участвовали в погребении. И немало из них долгое время имели обыкновение в день каникул приступить к Святому Причастию, читать Богородичный оффиций или одну из трёх частей Розария за душу покойного друга. Бог же благоволил восполнить эту утрату другим товарищем, столь же добродетельным, но ещё более выдающимся по своим делам. То был Луиджи Комолло, поговорить о нём я должен буду ниже.

Я тем временем заканчивал гуманитарный класс и весьма преуспел, так что мои преподаватели, особенно доктор Пьетро Банауди, советовали мне просить о сдаче экзамена для поступления на курс философии, и действительно, я был на него переведён. Но поскольку я любил изучать словесность, то рассудил, что лучше продолжать учиться в обычной последовательности классов и заняться риторикой, то есть в 1833-34 г. учиться в пятом гимназическом классе. Именно в тот год началась моя дружба с Комолло. Жизнеописание этого дражайшего товарища опубликовано отдельно, и любой может при желании его прочесть; здесь я отмечу событие, благодаря которому я познакомился с ним среди других учащихся гуманитарного класса.

Итак, учащиеся класса риторики говорили, что в тот год должен прийти святой ученик – речь шла о племяннике настоятеля прихода в Чинцано, священника пожилого и весьма известного святостью жизни. Я мечтал познакомиться с ним, но не знал его имени. И вот какое событие нас познакомило. В то время уже бытовал обычай при входе в школу играть в опасную игру – в чехарду. Самые рассеянные и менее всего любившие учёбу были весьма охочи до неё и, по обыкновению, больше всех преуспевали в ней.

Несколько дней все удивлялись скромному юноше лет пятнадцати, который, придя в коллегийум, занимал место и, не обращая внимания на галдёж, принимался за чтение либо за учёбу. Один дерзкий товарищ подошёл к нему и взял его под руку, чтобы увести играть в чехарду.

– Не умею, – отвечал тот кротко и огорчённо. – Не умею, никогда не играл в эти игры.

– Я хочу, чтобы ты обязательно пошёл, иначе я тебя погоню пинками и пощёчинами.

– Можешь избить меня как угодно, но я не умею, не могу, не хочу...

Дурно воспитанный и злой соученик схватил его под руку, толкнул и дал ему две пощёчины, отозвавшиеся эхом во всём классе. При виде этого у меня в венах закипела кровь, и я ожидал, что оскорбление будет как следует отомщено, тем более что потерпевший намного превосходил противника силами и возрастом. Но как же я изумился, когда добрый юноша – его пылающее лицо почти превратилось в синяк – с состраданием взглянул на злобного товарища и сказал ему лишь: «Если с тебя этого довольно, то ступай в мире, я тебя уже простил».

Столь героический поступок вызвал у меня желание узнать его имя – это и оказался Луиджи Комолло, восхваляемый племянник настоятеля в Чинцано. С того времени он всегда был мне близким другом, и могу сказать, что у него я начал учиться жить по-христиански. Я полностью доверял ему, а он – мне; мы нуждались друг в друге. Я – в духовной помощи, он – в помощи телесной. Ведь Комолло из-за своей немалой стеснительности не осмеливался даже попытаться защититься от оскорблений дурных ребят, меня же все товарищи, даже те, кто был старше и выше, опасались из-за моей отваги и немалой силы. Это стало очевидно однажды тем, кто пожелал унижить и избить Комолло и ещё одного юношу по имени Кандело Антонио, образец добродушия. Я вступился за них, но на это не обратили внимания. И вот, видя, как издеваются над невинными, я закричал: «Берегитесь, берегитесь все, кто хоть раз оскорбит их».

Изрядное число самых высоких и наглых заняли позицию общей обороны и угрожали мне самому, тем временем Комолло получил две звучные пощёчины. В ту минуту я забылся и отдал власть над собой не разуму, а грубой силе; поскольку под руку мне не попались ни стул, ни палка, я схватил за плечи одного соученика и им, словно палкой, начал колотить противников. Четверо сражённых пали на землю, прочие бежали, крича и прося пощады. И что же? В эту минуту в класс вошёл преподаватель, и, увидев как поверженные размахивают руками и ногами среди жуткого галдежа, закричал и принялся сыпать подзатыльниками направо и налево. Надо мной нависла гроза, однако, дознавшись о причине беспорядка, он пожелал сам увидеть эту сцену или, лучше сказать, испытание сил. Смеялся преподаватель, смеялись и все ученики, каждый изумлялся, и никто не обратил внимания на заслуженное мною наказание.

Совсем другие уроки давал мне Комолло. «Дорогой, – сказал он мне, как только мы смогли переговорить, – твоя сила меня пугает, но поверь мне, Бог дал тебе её не для того, чтобы зверски избивать товарищей. Ему угодно, чтобы мы любили, прощали друг друга и творили добро тем, кто причиняет нам зло».

Я восхитился его милосердием и, всецело предав себя в его руки, позволил ему вести меня туда, куда ему угодно. Уговорившись с другом Гарильяно, мы вместе ходили на Исповедь, к Причастию, занимались размышлением, духовным чтением, молились перед Святыми Дарами, прислуживали за Св. Мессой. Он умел пригласить столь по-доброму, мягко и учтиво, что было невозможно отказаться от его предложений.

Помню, как я однажды, болтая с товарищем, прошел мимо церкви, не обнажив голову. Тот сразу же весьма любезно мне сказал: «Джованни, ты столь внимателен к беседе с людьми, что даже забываешь дом Господень».

9. Кофе и ликёры – Именины – Беда

Кратко описав события в школе, теперь расскажу о других делах, подходящих для приятного досуга.

В год учёбы в гуманитарном классе я сменил пансион – и чтобы быть ближе к моему преподавателю о. Банауди, и чтобы пойти навстречу другу семьи по имени Пьянта Джованни, который в тот год открывал кафе в городе Кьери. Пансион, безусловно, был весьма опасный, но, живя с хорошими христианами и продолжая общаться с образцовыми товарищами, я мог избежать ущерба для своей нравственности. Однако, несмотря на школьные обязанности, у меня оставалось много свободного времени, и я по обыкновению часть его занимал чтением итальянских или латинских классиков, а часть посвящал приготовлению ликёров и сладостей. В середине того года я умел готовить кофе, шоколад; знал правила и пропорции для приготовления всевозможных конфет, ликёров, мороженого и прохладительных напитков. Мой хозяин предоставил мне бесплатный пансион, и, учитывая пользу, которую я мог принести его магазину, сделал мне выгодное предложение, лишь бы я, оставив прочие занятия, полностью посвятил себя этому ремеслу. Но я занимался этими делами лишь ради развлечения и отдыха, намереваясь, как прежде, продолжать обучение.

Профессор Банауди был поистине образцовым преподавателем. Никогда не налагая какого-либо наказания, он умел внушить уважение

и любовь всем своим ученикам. Он всех любил, как сыновей, и они его любили как нежного отца.

Чтобы засвидетельствовать ему свою приязнь, было решено преподнести ему подарок на именины. Мы договорились подготовить поэтические и прозаические сочинения и запастись подарками, которые, как мы считали, будут очень приятны ему.

Праздник оказался великолепный, наставник был несказанно рад, и в знак своего удовлетворения пригласил нас на обед за город. День был очень весёлый. Профессор и ученики единодушно и каждый по-своему старались выразить душевную радость. Перед возвращением в город Кьерри профессор встретил приезжего, которого ему пришлось проводить, поэтому он оставил нас одних на кратком отрезке пути. Тут появились несколько товарищей из старших классов и пригласили нас искупаться в водоёме, называемом *Красный источник*, примерно в миле от Кьерри. Мы с некоторыми товарищами воспротивились, но тщетно. Многие пошли со мной домой, но другие пожелали поплавать. Злосчастное решение! Через несколько часов после нашего возвращения домой появился один товарищ, потом другой – напуганные и запыхавшиеся, они прибежали сообщить нам: «Вы ещё не знаете, вы ещё не знаете! Филиппо Н., который так настаивал, чтобы мы пошли поплавать, погиб».

– Как же так, – все спрашивали, – ведь он был знатный пловец!

– Вы не поверите, – продолжил другой, – чтобы увлечь нас в воду, надеясь на своё мастерство и не зная водоворотов опасного *Красного источника*, он нырнул первый. Мы ждали, пока он выплывет, но напрасно. Тут мы начали кричать, сбежался народ, в ход пошли разные средства, и не без угрозы для жизни других спустя полтора часа удалось выловить труп.

Это несчастье погрузило всех в глубокую скорбь: ни в том, ни в следующем году (1834) не слышно было, чтобы кто-нибудь высказал желание пойти поплавать. Недавно я встречался с некоторыми из тех старых друзей, и мы с искренней болью вспоминали несчастье, случившееся с неудачливым товарищем в потоке *Красного источника*.

10. Еврей Иона

В год учёбы в гуманитарном классе, в кафе у моего друга Джованни Пьянты, я завязал общение с юным евреем по имени Иона. Ему было около восемнадцати лет, наружностью он был прекрасен; пел ред-

ким по красоте голосом. Весьма неплохо играл в бильярд; поскольку мы уже познакомились у книготорговца Элии, то, войдя в кафе, он сразу же спрашивал обо мне. Я очень любил его, и он был до безумия ко мне привязан. Каждую свободную минуту он проводил в моей комнате, мы развлекались пением, игрой на пианино, чтением, он охотно слушал тысячи историй, что я ему рассказывал. Как-то с ним приключилась неприятность – драка, которая могла иметь печальные последствия, поэтому он прибежал ко мне за советом. «Если бы ты, дорогой Иона, был христианином, – сказал я ему, – то я немедленно пожелал бы отвести тебя на Исповедь; но это невозможно».

– Но и мы, если хотим, исповедуемся.

– Исповедуетесь, однако ваш исповедник не обязан хранить тайну, не может отпускать грехи и преподавать хоть какие-нибудь таинства.

– Если желаешь отвести меня, я пойду исповедаться священнику.

– Я-то тебя могу отвести, но необходима немалая подготовка.

– Какая?

– Знай, что Исповедь отпускает грехи, совершённые после Крещения; поэтому если хочешь принять какое-нибудь таинство, то сначала тебе надобно креститься.

– Что же я должен сделать, чтобы получить Крещение?

– Изучать христианскую религию, уверовать в Иисуса Христа, истинно-го Бога и истинного человека. После этого можешь получить Крещение.

– Какая же мне будет польза от Крещения?

– Крещение смывает с тебя первородный грех и нынешние грехи, откроет тебе дорогу к получению всех прочих таинств, в общем, сделает сыном Божиим и наследником рая.

– А мы, евреи, не можем спастись?

– Нет, мой дорогой Иона, после пришествия Иисуса Христа евреи, не уверовав в Него, больше спастись не могут²⁹.

– Горе мне, если мать узнает, что я хочу стать христианином!

– Не бойся, Бог – владыка сердец, и если Он призывает тебя стать христианином, то как-нибудь сделает, чтобы твоя мать успокоилась, или ещё каким-нибудь образом позаботится о твоей душе.

²⁹ Отношение Католической Церкви к Иудаизму определено в декларации *Nostra aetate* (об отношении Церкви к нехристианским религиям) II Ватиканского собора, где в главе 4 говорится, что «иудеи донныне остаются, ради отцов, возлюбленными Богом», что Церковь, «памятуя общее с иудеями наследие и недвижимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и всех проявлениях антисемитизма» (Жукова Л. Иудаизм // Католическая энциклопедия. Том II. – М: Издательство Францисканцев, 2005. – С. 613-621, 620).

– Ты меня очень любишь; скажи, что бы ты сделал на моём месте?

– Я бы начал обучаться христианской вере, а тем временем Бог откроет, что делать дальше. Поэтому бери малый катехизис и начинай изучать его. Молись Богу, чтобы Он просветил тебя и дал тебе узнать истину.

С того дня он полюбил христианскую веру. Приходил в кафе и, едва окончив партию в бильярд, сразу же искал меня для обсуждения религии и катехизиса. За несколько месяцев он освоил крестное знамение, *Pater*³⁰, *Ave Maria*, *Credo*³¹ и другие главные истины веры. Он был этим очень доволен, и день ото дня его слова и поступки становились всё лучше.

Отца он потерял ещё ребёнком. До матери (её звали Рахиль) дошли некоторые слухи, но пока точно ничего ей не было известно. Обнаружилось всё так: как-то, заправляя его постель, она нашла катехизис, неосмотрительно забытый сыном между матрасом и наматрасником. Она закричала на весь дом, отнесла катехизис раввину и, подозревая истину, поспешила к учащемуся Боско, о котором неоднократно слышала от своего же сына. Вообразите олицетворение уродства, и вы получите представление о матери Ионы. Она была слепа на один глаз, туга на оба уха; с огромным носом, почти беззубая, с толстыми губищами, кривым ртом, длинным и острым подбородком, а голос её походил на храп жеребёнка. Евреи присвоили ей имя колдуньи *Лили* [*Лилим*], так у них принято называть самое мерзкое в их народе. Её появление напугало меня, и, не дав мне опомниться, она начала говорить так: «Клянусь, это Ваша вина; Вы, да Вы погубили моего Иону; Вы публично обесчестили его, не знаю, что с ним будет. Боюсь, он в конце концов станет христианином, и Вы тому причиной».

Тогда я понял, кто это и о чём идёт речь, и совершенно невозмутимо ответил, что ей следует радоваться и благодарить того, кто делает добро её сыну.

– Какое же это добро? Заставлять отречься от собственной религии – значит делать добро?

– Успокойтесь, дорогая синьора, – сказал я ей, – и послушайте: я не искал вашего Иону, мы встретились в лавке книготорговца Элии. Подружились просто так. Он питает ко мне большую приязнь, я его очень люблю и как настоящий друг желаю, чтобы он спас душу и узнал веру, без которой никто не может спастись. Заметьте, мать Ионы, что я дал книгу вашему сыну, сказав ему лишь, чтобы он изучал веру. Став христианином, он не отречётся от еврейской религии, а станет в ней совершеннее.

³⁰ *Pater* – начало молитвы *Отче наш*.

³¹ *Credo* – начало *Символа Веры*.

– Если, к несчастью, он станет христианином, то ему придется отречься от наших пророков, ведь христиане не верят ни в Авраама, ни в Исаака, ни в Иакова, ни в Моисея, ни в пророков.

– Неправда, мы верим во всех святых патриархов и библейских пророков. Их писания, их слова, их пророчества служат основанием христианской веры.

– Если бы тут был наш раввин, он знал бы, что ответить. Я не сведуща ни в *Мишне*, ни в *Гемаре* (две части *Талмуда*). Но что же будет с моим бедным Ионой?

Сказав это, она удалилась. Было бы долго описывать неоднократные атаки на меня матери, раввина, родственников Ионы. Против отважного юноши шли в ход всевозможные угрозы и насилие. Он всё перенес и продолжал изучать веру. Поскольку в семье он больше не был уверен за свою жизнь, ему пришлось оставить дом и влачить почти нищенское существование. Однако многие приходили ему на помощь, и, чтобы соблюсти должное благоразумие, я поручил своего воспитанника одному учёному священнику, и тот по-отцовски позаботился о нём. И вот, когда он надлежащим образом был наставлен в вере и с нетерпением ожидал, что станет христианином, торжественно совершилось таинство, послужившее добрым примером всем жителям Къери и ободрением для других евреев, многие из которых позже приняли христианство.

Крёстными стали супруги Карло и Оттавия Бертинетти, те позаботились обо всём необходимом неофиту; он же, став христианином, смог честно зарабатывать себе на хлеб. Неофит получил имя Луиджи.

11. Игры – Фокусы – Колдовство – Оправдание

Помимо школьных занятий и всевозможных развлечений, таких как пение, игра на пианино, декламация, театральные кружки, которым я предавался от всего сердца, я также обучился прочим играм. Карты, пасьянсы, шарики, домино, ходули, прыжки, пробежки – во всех этих крайне приятных развлечениях я был если не первым, то отнюдь и не середнячком. Многому я научился в Мориальдо, другому – в Къери, и если на лугах Мориальдо я был маленьким учеником, то в тот год стал искусным наставником. Это вызывало немалое удивление, ведь в ту пору такие развлечения были мало известны и воспринимались как несусветные диковины. Что же говорить о фокусах?

Я часто устраивал публичные и приватные представления. Память моя весьма способствовала тому, что я знал наизусть большинство классиков, особенно – поэтов. Данте, Петрарка, Тассо, Парини, Монти и многие другие были мне настолько знакомы, что я мог сколь угодно распоряжаться их стихами, словно собственными. Поэтому мне удавалось очень легко импровизировать на любую тему. В забавах, на представлениях я то пел, то играл, то сочинял стихи, которые другие принимали за шедевры, а на самом деле это было не что иное, как отрывки из разных авторов, приспособленные к предложенным темам. Вот почему я никогда не давал своих сочинений другим; редкие записи я предал огню.

Всё больше изумления вызывало и мое мастерство фокусника. Из маленького напёрстка появлялась тысяча мячиков, причём превосходивших его размерами, или из маленького карманчика – тысяча яиц; подобные зрелища поражали. Зрители наблюдали, как я собирал шарики с кончика носа присутствующих; отыскивал спрятанные другими деньги; простым прикосновением пальцев обращал в пыль монеты из любого металла; собравшиеся принимали по моей воле жуткое обличье и даже появлялись без головы. Итак, некоторые начали подозревать, что я колдун и что вряд ли мне под силу творить такое без вмешательства бесов.

Уверенность в этом подкреплял хозяин дома, где я жил, по имени Томмазо Кумино. Он был ревностный христианин, очень любил пошутить, а я умел воспользоваться его характером; чтобы дополнить его портрет, пожалуй, назову его простецом. Однажды он с большим усердием приготовил куриный холодец, чтобы в день именин угостить своих пансионеров. Он вынес на стол блюдо, но как только открыл его, оттуда выскочил петух, и, кукарекая на все лады, пустился наутёк. В другой раз приготовил кастрюлю макарон, очень долго их варил, однако, перекладывая в тарелку, обнаружил вместо них совершенно сухие отруби. Не раз он наполнял бутылку вином, а разлив, видел в стакане чистую воду. Если же хотел попить воды, то в стакане оказывалось вино. Пирожные превращались в куски хлеба, деньги в кошельке – в бесполезные ржавые кусочки жести, шляпа оказывалась чепчиком, вместо грецких и лесных орехов в мешочках обнаруживался мелкий гравий – подобное случалось довольно часто.

Добрый Томмазо не знал, что и думать. Люди, говорил он сам себе, не способны такого натворить, Бог не тратит время на глупости; значит, всем управляет дьявол. Не осмеливаясь поговорить об этом с домашними, он посоветовался с соседом-священником, о. Бергинетти. Тот, распознав *белую*

магию в подобных делах и забавах, решил сообщить обо всём делегату школ; тогда на этом посту находился уважаемый священнослужитель, каноник Бурцио, архипресвитер и настоятель собора. Это был человек очень образованный, благочестивый и благоразумный; не говоря другим ни слова, он позвал меня *ad audiendum verbum*³². Я пришёл к нему домой, когда он читал Бревиарий; с улыбкой взглянув на меня, он попросил немного подождать. Закончив, он пригласил меня проследовать за ним в кабинет и там учтивыми словами, но с суровым выражением лица начал так расспрашивать меня: «Мой дорогой, я очень доволен твоей учёбой и тем, как ты до сих пор себя вёл; теперь же о тебе столько рассказывают... Мне говорят, будто ты читаешь мысли других людей, находишь деньги в чужих карманах, заставляешь чёрное выглядеть белым. Узнаёшь вещи издали и тому подобное. Поэтому о тебе много говорят, и кое-кто начал подозревать тебя в колдовстве, якобы в подобных действиях заметен дух Сатаны. Итак, скажи мне: кто научил тебя этой мудрости, где ты её постиг? Расскажи мне всё конфиденциально; уверяю, я использую услышанное лишь во благо тебе».

Не выказав ни малейшего смущения, я попросил у него пять минут для ответа и спросил, который сейчас точно час. Он опустил руку в карман, но часов в нём не нашёл. «Раз у вас нет часов, – сказал я, – дайте мне, пожалуйста, монетку в пять сольдо». Он перерыл все карманы, однако так и не нашёл кошелька. «Негодяй, – начал он, не на шутку разозлившись, – или ты служишь бесу, или бес служит тебе. Ты уже стащил у меня кошелёк и часы. Больше не могу молчать, я обязан обличить тебя; не знаю, почему я ещё не избил тебя как следует палкой». Но, видя, что я безмятежно улыбаюсь, он как будто немного успокоился и добавил: «Ладно, рассмотрим дело мирно. Объясни мне секрет. Как могли мой кошелёк и мои часы исчезнуть из карманов, а я этого не заметил? Куда делись эти вещи?»

– Господин архипресвитер, – заговорил я уважительно, – я объясню всё в нескольких словах. Ловкость рук, добытые сведения и предварительная подготовка – вот и весь секрет.

– Какие сведения можно было добыть про мои часы и кошелёк?

– Кратко объясняю. Когда я входил в ваш дом, вы подавали милостыню нищему, затем положили кошелёк на генуффлекторий³³. Затем, переходя из этой комнаты в другую, оставили часы на столике. Я спрятал и то, и другое: вы думали, что обе вещи у вас при себе, а они лежат под этим абажуром.

³² *Ad audiendum verbum* – выражение, обозначающее приватную беседу с вышестоящим лицом для прояснения ситуации.

³³ *Генуффлекторий* – скамейка-подколенник для молитвы.

Сказав это, я поднял абажур, под ним обнаружили оба предмета, якобы унесённые куда-то бесом.

Добрый каноник немало смеялся; он попросил меня обучить его некоторым ловким приёмам и, узнав, как именно вещи исчезают и появляются, весьма развеселился, сделал мне маленький подарок и в конце объявил: «Ступай, скажи всем своим друзьям, что *ignorantia est magistra admirationis*³⁴».

12. Бег – Прыжок – Волшебная палочка – Верхушка дерева

Доказав, что в моих забавах нет никакой белой магии, я вновь начал собирать друзей, развлекать их и проводить с ними досуг, как прежде. В то время некоторые до небес превозносили одного акробата, который устроил публичное зрелище, пробежав город Кьери от одной границы до другой за две с половиной минуты, то есть почти за такое же время, как скоростной поезд.

Не подумав о последствиях, я заявил, что охотно померяюсь силами с этим чудесником. Один неосторожный товарищ передал мои слова акробату, и вот оказалось, будто бы я вызвал его: учащийся бросает вызов профессиональному бегуну! Местом состязания выбрали широкую улицу от Туринских ворот.

Поспорили на 20 франков. Поскольку у меня не было таких денег, многие друзья, состоявшие в Обществе радости, пришли мне на помощь. Собралось немало людей. Начался забег, мой соперник обогнал меня на несколько шагов, но я быстро наверстал упущенное и так обогнал его, что на полпути он остановился и сдался.

– Вызываю тебя на прыжки, – сказал он мне, – но поставлю 40 франков, и даже больше, если хочешь.

Мы приняли вызов. Выбор места был за ним, и он постановил, что прыгать мы будем к парапету мостика³⁵. Он прыгнул первый, приземлился очень близко к каменной кладке, поскольку дальше прыгнуть было невозможно. То есть я мог только проиграть, но никак не выиграть. Но мне помогла смекалка. Я совершил точно такой же прыжок, но опершись руками о парапет моста, перепрыгнул и через стенку, и через канаву. Общие аплодисменты.

³⁴ *Ignorantia est magistra admirationis* – Незнание – наставница удивления: неточная цитата из Истории Св. Августина (книга XIII, с. 21: *ignorantia mater admirationis*: незнание – мать удивления).

³⁵ Парапет шёл вдоль канавы.

– Вызываю тебя ещё раз. Выбери какую-нибудь игру на ловкость.

Я согласился и выбрал игру с волшебной палочкой, поставив 80 франков. Итак, я взял палочку, на один конец надел шляпу, а другой приставил к ладони. Затем, не прикасаясь к палочке другой рукой, заставил её «плясать» на кончике мизинца, безымянного, среднего, указательного, большого пальца; потом – на запястье руки, на локте, на плече, на подбородке, на губах, на носу, на лбу. Затем, проделав обратный путь, вернул её на ладонь.

– Я не боюсь проиграть, – сказал соперник, – это моя любимая забава.

Итак, он взял ту же палочку и с удивительной ловкостью заставил её «пройти» до губ, но тут палочка ударилась о его довольно длинный нос и потеряла равновесие, поэтому ему пришлось подхватить её рукой, чтобы не уронить на землю.

Несчастный, видя, как иссякает его достояние, почти что с яростью закричал, указывая на придорожный вяз: «Любое унижение я готов стерпеть, только не поражение от школяра! У меня есть ещё сотня франков, ставлю их, пусть они достанутся тому из нас, чья нога окажется ближе к верхушке дерева». Мы приняли вызов и даже, пожалуй, желали ему на этот раз выигрыша, потому что испытывали к нему сострадание и не хотели разбить его в пух и прах.

Он первым полез на вяз и поставил ноги на такую высоту, что если бы поднялся ещё чуть-чуть, верхушка бы обломилась, и он рухнул бы на землю. Все говорили, что выше забраться невозможно. Пришёл мой черёд испытать себя. Я залез так же высоко, как и он, не сломав дерева, затем, держась за него руками, поднял тело вверх и ступнями коснулся ствола примерно на метр выше рубежа, взятого соперником.

Кто опишет аплодисменты толпы, радость моих товарищей, ярость акробата и мою гордость, ведь я вышел победителем в схватке не с соучениками, а с великим циркачом? Однако, видя безудержное отчаяние проигравшего, мы решили его утешить. Движимые состраданием к его горю, мы сказали ему, что вернём деньги, при одном условии: оплатить нам обед в гостинице Муретто. Тот с благодарностью принял наше предложение. Мы с моими сторонниками – общим числом двадцать два человека – направились туда. Обед стоил 25 франков, то есть, 215 франков были возвращены проигравшему.

То был действительно очень весёлый четверг. Я своей ловкостью стяжал себе славу за победу над циркачом. Товарищи были очень довольны, хохотали до упаду и смаковали отличный обед. Довольным остался и акробат: деньги вернулись к нему почти полностью, и он тоже наслаждался хорошим обедом.

Прощаясь, он всех поблагодарил такими словами: «Вернув мне эти деньги, вы не дали мне погибнуть. От всего сердца благодарю вас. Я сохраню о вас добрую память, но впредь никогда больше не буду биться об заклад со школярами».

13. Изучение классиков

*З*аблюдая моё праздное времяпрепровождение, вы скажете, что мне приходилось из-за этого пренебрегать учёбой. Не утаю от вас, что я мог заниматься больше, но учтите, что внимательности в школе мне хватало, чтобы освоить необходимое. Тем более, в то время для меня не было различия между чтением и учёбой, и я мог легко повторить содержание прочитанной книги, либо пересказать услышанное. Кроме того, будучи приучен матерью спать очень мало, я мог две трети ночи, по желанию, посвящать чтению книг. Почти весь день я занимался делами по своему усмотрению, например, репетиторством, частными уроками, и хотя нередко делал это из милости или по дружбе, за многие уроки, тем не менее, получал плату.

Тогда в Кьери жил еврей-книготорговец по имени Элия, с ним я завязал отношения, приобщаясь к чтению итальянских классиков. Одно сольдо за томик, отдаваемый обратно по прочтении. Я прочитывал в день один том из собрания популярной библиотеки³⁶. Четвёртый год обучения в гимназии³⁷ я посвятил чтению итальянских авторов. В год изучения риторики я приступил к латинским классикам и взялся читать Корнелия Непота, Цицерона, Саллюстия, Квинта Курция, Тита Ливия, Корнелия Тацита, Овидия, Вергилия, Горация Флакка и прочих. Я читал те книги для развлечения и наслаждался ими так, будто понимал их полностью. Лишь позже я осознал, что это было не так: став священником и начав объяснять другим классические шедевры, я понял, что лишь благодаря тщательно изучению и серьёзной подготовке можно постичь их истинный смысл и красоту. Однако школьные обязанности, занятия репетиторством, жадное чтение занимали целый день и значительную часть ночи. Не раз час подъёма меня застигал с *Декадами* Тита Ливия, читать которые я принялся накануне вечером. Всё это настолько подорвало моё здоровье, что не один год моя жизнь, казалось, постоянно висела на волоске. С тех пор я всегда даю совет делать возможное – и не более. Ночь дана для отдыха, и после ужина никто не должен заниматься научными делами, разве что

³⁶ Популярная моральная и религиозная библиотека – серия из ста книг карманного формата (объёмом около 200 страниц каждая). Тома выходили еженедельно с 1828 по 1830 г.

³⁷ Четвёртый гимназический класс в то время соответствовал курсу гуманитарного класса.

в исключительном случае, при необходимости. Сильный человек какое-то время может это переносить, но только в ущерб своему здоровью.

14. Подготовка – Выбор образа жизни

Тем временем приближалось окончание года риторики – время, когда учащиеся имеют обыкновение принимать решение о своём призвании. Сон в Моримальдо навсегда остался в памяти; более того, он ещё несколько раз повторился, причем более чётко, поэтому, если бы я в него верил, то должен был выбрать церковный сан; именно к этому я и чувствовал склонность. Но я не желал верить в сны, да и мой образ жизни, некоторые привычки моего сердца и совершенное отсутствие добродетелей, требуемых для сана, подвергали сомнению и весьма затрудняли это решение.

О, если бы тогда у меня был наставник, заботящийся о моём призвании! Он был бы для меня дорогим сокровищем, но этого сокровища мне не доставало. У меня был хороший исповедник, тот думал сделать из меня хорошего христианина, но ни в коем случае не хотел примешивать сюда призвание.

Посоветовавшись в душе с самим собой, прочитав несколько книг, где речь шла о выборе образа жизни, я решился вступить во Францисканский орден. Если я стану секулярным клириком, говорил я себе, то есть большая опасность, что моё призвание потерпит кораблекрушение. Приму монашество, отрекусь от мира, укроюсь в монастыре, посвящу себя учёбе, размышлению и так, в уединении, смогу сокрушить страсти, особенно – гордыню, пустившую глубокие корни в моём сердце. Поэтому я представил просьбу реформированным конвентуальным братьям, выдержал экзамен, был принят, всё было готово к поступлению в монастырь Мира в Кьери. Однако за несколько дней до назначенного дня мне приснился один из самых странных снов. Я видел во сне, как множество монахов в разорванных облачениях разбегаются прочь друг от друга. Один из них приблизился ко мне и сказал: «Ищешь мира, но тут не обретёшь. Посмотри, как себя ведут твои братья. Бог готовит тебе другое место, другую ниву».

Я хотел расспросить монаха, но тут меня разбудил шум, и больше я ничего не видел. Я рассказал обо всём своему духовнику, но тот не хотел слышать ни про сон, ни про братьев. «В этом деле, – ответил он мне, – каждый должен следовать собственным склонностям, а не чужим советам».

В то время произошёл один случай, из-за чего осуществить мои планы стало невозможно. Поскольку затруднения были многочисленны

и продолжительны, я решил рассказать всё другу Комолло. Он посоветовал мне совершить новенну, а он тем временем напишет своему дяде-настоятелю. В последний день новенны, в обществе несравненно-го друга я приступил к Исповеди и Причастию, затем выслушал Мессу и прислуживал за другой Мессой в соборе, на алтаре Богоматери Благодатей. После этого, придя домой, мы и впрямь нашли послание от о. Комолло, гласившее: «Внимательно рассмотрев изложенное, я советовал бы твоему товарищу отказаться от поступления в монастырь. Пусть он облечётся в платье клирика и, продолжая учёбу, лучше постигнет, чего Бог от него хочет. Пусть ни в коем случае не боится утратить призвание, потому что благодаря уединению и практикам благочестия он преодолет все преграды».

Я последовал мудрому совету, и серьёзно взялся за то, что могло бы содействовать подготовке к поступлению в клирики. Сдав экзамен по риторике, я выдержал испытание перед получением облачения клирика в Къери, а именно – в нынешних покоях дома Бертинетти Карло, который, умирая, оставил их нам в наследство; тогда их снимал архипресвитер каноник Бурцио. В тот год экзамен проводился, вопреки обычаю, не в Турине, из-за угрожавшей нашим землям холеры (*cholera-morbus*)³⁸.

Я хотел бы здесь отметить то, что, безусловно, послужит свидетельством о духе благочестия в коллегии в Къери. За четыре года, что я учился в местных школах, не припомню ни разговора, ни словечка, противоречащего добрым нравам или религии. По окончании курса риторики, из 25 учеников – таков был в тот год состав класса – 21 принял церковный сан, трое стали врачами, один – торговцем.

Вернувшись домой на каникулы, я отказался выступать с трюками и посвятил себя чтению хороших книг; к своему стыду должен признать, что ранее я ими пренебрегал. Но я продолжил заниматься молодёжью, увлекая её рассказами, приятным времяпрепровождением, пением священных славословий. Более того, заметив, что многие ребята уже повзрослели, но остались совершенно несведущими в истинах веры, я взялся обучить их ежедневным молитвам и прочим важнейшим в этом возрасте предметам.

То был своего рода Ораторий, его посещало около пятидесяти ребят, которые любили и слушались меня, словно я был им отцом.

³⁸ Холера распространилась в ряде районов Пьемонта с весны по осень 1835 г. Согласно распоряжениям правительства, во избежание эпидемии, архиепископ Турина предписал провести экзамены на допуск к принятию церковного облачения не как обычно, в столице, а силами местных религиозных властей.

ВТОРАЯ ДЕКАДА – 1835-1845

1. Облачение в клирика – Правило жизни

Решив принять духовный сан и выдержав предписанный экзамен, я продолжал готовиться к наиважнейшему дню, поскольку был убеждён, что выбор образа жизни обыкновенно определяет либо вечное спасение, либо вечную погибель. Я поручил себя молитвам разных друзей, сам совершил новенну и в день Св. Михаила (в октябре 1834 г.) приступил к святым таинствам, а затем богослов Чинцано, настоятель моего родного прихода и окружной викарий, благословил мою сутану и облёк меня в клирика перед торжественной Мессой. Когда он со словами: «*Exuat te Dominus veterem hominem sicut*»³⁹, – велел мне снять светское платье, моё сердце откликнулось: «О, сколько же старья нужно с себя скинуть! Боже Мой, разрушь во мне все мои дурные привычки». Когда же он протянул мне воротничок и добавил: «*Induat te Dominus novum hominem, qui secundum Deum creatus est in iustitia et sanctitate veritatis!*»⁴⁰ – я совсем разволновался и подумал: «Да, Боже мой, сделай так, чтобы с этой минуты я облачился в нового человека, то есть, чтобы с этой минуты мне начать новую жизнь, всецело в согласии с Божественными повелениями, чтобы праведность и святость были неизменной целью моих мыслей, слов и дел. Да будет так. О Мария, будь моим спасением».

Окончив церковную церемонию, мой настоятель пожелал организовать другую, совершенно светскую: отвести меня на праздник Св. Михаила, отмечающийся в Барделле, в пригороде Кастельнуово. Так он намеревался оказать мне милость, но мне это было не по душе. Я казался себе марионеткой в новом одеянии, выставленной на обозрение публике. Кроме того, после нескольких недель подготовки к желанному дню, оказаться на обеде среди людей разного положения, разного пола, собравшихся посмеяться, поболтать, поесть, выпить и развлечься – людей, которые большей частью ищут игр, танцев, всяческих удовольствий! Какое общество могут составить эти люди тому, кто утром того же дня облачился в одеяние святости, чтобы всецело отдать себя Господу?

Мой настоятель заметил это и по пути домой спросил меня, почему в день народного веселья я держался столь сдержанно и задумчиво. Со всей искрен-

³⁹ Да совлечёт с тебя Господь ветхого человека (ср. Кол 3, 10).

⁴⁰ Да облечёт тебя Господь в нового человека, сотворённого по образу Божию в праведности и святости истины.

ностью я ответил, что церемония, состоявшаяся утром в церкви, расходилась «в роде, числе и падеже» с вечерней. «Более того, – добавил я, – лицемерие священников, выставляющих себя шутами среди набравшихся вином сотрапезников, почти внушило мне неприязнь к моему призванию. Если б я хоть на секунду представил себе, что стану таким же, то предпочёл бы сложить с себя это облачение и жить бедным мирянином, но добрым христианином».

«Так сотворён мир, – ответил мне настоятель, – и нужно принимать его таким, каков он есть. Следует видеть зло, чтобы знать его и избегать. Никто не становится искусным воином, не научившись владеть оружием. Так должны поступать и мы – те, кто ведёт постоянную битву против врага душ».

Тогда я замолчал, но в сердце сказал: «Больше никогда не пойду на народные гуляния, разве только по обязанности, для совершения религиозных церемоний».

После того дня мне пришлось заняться собой. Та жизнь, какую я вёл до сих пор, нуждалась в радикальном реформировании. В годы, оставшиеся за плечами, я не был злодеем, но был легкомысленным, тщеславным, увлекался играми, прыжками, забавами и тому подобным, что приносило минутную радость, но не насыщало сердце.

Чтобы устроить себе упорядоченный образ жизни и ничего не упустить, я записал следующие решения:

1. Впредь никогда больше не буду участвовать в публичных зрелищах на ярмарках, рынках, не пойду смотреть на танцы и в театры. Насколько возможно, не стану ходить на обеды, обычно устраиваемые по таким случаям.

2. Никогда больше не буду играть в напёрстки, показывать фокусы, акробатические трюки, демонстрировать свою ловкость, ходить по канату; больше не буду играть на скрипке, не пойду на охоту. Всё это, полагаю, противоречит серьёзности и церковному духу.

3. Возлюблю и буду практиковать уединение и сдержанность в еде и питье; на отдых буду отводить не больше часов, чем требуется для здоровья.

4. Как в прошлом я служил миру светским чтением, так в будущем позабочусь о служении Богу чтением религиозных сочинений.

5. Буду изо всех сил бороться с тем, что противоречит добродетели целомудрия, будь то чтение, мысль, разговоры, слова или дела. Напротив, буду держаться всего – даже мелочей, – что может содействовать сохранению этой добродетели.

6. Помимо обычных практик благочестия не буду пренебрегать ежедневным кратким размышлением и духовным чтением.

7. Ежедневно буду приводить какой-нибудь пример или изречение, благотворное для других душ, в беседах с товарищами, друзьями, родственниками, а когда нет рядом других, то с матерью.

Такие постановления я принял после облачения в платье клирика; чтобы они хорошо отпечатались у меня в памяти, я подошёл к образу Пресвятой Девы, зачитал их и после молитвы принёс формальный обет Небесной Благодетельнице соблюдать их ценой любых жертв.

2. Отъезд в семинарию

Мне надлежало явиться в семинарию 30 октября того года, 1835-го. Было подготовлено маленькое приданое. Все мои родственники радовались, я же – больше их. Лишь мать была задумчива и всё не отводила от меня взгляда, словно хотела что-то сказать мне. Вечером накануне отъезда она призвала меня к себе и обратилась с памятной речью: «Джованни, ты облачился в священническое одеяние, я этим совершенно утешена, как только может мать радоваться успеху сына. Но помни, что не одеяние оказывает честь твоему положению, а приверженность добродетели. Если же ты когда-нибудь начнёшь сомневаться в призвании, – ради всего святого! – не позорь это одеяние. Немедля сними его. Лучше пусть у меня будет бедный сын-крестьянин, чем сын-священник, пренебрегающий своими обязанностями. Когда ты появился на свет, я посвятила тебя Пресвятой Деве; когда ты начинал учёбу, я советовала тебе чтить нашу Святую Матерь; теперь же прошу тебя всецело принадлежать ей: люби товарищей, преданных Деве Марии, и если станешь священником, то всегда рекомендуй и распространий почитание Девы Марии».

Завершая эту речь, мать была взволнована, я же плакал. «Мама, – ответил я, – благодарю Вас за всё, что Вы сказали и сделали ради меня; эти Ваши слова не пропадут даром, я на всю жизнь их сберегу, как сокровище».

Рано поутру я отправился в Кьери и вечером того же дня вошёл в семинарию. Поприветствовав начальство и приготовив себе постель, я с другом Гарильяно отправился на прогулку по дормиториям, коридорам и, наконец, по двору. Подняв глаза на солнечные часы, прочёл такой стих: *Afflictis lentae, celeres gaudentibus horae*⁴¹. «Вот, – сказал я другу, – вот наша программа: будем всегда веселы, и время пролетит быстро».

⁴¹ Медленны часы для скорбящего, скоротечны для радующегося.

Днём позже начались трёхдневные упражнения, я постарался совершить их насколько мог хорошо. По окончании их я отправился к тогдашнему профессору философии, богослову Тернавазио из Бра, и спросил его, каковы должны быть нормы жизни, чтобы исполнить мой долг и заслужить расположение вышестоящих. «Только одно, – ответил достойный священник, – тщательно выполняйте свои обязанности».

Я взял за основу этот совет и всей душой предался соблюдению правил семинарии. Я не делал различия между тем, когда колокол звал на учёбу, в церковь или же в трапезную, на перемену, на отдых. Такая пунктуальность заслужила мне приязнь товарищей и уважение преподавателей, и шесть лет в семинарии оказались для меня наименее неприятным временем препровождения.

3. Жизнь семинарии

Дни в семинарии всегда почти одинаковы; поэтому я вкратце обрисую положение дел, а некоторые особые события опишу отдельно. Начну с воспитателей⁴².

Я очень любил моих воспитателей, и они всегда обходились со мной весьма по-доброму; но моё сердце не было удовлетворено. Ректор и прочие воспитатели имели обыкновение навещать нас по возвращении с каникул и перед отъездом на каникулы. Никто не ходил побеседовать с ними, разве только чтобы получить выговор. По очереди воспитатели дежурили: в течение недели один из них присутствовал в трапезной и участвовал в прогулках, и этим всё исчерпывалось. Сколько раз мне хотелось поговорить, попросить их дать мне совет или разрешить сомнения, но я не мог; более того, если случалось, что кто-нибудь из воспитателей проходил среди семинаристов, почему-то все поспешно разбегались от него налево и направо, как от чумы. Это ещё больше разжигало в моём сердце желание поскорее стать священником, чтобы посвящать время молодым людям, помогать им и заботиться обо всех их нуждах.

По отношению к товарищам я придерживался совета моей любимой родительницы; то есть общался с теми, кто почитал Деву Марию, любил учёбу и благочестие. Должен предупредить учащегося в семинарии: в ней много клириков образцовой добродетели, но есть и опасные. Немало

⁴² *Воспитатели* – когда Джованни Боско поступил в семинарию, их было шесть: ректор-каноник, духовный руководитель, профессор богословия и его ассистент (репетитор), профессор философии, исповедник (он же – настоятель семинарской церкви).

юношей, не распознав своего призвания, идут в семинарию, хотя у них нет ни духа, ни воли, необходимых хорошему семинаристу. Помню даже, что слышал среди товарищей сквернейшие разговоры. А однажды у нескольких учеников сделали обыск и нашли всевозможные кощунственные и непристойные книги. Правда, подобные товарищи либо добровольно слагали с себя облачение клирика, либо их изгоняли из семинарии, как только становилось известно, каковы они. Но пока они обитали в семинарии, то были наказанием и для хороших, и для плохих.

Во избежание опасности, создаваемой такими соучениками, я выбрал нескольких, всеми признаваемых за образец добродетели. То были Гарильяно Гульельмо, Джакомелли Джованни из Авильяны, а также Комолло Луиджи. Эти три друга были моим сокровищем.

Практики благочестия выполнялись весьма хорошо. Каждое утро Месса, размышление, одна из трёх частей Розария; за трапезой – назидательное чтение. В то время читали церковную историю Беркастеля. Исповедь была обязательна раз в пятнадцать дней, но желавший мог приступить к ней каждую субботу. Однако Св. Причастие можно было принимать лишь по воскресеньям или по случаю особого торжества. Иногда мы причащались на неделе, однако это означало проявить непослушание. Нужно было в час завтрака тайком сходить в соседнюю церковь Св. Филиппа, причаститься, а затем присоединиться к товарищам ту минуту, когда те возвращались к занятиям или в класс. Подобное нарушение расписания запрещалось, однако воспитатели давали на это молчаливое согласие: всё знали и даже иногда видели, но не возражали. Так я мог намного чаще приступать к Св. Причастию, которое не без основания могу назвать наиболее действенной пищей моего призвания. Этот недостаток благочестия теперь устранен, поскольку по распоряжению архиепископа Гастальди расписание устроено так, что можно каждое утро приступать к Причастию, если семинарист подготовлен.

[За.] Развлечения и рекреация

Самой распространенной забавой в свободное время была знаменитая игра *Прорванная оборона*⁴³. Поначалу я с большим удовольствием принимал в ней участие, но поскольку она очень похожа на игры

⁴³ *Прорванная оборона (barra rotta)* – командная игра, предполагающая остроту рефлексов, быстрый бег и групповую стратегию.

циркачей, от которых я совершенно отказался, то пожелал прекратить. В определённые дни разрешалась игра в таро, в ней я также участвовал какое-то время. Но и тут я видел, что в сладкое подмешана горечь. Хотя я не был искусным игроком, мне так везло, что я почти всегда выигрывал. В конце партии у меня в руках было много денег, но, видя товарищей опечаленными проигрышем, я огорчался больше их. К тому же я настолько сосредоточивался на игре, что после не мог уже ни молиться, ни учиться: воображение моё будоражили *Король кубков* и *Рыцарь мечей*, 13-я или 15-я карты⁴⁴. Поэтому я принял решение больше не участвовать в этой игре, как уже отказался от прочих. Так я поступил в середине второго года изучения философии, в 1836-м.

Если же рекреация длилась дольше, чем обычно, то развлечением семинаристам часто служили прогулки по самым занятым местам, окружающим город Кьери. Такие прогулки оказывались полезны для учёбы, поскольку каждый старался поупражняться в учебных предметах, расспрашивая товарища или отвечая на поставленные вопросы. Помимо общей прогулки, каждый мог развлекаться, гуляя с друзьями по семинарии, обсуждая забавные, поучительные и научные темы.

Во время долгих рекреаций⁴⁵ мы часто собирались в трапезной и устраивали так называемый «образовательный кружок»⁴⁶. Каждый задавал вопросы о том, чего не знает, что плохо понял в трактатах или на занятиях. Мне это очень нравилось и доставляло немалую пользу моей учёбе, благочестию и здоровью. В постановке вопросов преуспел Комолло, пришедший в семинарию годом позже меня. Некий Перетти Доменико, нынешний настоятель в Буттильере, был весьма красноречив и всегда отвечал. Гарильяно был великолепным слушателем, лишь иногда вставлял замечания. Я же был председателем и непререкаемым судьёй.

Поскольку в наших привычных беседах выступали на первый план некоторые вопросы, научные проблемы, на которые никто из нас порой не умел дать точного ответа, то мы разделяли между собой трудности. Каждый к определённому сроку должен был подготовить решение поставленной перед ним задачи.

⁴⁴ 13-я карта таро – «Смерть», 15-я – «Дьявол».

⁴⁵ Долгие рекреации длились три четверти часа после обеда и после ужина.

⁴⁶ *Образовательный кружок* – дидактическая деятельность, предусмотренная системой образования того времени для углубления знания материала и для диалектических упражнений. Кружок собирался после обеда, перед занятиями, на полчаса под руководством профессора-репетитора; тот поручал кому-нибудь из учащихся защищать тезис, а остальным – опровергать, либо задавал вопрос, и всем следовало отвечать.

Мою рекреацию нередко прерывал Комолло. Он хватал меня за сутану и, прося сопроводить его, отводил в часовню помолиться перед Пресвятыми Дарами за умирающих, прочитав Розарий или Богородичный оффиций за души в чистилище.

Этот чудесный товарищ был моей удачей. В нужное время он умел предупредить, исправить, утешить меня, да так любезно и милостиво, что я в каком-то смысле был доволен тем, что дал ему повод сделать мне замечание и тем доставить удовольствие. Я по-семейному обращался с ним, ощущал естественную склонность подражать ему и, хотя в добродетели отстал от него на тысячу миль, я по-настоящему обязан именно ему тем, что легкомысленные не совратили меня и я смог идти вперёд в своём призвании. Но в одном я даже не пытался подражать ему: в умерщвлении плоти. То, как девятнадцатилетний юноша строго постится весь Великий пост и в другое заповеданное Церковью время; постится каждую субботу в честь П[ресвятой] Д[евы]; часто отказывается от завтрака утром; порой обедает хлебом и водой; переносит всяческие унижения, оскорбления, не проявляя ни малейшего признака обиды; очень тщательно относится к малейшим обязанностям учёбы и благочестия – всё это потрясало меня и заставляло усматривать в этом товарище идеального друга, побуждение к добру, образец добродетели для живущего в семинарии.

4. Каникулы

Огромной опасностью для клириков бывают каникулы, особенно в те времена, когда они длились четыре с половиной месяца. Я занимал время чтением, письмом, но, ещё не умея извлечь пользу из моих дней, многие бесплодно терял. Я старался убить время какой-нибудь механической работой. Вытачивал на токарном станке веретёна, колышки, волчки, шары или мячи; шил одежду, кроил и тачал сапоги; работал по железу, по дереву. У меня дома в Мориальдо по сей день хранятся «шедевры» моих каникул: письменный стол и обеденный стол с несколькими стульями. Я также занимался тем, что косил траву на лугах, жал пшеницу на поле; очищал от листьев лозу, удалял свечной нагар, собирал виноград, давил и разливал вино и т.п.

Я занимался, как всегда, с молодёжью, но такая возможность была только по выходным. Однако я весьма утешался, преподавая катехизис многим моим товарищам, абсолютно не сведущим в истинах веры в возрасте шестнадцати и даже семнадцати лет. Я также весьма успешно начал обучать не-

которых чтению и письму, поскольку желание, точнее, жажда знаний привлекала ко мне ребят всех возрастов. Занятия были бесплатными, но при условии *настойчивости, внимания и ежемесячной Исповеди*. Поначалу некоторые, чтобы не подчиняться этим условиям, прекращали учиться. Что послужило хорошим примером и ободрением для других.

Также я начал проповедовать и произносить речи с разрешения и при поддержке моего настоятеля. Я проповедовал о Св. Розарии в поселке Альфиано, на каникулах после физики⁴⁷; о Св. апостоле Варфоломее после первого года изучения богословия в Капельнуово д'Асти; о Рождестве Девы Марии в Каприльо. Не знаю, каков был плод. Однако повсеместно мне аплодировали, а поскольку мною руководило тщеславие, то, как и следует, я был посрамлён. Однажды после упомянутой проповеди о Рождестве Девы Марии я спросил слушателя, показавшегося мне одним из самых умных, о проповеди, которую тот чрезмерно превозносил, и услышал в ответ: «Ваша проповедь была о несчастных душах в чистилище». А я говорил о славе Девы Марии. В Альфиано я пожелал узнать мнение настоятеля, человека немалой набожности и учёности, по имени Пелато Джузеппе, и попросил его высказать мне своё суждение о моей проповеди.

– Ваша проповедь, – ответил он, – весьма красивая, аккуратная, изложена хорошим языком, с мыслями из Писаний; продолжая так, можете преуспеть в этом деле.

– А народ понял?

– Мало. Поняли мой брат-священник, я и ещё несколько человек.

– Как же столь простые вещи оказались непонятными?

– Вам они кажутся простыми, но для народа они слишком возвышенные. Сливки священной истории, полёт мысли над тканью фактов церковной истории – всего этого народ не понимает.

– Что же Вы мне посоветуете?

– Оставить язык и схемы классиков, говорить по возможности на народном диалекте или пусть на итальянском языке, но доходчиво, доходчиво, доходчиво. И вместо рассуждений прибегайте к примерам, сравнениям, простой и практичной апологии. Но всегда помните, что народ понимает мало и что истины веры не были в достаточной степени ему разъяснены.

Этот отцовский совет стал для меня нормой на всю жизнь. До сих пор, чтобы себя устыдить, храню те речи, в которых теперь не нахожу ничего,

⁴⁷ Каникулы после физики – каникулы 1837 г., после второго года изучения философии, называвшегося физика (первый год назывался логика).

кроме тщеславия и вычурности. Милосердный Бог рассудил, чтобы я получил этот урок – плодотворный урок для проповедей, для катехизации, наставлений и сочинений; с тех пор я всегда его применял.

5. Сельский праздник – Игра на скрипке – Охота

Назвав выше каникулы опасными, я имел в виду себя. Бедному клирику нередко доводится оказаться в серьёзной опасности, а он и не замечает. Подтверждением тому служу я сам. В один год меня пригласили на праздник в дом к родственникам. Я не хотел идти, но меня убедили, что некому прислуживать в церкви; я уступил настойчивым приглашениям дяди и отправился туда.

По завершении богослужения, во время которого я прислуживал и пел, мы пошли на обед. Часть трапезы прошла хорошо, но когда все немного набрались вина, начались разговоры, каких клирик не мог вытерпеть. Я попробовал делать замечания, но мой голос потонул в шуме. Не зная, на что решиться, я хотел бежать. Поднялся от стола, взял шляпу, чтобы удалиться; но дядя воспротивился; тут кто-то принялся говорить ещё хуже и оскорблять всех сотрапезников. От слов перешли к делу; галдёж, угрозы, стаканы, бутылки, тарелки, ложки, вилки и, наконец, ножи – в ход пошло всё, поднялся чудовищный шум. В ту минуту мне ничего не оставалось, как пуститься наутёк. Добравшись домой, я от всего сердца обновил принятое уже неоднократно решение не нарушать уединения, чтобы не впасть в грех.

Событие другого рода, но столь же неприятное, произошло со мной в районе Кровелья поселка Буттильера. Другой дядя пригласил меня на праздник Св. Варфоломея и попросил помочь на богослужении, спеть, а также сыграть на скрипке, на моём любимом инструменте, от которого я отказался. В церкви всё прошло очень хорошо. Обед был в доме моего дяди, тот был хозяином праздника, и до сих пор ничто не заслуживало порицания. По окончании обеда сотрапезники пригласили меня сыграть им что-нибудь для развлечения. Я отказался. «Хотя бы аккомпанируйте мне, – сказал один музыкант. – Я исполню первую партию, а вы – вторую».

Несчастный! я не сумел отказаться, принялся играть и продолжал какое-то время, пока не услышал говор и топот, обнаруживающий людское скопление. Тогда я выглянул из окна и увидел, как в соседнем дворе под звуки моей скрипки весело танцует толпа людей. Словами не выразить гнев, охвативший меня в ту минуту. «Как же так, – сказал я сотрапезникам, – я всегда воз-

вышаю голос против публичных зрелищ, и сам стал их зачинщиком? Этого больше не повторится». Я разбил инструмент вдребезги и с тех пор не играл на скрипке, хотя на богослужениях это было бы возможно и уместно.

Ещё один эпизод случился со мной на охоте. Летом я опустошал гнёзда, осенью охотился на птиц с помощью птичьего клея, силков, манка, а иногда с ружьём. Как-то утром я погнался за зайцем, и, следуя за ним по полям, через виноградники, несколько часов пересекал равнины и холмы. Наконец я подстрелил зверька, выстрелом попал ему в бок, так что несчастная зверюшка упала, а меня при виде распростертого тельца, покинули все силы. На выстрел сбежались мои товарищи, и пока они радовались добыче, я оглядел себя и понял, что стою в одной рубашке, без сутаны, в соломенной шляпе, поэтому выгляжу как какой-нибудь бездельник; и это более чем в двух милях⁴⁸ от дома.

Мне было очень стыдно, я извинился перед товарищами за соблазн, поданный таким одеянием, быстро ушёл домой, снова и окончательно отказался от какой-либо охоты. С помощью Господа на этот раз я исполнил обещание. Да простит мне Бог этот соблазнительный случай.

Эти три события преподали мне жестокий урок, с тех пор я с большей решимостью предавался уединению и был действительно убеждён в том, что желающий искренне посвятить себя служению Господу обязан полностью отказаться от мирских развлечений. Верно, часто подобные забавы сами по себе не греховны, но из-за сопутствующих разговоров, манеры одеваться, говорить и вести себя всегда несут в себе некоторую угрозу для добродетели, особенно – для очень хрупкой добродетели целомудрия.

[5а.] Отношения с Луиджи Комолло

Пока Бог сохранял в живых этого несравненного товарища, нас неизменно связывали близкие отношения. На каникулах я много раз ездил к нему, а он ко мне. Часто мы обменивались письмами. Я видел в нём юного святого, любил его за исключительные добродетели; он любил меня потому, что я помогал ему с учёбой. И когда я бывал с ним, то старался в чём-нибудь подражать ему.

Как-то на каникулах он приехал провести со мной день, пока мои родственники были в поле на жатве. Он дал мне прочесть проповедь, с которой должен был выступить вскоре на торжестве Успения Девы Марии. Затем прочёл сам,

⁴⁸ Две мили равнялись примерно 5 км.

сопровождая слова жестами. Спустя несколько часов приятного времяпрепровождения мы заметили, что пришло время обеда. Мы дома одни. Что делать?

– Давай, – сказал Комолло, – я разведу огонь, ты достанешь кастрюлю, и что-нибудь приготовим.

– Очень хорошо, – ответил я, – но прежде поймаем на гумне цыплёнка, и он послужит нам и вторым, и первым блюдом. Так задумала мама.

Нам быстро удалось изловить цыплёнка, но кто же отважится убить его? Ни тот, ни другой. Для успешного исхода дела было решено, что Комолло будет держать птицу так, чтобы её шея лежала на ровной деревянной плашке, я же серпом, немедля, перережу ей горло. Удар, голова отлетела от тела. Это нас обоих напугало, и мы, плача, задали стрекача.

– Дураки мы, – сказал немного спустя Комолло, – Господь повелел нам пользоваться животными земли для нашего блага, отчего же испытывать из-за этого отвращение?

Не испытывая более трудностей, мы подняли птицу: ошипанная и жаренная, она послужила нам обедом.

Я должен был отправиться в Чинцано слушать речь Комолло на Успение, однако мне самому поручили выступить с проповедью на эту тему в другом месте, и я пошёл к нему на следующий день. Было чудесно слышать со всех сторон благодарственные отклики на проповедь Комолло. На тот день (16 августа) приходился праздник Св. Роха, обычно называемый «праздником печных горшков» или «праздником кухни», поскольку родственники и друзья приглашают друг друга и близких в гости на обед и на какую-нибудь публичную забаву. В связи с этим произошёл эпизод, продемонстрировавший, как далеко может зайти моя храбрость.

Ждали проповедника, приглашённого на торжество, уже пришло время подняться на амвон, а его всё не было. Чтобы вызволить настоятеля Чинцано из неловкого положения, я пытался уговорить кого-нибудь из гостивших настоятелей обратиться с краткой проповедью к собравшемуся в церкви множеству народа. Никто не соглашался. Раздражённый настойчивыми просьбами, один из них резко ответил мне: «Ну не глупец ли Вы! Выступить с импровизированной речью о Св. Рохе – это вам не стаканчик вина пропустить; вместо того чтобы докучать другим, выступайте сами». При этих словах все захлопали в ладоши. Обиженный и уязвлённый, я в своей гордыне ответил: «Безусловно, я не осмеливался предложить себя для такого дела, но раз все отказываются, я согласен». В церкви запели священную хвалу, чтобы дать мне несколько минут для размышления; восстановив в памяти некогда

прочитанное житие святого, я поднялся на амвон и выступил с речью; мне всегда говорили, что она была лучшей из всех, сказанных мною до и после.

На тех каникулах, всё при тех же обстоятельствах (1838 г.), я как-то пошёл с моим другом погулять на холм, откуда открывалась бескрайняя панорама лугов, полей и виноградников.

– Смотри, Луиджи, – сказал я ему, – какой скудный урожай у нас в этом году! Бедные крестьяне! Столько трудов и почти всё напрасно!

– Это рука Господа над нами, – ответил он. – Поверь мне, причина – наши грехи.

– Надеюсь, на следующий год Господь дарует нам больше плодов.

– Я тоже надеюсь, и хорошо будет тем, кто сможет ими воспользоваться.

– Ладно, оставим печальные мысли! В этом году потерпим, но в будущем соберём больше винограда и сделаем вино получше.

– Пить его будешь ты.

– А ты собираешься, как прежде, пить одну лишь воду?

– Я надеюсь пить лучшее вино.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Оставь, оставь... Господь всё знает.

– Я спрашиваю не об этом, я спрашиваю, что ты хочешь сказать словами: *я надеюсь пить лучшее вино*. Может, хочешь отправиться в рай?

– Хотя я совсем не уверен, что после смерти попаду в рай, однако крепко на это надеюсь, и уже некоторое время испытываю столь сильное желание отправиться вкушать амброзию блаженных, что, как мне кажется, дни моей жизни вряд ли уже будут долгими.

Комолло говорил с совершенно весёлым выражением лица, здоровье у него в то время было отличное, и он готовился вернуться в семинарию.

6. Один случай с Комолло

Жа наиболее памятные события, предшествовавшие и сопутствовавшие бесценной смерти дорогого друга, описаны отдельно, желающие могут читать о них по своему благоусмотрению. Но здесь я не хочу опустить один случай, послуживший причиной ко многим разговорам, в опубликованных же ранее воспоминаниях он едва упомянут. Случай следующий. В силу желанной дружбы и безграничного доверия, связывавшего меня и Комолло, мы часто беседовали о том, что могло произойти в любую минуту, – о нашей разлуке в случае смерти. Как-то, прочитав пространный отрывок из жития свя-

тых, мы то ли шутку, то ли всерьёз говорили, что немалым утешением было бы, если тот, кто из нас умрёт первым, известил бы оставшегося в живых о своём положении. Возвращаясь к этому много раз, мы заключили договор: «Тот, кому из нас суждено умереть первым, если позволит Бог, пусть оповестит о своём спасении товарища, оставшегося в живых». Я не представлял себе всю серьёзность подобного обещания, и, признаюсь, это было весьма легкомысленно; никому и никогда не советую так поступать. Тем не менее, мы это сделали и не раз обновляли договор, особенно во время последней болезни Комолло. Более того, его последние слова и последний взгляд подтверждали сказанное. Об этом были осведомлены многие товарищи.

Комолло умер второго апреля 1839 г., вечером следующего дня он со всей торжественностью был погребён в церкви Св. Филиппа. Те, кто знал об обещании, с нетерпением ждали вести о его исполнении. Больше всех тревожился я, поскольку очень надеялся, что это послужит мне немалым утешением в скорби. Вечером того дня, лёжа в кровати в дормитории примерно на 20 семинаристов, я сильно волновался, будучи уверен, что обещанное исполнится именно в эту ночь. Примерно в половине двенадцатого в коридорах раздался глухой шум: как будто к дверям дормитория приближается тяжёлая повозка, влекомая большим числом лошадей. С каждым мгновением звук становился всё мрачнее, весь дормиторий задрожал, словно от грома. Испуганные клирики, вскочив с постелей, сбились вместе, ободряя друг друга. И тогда, среди этого оглушительного и чудовищного грохота, послышался ясный голос Комолло, трижды сказавший: *«Боско, я спасён»*. Гром слышали все, многие слышали голос, но не поняли смысл сказанного; некоторые же поняли, наравне со мной, и слухи об этом долго ходили по семинарии. Впервые на моей памяти я испугался – да так, что тяжело заболел и сам оказался на краю могилы. Никогда никому не посоветую подобное. Бог всемогущ. Бог милосерден. Он по большей части не прислушивается к таким договорам, но порой по Своей безграничной милости позволяет им исполниться, как в описанном случае.

7. Премия – Ризница – Богослов Джованни Борель

В семинарии я был довольно удачлив и всегда пользовался приятельностью моих товарищей и всех воспитателей. Был обычаем после экзамена в конце семестра присуждать на каждом курсе премию в размере 60 франков тому, кто получил наивысшие оценки за учёбу и нравственное поведение. Бог поистине меня благословил, и все шесть лет прове-

дённые в семинарии, я неизменно бывал поощрён этой премией. На втором году изучения богословия меня назначили ризничим – должность предполагала мало обязанностей, но была важным признаком благожелательности воспитателей; к этому добавились ещё шестьдесят франков. То есть у меня уже была половина стоимости пансиона, оставшуюся обеспечивал милосердный о. Кафассо. Ризничий должен был заботиться о чистоте церкви, ризницы, алтаря, содержать в порядке лампы, свечи, прочую утварь и предметы, необходимые для богослужения.

Именно в тот год мне посчастливилось познакомиться с одним из самых ревностных служителей алтаря, приехавшим провести духовные упражнения в семинарии. Он появился в ризнице с весёлым выражением лица, с шуточками, которые, впрочем, всегда были приправлены нравственной мыслью. Наблюдая за его приготовлениями и благодарением после Мессы, за осанкой, за рвением, с каким он служит, я сразу догадался, что это достойный священник, каков и был на самом деле богослов Джованни Борель из Турина. Когда он начал проповедь, все восхитились её доходчивостью, живостью, ясностью и огнём милосердия, явленным в каждом слове, и повторяли, что он – святой.

И впрямь, все соревновались, чтобы попасть к нему на Исповедь, побеседовать с ним о призвании, получить что-нибудь особое на память. Я тоже открыл ему то, что было у меня на душе. В конце беседы, когда я попросил его назвать мне верное средство для сохранения духа призвания в течение всего года, особенно – во время каникул, он оставил меня с достопамятными словами: «Призвание совершенствуется и сохраняется благодаря уединению и частому причащению: так формируется истинный священнослужитель».

Духовные упражнения богослова Бореля стали знаменательным событием в жизни семинарии, и ещё долгие годы в ней повторяли его святыя максимы, проповеданные публично и рекомендованные частным образом.

8. Учёба

Что касается учёбы, я попал во власть одного заблуждения, и его последствия для меня оказались бы чудовищными, если бы его не развеяло одно провиденциальное событие. Привыкнув за время среднего курса к чтению классиков и усвоив высокопарные образы мифологии и языческих сказок, теперь я утратил вкус к аскетическим сочинениям. Я даже убедил себя, будто хороший язык и красноречие несовместимы

с религией. Труды самих святых Отцов казались мне порождением довольно ограниченного интеллекта, за исключением религиозных принципов, выраженных убедительно и ясно.

В начале второго года философии я как-то зашёл поклониться Пресвятым Дарам, а поскольку с собой у меня не оказалось молитвенника, раскрыл *О подражании Христу* и прочёл несколько глав о Пресвятых Дарах. Внимательно рассмотрев и оценив изысканность мыслей, ясный, аккуратный, но при этом красноречивый стиль изложения великих истин, я сказал себе: «Автор книги – учёный человек». Продолжая снова и снова читать эту драгоценную книжечку, я скоро заметил, что в одном-единственном её стихе заключено столько знания и морали, сколько не найти в толстых томах античных классиков. Именно перед этой книгой я в долгу за то, что отказался от светской литературы. Тогда я взялся читать *Историю Ветхого и Нового Заветов* Кальме, труды Иосифа Флавия *Об иудейских древностях*, *Об иудейской войне*, затем *Рассуждения о религии* монсеньора Маркетти; затем – Фрэссину, Бальмеса, Цуккони и многих других религиозных писателей. Я также наслаждался чтением *Церковной истории* Флэри, не зная, что её следует избегать. Большие плоды принесло чтение трудов Кавальки, Пассаванти, Сеньери и всей *Истории Церкви* Анрио.

Возможно, вы скажете: столько читая, я наверняка не добирался до учебников. Но это не так. Моя память по-прежнему мне помогала, и одного прочтения и объяснения трактатов на занятиях мне хватало для выполнения заданий. Поэтому все часы, отведённые для учёбы, я мог посвящать чтению разных книг. Воспитатели обо всём знали и предоставляли мне свободу действия.

Очень мне пришлось по сердцу изучение греческого языка. Основы я усвоил ещё из классического курса, изучал грамматику и делал первые переводы со словарём. В этом отношении мне представилась весьма благоприятная возможность. В 1836 году, поскольку Турину угрожала холера, иезуиты решили ускорить переезд воспитанников пансиона коллегии Божией Матери Кармельской в Монтальдо. Досрочный отъезд требовал удвоить преподавательский состав, так как некому было заниматься в классах с учениками, приходившими в коллегию извне. О. Кафассо, когда к нему обратились с просьбой, предложил меня в качестве учителя греческого. Это побудило меня серьёзно заняться языком, чтобы соответствовать званию преподавателя. А поскольку компанию мне составил священник по фамилии Бини, глубокий знаток греческого, к его помощи

я прибегнул с большой пользой для себя. Всего за четыре месяца, благодаря ему, я перевёл почти весь Новый Завет, две первые книги Гомера и множество од Пиндара и Анакреонта. Этот достойный священник, восхищаясь моей доброй волей, продолжил помогать мне: на протяжении четырёх лет он еженедельно прочитывал посланное мною сочинение на греческом или какие-нибудь переводы, тщательно их правил и возвращал мне с уместными замечаниями. Так я смог достичь того, что переводил с греческого почти так же, как с латыни.

Тем временем я изучал французский язык и начатки еврейского языка. Эти три языка – еврейский, греческий и французский – всегда были у меня любимыми, после латинского и итальянского.

9. Рукоположения в священный сан – Священство

В год смерти Комолло (1839 г.), на третьем году изучения богословия, я получил тонзуру и четыре малых [чина]. После того года у меня родилась мысль попробовать добиться того, что в те времена разрешалось весьма редко: заниматься во время каникул. С этой целью, никому ничего не говоря, я обратился лишь к архиепископу Франсони, испрашивая разрешения изучать трактаты 4-го года на каникулах, а в следующем учебном году, 1840-м, завершить пятилетний курс. В качестве обоснования я привёл зрелый возраст: мне исполнилось 24 года.

Святой прелат принял меня очень по-доброму и, проверив результаты моих экзаменов, сданных ранее в семинарии, оказал мне испрашиваемую милость при условии, что я возьму с собой все трактаты, предусмотренные для курса, который я желал пройти заочно. Богослов Чинцано, окружной викарий, был уполномочен исполнить волю владыки. За два месяца я тщательно изучил предписанные трактаты, и на поставления, приуроченные к осеннему *quattuor tempora*⁴⁹, был допущен к субдиаконату⁵⁰. Теперь-то, зная, какие добродетели необходимы для столь важного шага, я убеждён, что не был достаточно к нему подготовлен. Но никто не заботился напрямую о моём призвании, поэтому я посоветовался с о. Кафассо, тот велел мне продолжать, полагаясь на его слово. Во время десятидневных духов-

⁴⁹ *Quattuor tempora* – ежеквартальные постные дни (среда, пятница и суббота на одной неделе), в начале каждого времени года; в этот период по древней традиции рукополагали в священный сан.

⁵⁰ *Субдиаконал* – первый из высших чинов, предполагавший обет безбрачия и обязанность ежедневно читать часослов. Упразднён литургической реформой. Джованни Боско получил субдиаконал 19 сентября 1840 г.

ных упражнений в Миссионерском доме в Турине я приступил к генеральной Исповеди, чтобы исповедник мог ясно представить себе мою совесть и дать мне надлежащий совет. Я мечтал завершить учёбу, но трепетал перед мыслью, что свяжу себя на всю жизнь, поэтому окончательное решение хотел принять лишь с полного согласия исповедника.

С тех пор я всегда всеми силами старался следовать наставлению богослова Бореля: призвание сохраняется и совершенствуется благодаря уединению и частому причащению. По возвращении в семинарию я был зачислен на пятый курс и назначен префектом – наивысшая должность, на какую может подняться семинарист.

На *Sitientes*⁵¹ 1841 года я стал диаконом, в летние *tempora* должен был быть рукоположен во священники. Но днём истинного потрясения оказался тот, когда мне пришлось навсегда покинуть семинарию. Воспитатели меня любили и постоянно выказывали мне знаки своего благоволения. Товарищи были ко мне очень привязаны. Можно сказать, я жил ради них, они жили ради меня. Если кому требовалось сбрить бороду или обрить макушку, тот бежал к Боско. Если кому была нужна священническая беретта, понадобилось сшить или залатать какое-либо одеяние, тот обращался к Боско. Поэтому расставание оказалось для меня очень болезненным: разлука с местом, где я провёл шесть лет; получил воспитание, образование, церковный дух и всевозможные знаки добра и любви, какие только можно пожелать.

Днём моего рукоположения был канун Пресвятой Троицы⁵², я служил первую Мессу в церкви Св. Франциска Ассизского, где ответственным за собеседования⁵³ был о. Кафассо. Меня с огромным нетерпением ожидали на родине, где многие годы не совершалась первая Месса, но я предпочёл отслужить в Турине, без шума, и могу назвать этот день самым прекрасным в моей жизни. В *Memento*⁵⁴ той достопамятной Мессы я в знак преданности упомянул всех моих профессоров, благодетелей в духовных и преходящих делах, и особенно оплакиваемого о. Калоссо, которого я всегда вспоминал как великого и неоценимого благодетеля. В понедельник я отправился служить в церковь Пресвятой Девы Марии Утешения, чтобы возблагодарить

⁵¹ *Sitientes* – суббота перед Вербным воскресеньем (называется так по первому слову входного песнопения Мессы дня: «*Sitientes venite ad aquas, dicit Dominus*» – «Жаждущие, придите к водам, говорит Господь»). Джованни Боско был рукоположен в сан диакона 27 марта 1841 г.

⁵² Канун Пресвятой Троицы приходился на субботу *tempora* после Пятидесятницы, т.е. на 5 июня 1841 г.

⁵³ *Ответственный за собеседования* – титулярный профессор «Собеседований по моральной теологии», специальных трёхлетних курсов по подготовке молодых священников к принятию Исповеди и духовному руководству.

⁵⁴ *Memento* – часть Римского канона.

Великую Деву Марию за бесчисленные благодеяния, постоянно вымаливаемые Ею для меня у Божественного Сына – Иисуса.

Во вторник поехал в Кьери и отслужил Мессу в церкви Св. Доминика, где до сих пор обитал мой старый преподаватель о. Джузиана, ожидавший меня с отцовской любовью.

Во время Мессы он всё время плакал от умиления. Я провёл с ним весь тот день, который могу назвать днём в раю.

В четверг, в торжество *Corpus Christi*⁵⁵, я порадовал своих земляков, спел Мессу и возглавил процессию по случаю торжества. Настоятель пожелал пригласить на обед моих родственников, клир и главных людей посёлка. Все разделили это веселье, поскольку мои сограждане очень любили меня, и каждый был рад тому, что идёт мне на пользу. Вечером того дня я вернулся в семью. А когда я был рядом с домом и заметил место, приснившееся мне в возрасте примерно девяти лет, то не удержался от слёз и сказал: «Как чудесны замыслы Божественного Провидения! Бог воистину взял от земли бедного мальчика, чтобы посадить его с начальствующими народа его».

10. Начало священнического служения – Проповедь в Лавриано и Седой Джованни

В тот год (1841) у моего настоятеля не было викария, и я пять месяцев исполнял его обязанности. Я испытывал огромное удовольствие от работы. Проповедовал каждое воскресенье, посещал больных, преподавал им святыя таинства, за исключением Исповеди, поскольку ещё не сдал экзамен на право быть исповедником. Служил на похоронах, содержал в порядке приходские книги, выправлял справки неимущим и тому подобное. Но истинное наслаждение мне доставляли занятия катехизисом с ребятами, забавы и беседы с ними. Они часто приходили навестить меня из Мо-риальдо; по дороге домой я всегда был окружён ими. В посёлке у меня стали появляться товарищи и друзья. Когда я выходил из приходского дома, меня неизменно сопровождала ватага детей и подростков; куда бы я ни шёл, вокруг всегда были радостно приветствовавшие меня маленькие друзья.

Поскольку я очень легко излагал слово Божие, то меня часто приглашали в соседние посёлки проповедовать, слагать панегирики. Так, в конце октября того года меня пригласили проповедовать о Св. Бенинье в Лавриано. Я охотно согласился, поскольку оттуда родом был мой друг и коллега

⁵⁵ Торжество Святейшего Тела и Крови Христа.

о. Грассино Джованни, нынешний настоятель в Скаленге. Я хотел воздать честь торжеству, поэтому подготовил и записал проповедь на народном, но чистом языке. Я хорошо её выучил, уверенный в том, что она принесёт мне славу. Однако Богу было угодно преподать моему тщеславию суровый урок. День был праздничный, и перед отъездом мне следовало отслужить Мессу для местных жителей; чтобы не опоздать в подобных случаях на проповедь, я ездил верхом. Преодолев половину пути рысью и галопом, я добрался до долины Казальборгоне между Чинцано и Берсано, и вдруг с поля, засеянного просом, поднялась многочисленная стая воробьёв; произведённый полётом шум напугал моего коня, и тот понёсся стремглав по полям и лугам. Я как мог, держался в седле; поняв, что перевязь завернулась под брюхом животного, пытался проделать манёвр, как искусный наездник, но подскочил на съехавшем седле и вверх тормашками рухнул на кучу острых камней.

Один человек с соседнего холма наблюдал за достойным сострадания происшествием; вместе со слугой он прибежал помочь мне и, найдя меня без чувств, отнёс к себе домой и положил на лучшую постель. Он самым милосердным образом позаботился обо мне; через час я пришёл в себя и понял, что нахожусь в чужом доме. «Не беспокойтесь, – сказал приютивший меня, – не тревожьтесь из-за того, что оказались в чужом доме. Тут всё для вас есть. Я уже послал за врачом; ещё один человек отправился на поиски коня. Я крестьянин, но обеспечен всем необходимым. Вам очень плохо?»

– Да воздаст вам Бог за такую милость, мой добрый друг. Кажется, ничего серьёзного; возможно, сломано плечо, не могу им двигать. Где же я?

– Вы на холме Берцано, в доме Джованни Калоссо по прозвищу *Седой*, вашего покорного слуги. Мне самому довелось постранствовать по миру, бывало, и я нуждался в других. Чего только со мною не случилось по пути на ярмарки и рынки!

– Расскажите мне что-нибудь, пока мы ждём врача.

– О, мне много что есть рассказать; послушайте одну историю. Много лет тому назад осенью я с ослицей отправился в Асти за припасами на зиму. На обратном пути, на равнине Мориальдо, моя бедная скотина, весьма гружёная, оступилась в болотце и упала без движения посреди дороги. Как ни старался я поднять её, всё напрасно. Была полночь, очень тёмная, лил дождь. Не зная, что же теперь делать, я начал громко звать на помощь. Через несколько минут мне ответили из соседнего домика. Неся зажжённые факелы, пришли клирик с братом и ещё двое мужчин. Они помогли мне разгрузить ослицу, вытащили её из грязи, доставили меня и всю поклажу к себе

домой. Я был чуть живой; всё заляпано грязью. Они меня отчистили, восстановили мои силы чудесным ужином, потом предоставили мне мягчайшую постель. Поутру перед отъездом я хотел, как полагается, заплатить им, но клирик от всего отказался: «А если завтра мы будем нуждаться в Вас?»

При этих словах я почувствовал волнение, собеседник заметил мои слёзы.

– Вам плохо, скажите мне.

– Нет, – ответил я, – просто этот рассказ мне очень нравится, я тронут.

– Если бы я знал, что сделать для этой доброй семьи!.. Такие хорошие люди!

– Как их звали?

– Семья Боско, на диалекте – Боскетти. Но что это вы так взволнованы? Может, знакомы с этой семьёй... Как тот клирик, жив ли, здоров?

– Тот клирик, мой добрый друг, и есть тот священник, которому Вы воздали в тысячу раз больше, чем он когда-то сделал для Вас. Тот, кого Вы принесли к себе домой и положили на эту кровать. Тем самым Божественному Провидению было угодно дать нам узнать, что делающий получит своё.

Легко представить себе изумление, радость доброго христианина и мою, ведь в несчастье Бог попустил мне оказаться в руках такого друга. Его жена, сестра, прочие родственники и друзья очень радовались, узнав, что тот, о ком они много слышали, оказался у них в доме. Они всячески старались услужить мне. Прибывший вскоре врач не обнаружил переломов, поэтому спустя всего несколько дней, на отысканном коне, я смог пуститься в обратный путь на родину. Седой Джованни проводил меня до дома, и пока он был жив, нас всегда связывали самые тёплые дружеские воспоминания.

После такого предупреждения я принял твёрдое решение в будущем готовить выступления ради вящей славы Божией, а не с тем, чтобы предстать учёным и образованным.

11. Церковное общежитие Св. Франциска Ассизского

По окончании этих каникул мне предложили три места служения, из которых следовало выбрать одно: должность гувернёра в доме одного геновского господина с жалованьем в тысячу франков в год; место капеллана в Мориальдо, где добрые крестьяне так мечтали заполучить меня к себе, что были готовы платить в два раза больше, чем предыдущим капелланам; должность викария на родине. Прежде чем принять окончательное решение, я поехал в Турин посоветоваться с о. Кафассо – тот уже многие годы был моим руководителем в духовных и земных вопросах.

Этот святой священник выслушал всё: о предложениях хорошего жалования, о настояниях родных и друзей, о моём искреннем желании трудиться. Не колеблясь ни минуты, он обратился ко мне со следующими словами: «Вам необходимо изучать мораль и проповедь. Пока откажитесь от всех предложений и приезжайте в Общежитие⁵⁶». Я с радостью последовал мудрому совету и 3 ноября 1841 г. прибыл в упомянутое Общежитие.

Церковное общежитие можно назвать дополнением богословского образования, поскольку в наших семинариях изучают лишь догматику, умозаключения. Из морали рассматриваются только спорные суждения. Здесь же учатся быть священниками. Размышления, чтение, две лекции в день, уроки о правилах проповеди, уединённая жизнь, все условия для учёбы, для чтения хороших авторов – вот чем каждый должен был усердно заниматься. Во главе этого весьма полезного учреждения стояли две знаменитости того времени: богослов Луиджи Гуала и о. Джузеппе Кафассо. Основателем был богослов Гуала. Бескорыстный человек, богатый мудростью, благоразумием и мужеством, в период правления Наполеона I он стал **всеми для всех**. И чтобы юные пресвитеры, окончив семинарские курсы, могли обучиться практике священного служения, он основал этот чудесный питомник, принесший немало благо Церкви, особенно – в деле искоренения янсенизма⁵⁷, отчасти ещё сохранявшегося у нас.

Среди прочих животрепещущей оставалась проблема пробабилоризма и пробабиллизма⁵⁸. Сторонников первого возглавляли Аласиа, Антуан и прочие принципиальные авторы; практическое применение их доктрины может привести к янсенизму. Пробабиллисты следовали учению Св. Альфонса⁵⁹, ко-

⁵⁶ *Церковное общежитие* – учреждение, где новые священники получали пастырскую квалификацию и духовную подготовку. Основано в 1817 г.

⁵⁷ *Янсенизм* – направление богословской мысли, возникшее во Франции в XVII в., вдохновлённое трактатом *Augustinus*, изданным после смерти Ипрского епископа Корнелия Янсена, известного как Янсений (1585-1638). За основу учения взято убеждение, что человеческая природа настолько ослаблена первородным грехом, что не способна противостоять злу исключительно собственными силами и может спастись лишь благодаря Божественной благодати. Однако благодать даруется лишь тем, кто предопределён Богом. Под влиянием выдающихся мыслителей (например, Блеза Паскаля) янсенизм распространился и за пределами Франции, вызвав горячие споры. Запрещён буллой *Unigenitus* (1713 г.). Одним из пастырских последствий распространения янсенизма в Пьемонте оказался нравственный и сакраментальный ригоризм.

⁵⁸ *Пробабилоризм* и *пробабиллизм* – школы моральной теологии, развившиеся на рубеже XVII-XVIII вв.; первая ригористичнее, вторая – умереннее. Сторонники первой школы утверждали, что из двух ситуаций или мнений, когда одно выступает в поддержку свободы, а второе в поддержку закона, мнение в пользу свободы следует предпочесть лишь в том случае, если оно является или может считаться *более вероятным*, чем мнение в пользу закона. Пробабиллизм, напротив, упрощает понимание моральных законов и настаивает на допустимости следовать мнению в пользу свободы, при наличии серьёзной *вероятности*.

⁵⁹ Св. Альфонс Мария де' Лигуори (1696-1787) – блестящий неаполитанский адвокат, отказавшийся от успешной карьеры и посвятивший себя евангелизации народа. В 1726 г. стал священником, основал Конгрегацию Редemptористов (1794 г.). В 1762 г. стал епископом. Автор множества бо-

торый теперь провозглашён Учителем Церкви и чей авторитет подтверждён Папским богословием: Церковь объявила, что его труды можно преподавать, проповедовать, практиковать, так как в них нет ничего, что заслуживает запрещения. Богослов Гуала непоколебимо стоял между обеими партиями и, строя любое суждение вокруг милосердия Г[оспода] Н[ашего] И[исуса] Х[риста], сумел сблизить эти крайности. В конечном итоге, благодаря богослову Гуале Св. Альфонс стал изучаться в наших школах, и это принесло давно чаемую пользу, благотворные плоды очевидны и в наши дни.

Крепкое плечо Гуале подставил о. Кафассо. Своей добродетелью он противостоял всевозможным испытаниям, своим чудесным спокойствием, своей предусмотрительностью, благоразумием он смог смягчить горечь, всё ещё отравлявшую отношение некоторых пробабилиористов к лигуористам⁶⁰.

Золотая жила была сокрыта в Туринском священнике богослове Гольцио Феличе, тоже из Общежития. Он вёл умеренную и тихую жизнь, однако благодаря неутомимой работе, смирению и учёности служил настоящей опорой или, лучше сказать, крепким плечом для Гуалы и Кафассо. Тюрьмы, больницы, амвоны, благотворительные учреждения, больные на дому; целые города и сёла – можно сказать, дворцы и хижины – испытали на себе благотворные результаты рвения трёх светочей туринского духовенства.

Таковы были три образца, предоставленных мне Божественным Провидением, и лишь от меня зависело, пойду ли я их стопам, последую ли их учению и добродетелям. О. Кафассо уже шесть лет был мне наставником, а также духовным руководителем, и если я сделал что-то доброе, то обязан этим достойному духовному лицу, в чьи руки я вложил все свои решения, учёбу, каждый поступок в своей жизни. Первым делом он отвёл меня в тюрьмы⁶¹, где я быстро научился понимать, сколь велики человеческая злоба и человеческое несчастье. Я увидел толпы молодых людей, в возрасте от 12 до 18 лет, совершенно здоровых, крепких, шустрых умом; однако их вид – бездеятельных, искусанных насекомыми, алчущих духовного и телесного хлеба – внушил мне ужас. Несчастные олицетворяли собой позор родине, бесчестье семьям, стыд самим себе. Но как же я был ошеломлён и изумлён, узнав, что многих из тех, кто вышел оттуда с твёр-

гословских и духовных трудов. В 1871 г. Папа Пий IX провозгласил его Учителем Церкви. Здесь содержится намёк на семитомную *Theologia moralis* (годы написания: 1753-1755).

⁶⁰ *Лигуористы* – моралисты, разделяющие взгляды Св. Альфонса Марии де'Лигуори.

⁶¹ В Турине было пять тюремных заведений. О. Кафассо в разных тюрьмах города проводил катехизацию, преподавал таинства, заботился о нуждах заключённых. Особо он прославился даром утешать приговорённых к казни.

дым намерением начать лучшую жизнь, спустя всего несколько дней после освобождения препровождали обратно в место заключения.

Именно тогда я понял, что многие возвращаются туда потому, что они предоставлены самим себе. «Кто знает, – думал я, – будь у этих ребят на свободе друг – тот, кто заботился бы о них, помогал бы им, наставлял бы в вере по выходным, – кто знает, не удержались ли бы они от падения? Или хотя бы уменьшилось бы число возвращающихся в тюрьму?» Я поделился этой мыслью с о. Кафассо и по его совету, благодаря его просвещению, начал искать способ исполнить её, предавая её плоды благодати Господней, без которой тщетны любые людские усилия.

12. Праздник Непорочного Зачатия и начало выходного Оратория

Поселившись в Общежитии Св. Франциска, я сразу оказался окружён стайкой ребят, следовавших за мной по улицам, площадям, и даже – в ризницу церкви нашего учреждения. Но пока я не мог непосредственно заниматься с ними из-за отсутствия помещения. Возможность начать воплощение в жизнь замысла на благо ребят, болтающихся по улицам города – особенно тех, кто вышел из тюрем, – представилась после одного забавного происшествия.

В торжественный день Непорочного Зачатия Девы Марии (8 декабря 1841 г.), в установленный час я облачался в священные одежды, чтобы совершить Св. Мессу. Клирик-ризничий, Джузеппе Комотти, заметив стоявшего в стороне юношу, пригласил его прислуживать мне за Мессой. «Я не умею», – пролепетал тот огорчённо.

– Давай, – повторил клирик, – я хочу, чтобы ты прислуживал за Мессой.
– Я не умею, – ответил парень, – я никогда не прислуживал.
– Ах ты, негодник, – вскричал клирик-ризничий, совершенно разозлившись, – если не умеешь прислуживать за Мессой, чего заходишь в ризницу?

Сказав это, хватается за метлу и начинает лупить несчастного палкой по плечам и голове. Тот задал стрекоча.

– Что вы делаете, – громко закричал я, – за что вы его так бьете, что он сделал?

– Зачем он зашёл в ризницу, если не умеет прислуживать за Мессой?

– Вы поступили плохо.

– А вам что за дело?

– Очень большое дело, он мой друг, немедленно позовите его, мне нужно с ним переговорить.

– *Tuder, tuder*⁶², – позвал тот, побежав за ним вослед, и, заверив, что теперь с ним обойдётся получше, подвёл его ко мне.

Тот приблизился, дрожа и глотая слезы от полученных побоев.

– Ты уже был на Мессе? – спросил я его так ласково, как только мог.

– Нет, – ответил он.

– Тогда, давай, оставайся; затем я с удовольствием поговорю с тобой об одном деле, которое тебе понравится.

Он обещал остаться. Я мечтал смягчить обиду и не оставить у бедняжки дурного впечатления об ответственных за эту ризницу. Совершив Св. Мессу и воздав положенное благодарение, я отвёл моего кандидата на хоры. С весёлым лицом, убеждая его не опасаться больше побоев, я начал его расспрашивать:

– Мой добрый друг, как тебя зовут?

– Меня зовут Бартоломео Гарелли.

– Откуда ты?

– Из Асти.

– Твой отец жив?

– Нет, отец умер.

– А мать?

– Мать тоже умерла.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Умеешь читать и писать?

– Нет, ничего не умею.

– Ты уже допущен к Св. Причастию?

– Ещё нет.

– К Исповеди ходил?

– Да, но когда был маленький.

– А сейчас изучаешь катехизис?

– Не смею.

– Почему же?

– Потому что мои товарищи все младше меня, но уже знают катехизис; а я такой большой его совсем не знаю; мне стыдно ходить на урок.

– Если бы я отдельно занимался с тобой катехизисом, ты пришёл бы послушать?

⁶² *Tuder* – уничижительное обращение на диалекте к грубому и бесцеремонному человеку.

- Пришёл бы и даже охотно.
- Итак, охотно пришел бы в эту комнатку?
- Я приду очень охотно, только пусть меня больше не избивают палкой.
- Будь спокоен, никто тебя не обидит. Наоборот, ты станешь моим другом, будешь иметь дело только со мной и ни с кем больше. Когда хочешь начать нашу катехизацию?
- Когда вам угодно.
- Сегодня вечером?
- Да.
- А прямо сейчас хочешь?
- Да, с удовольствием прямо сейчас.

Я встал и сотворил крестное знамение перед началом, но мой ученик за мной не последовал, поскольку не умел перекреститься. На первом занятии по катехизации я ограничился тем, что научил его творить крестное знамение, рассказал о Боге-Творце и о том, зачем Он нас сотворил. Несмотря на неповоротливую память, благодаря настойчивости и вниманию он за несколько выходных смог выучить требуемое для того, чтобы хорошо исповедаться, а немного позже – принять Св. Причастие.

К первому ученику присоединились несколько других; в ту зиму я ограничился занятиями с несколькими взрослыми, нуждавшимися в особой катехизации, прежде всего – с теми, кто вышел из тюрьмы.

Именно тогда я лично убедился в том, что если ребята, вышедшие из мест заключения, попадают в добрые руки того, кто заботится о них, общается с ними в выходные, старается найти им работу у честного хозяина, иногда навещает их на неделе, то они начинают вести достойную жизнь, забывают прошлое, становятся добрыми христианами и честными гражданами. Таковы были начатки нашего Оратория; по благословению Господа он разросся так, как я тогда, безусловно, даже и не мог себе представить.

13. Ораторий в 1842 году

У так, той зимой я работал для укрепления маленького Оратория. Моей целью было собрать только самых трудных ребят, предпочтение я отдавал вышедшим из тюрем; однако, чтобы заложить основания для дисциплины и нравственности, я также пригласил несколько человек порядочного поведения, уже образованных. Они помогали мне сохранять порядок, а также – читать и петь священные хвалы; с тех пор я убедился,

что без распространения песенников и весёлого чтения воскресные собрания оказались бы бездыханным телом. К Сретению (2 февраля 1842 г.) – тогда это ещё был обязательный праздник – у меня было уже два десятка ребят, и с ними мы впервые смогли спеть *Хвалите Марию, уста верных*.

На Благовещение Пресвятой Деве нас было уже 30 человек. В тот день мы немного попраздновали. Утром ученики приступили к святым таинствам; вечером мы пели хвалу, после катехизации я привёл им пример из жизни в качестве проповеди. Хоры, где мы собирались до этого, стали тесны, поэтому мы переместились в часовню рядом с ризницей.

Здесь встречи Оратория проходили так: возможность приступить к святым таинствам Исповеди и Причастия предоставлялась в любой выходной день; однако раз в месяц суббота и воскресенье отводились именно для исполнения этой религиозной обязанности. Вечером в установленный час пели хвалу, проводили катехизацию, затем – пример из жизни, потом что-нибудь раздавали: или всем, или по жребию.

Из ребят, посещавших самый первый Ораторий, я хотел бы отметить Буццетти Джузеппе, он всегда образцово выступал. Он настолько привязался к Дону Боско и к собраниям по выходным, что отказался ездить домой к своей семье (в Каронно Гирингелло), как обычно делали его братья и друзья. В числе первых также были его братья Карло, Анджело, Джозуэ⁶³ и Гарибольди Джованни с братом, в то время простые подмастерья, а теперь – старшие мастера, каменщики.

В целом Ораторий состоял из резчиков, каменщиков, маляров, модельщиков улиц, плиточников и прочих ребят из отдалённых посёлков. Они не ходили в церковь, у них не было товарищей, поэтому именно по выходным дням им угрожала опасность совратиться с пути.

Добрый богослов Гуала и о. Кафассо были довольны собранием молодёжи, охотно мне давали образки, листочки, книжечки, медальончики, крестики на подарки. Иногда они предоставляли мне средства на одежду для тех, кто больше всех нуждался, или на хлеб кому-нибудь на несколько недель, пока эти ребята не смогут обеспечивать себя своим трудом. И даже, поскольку их число увеличилось, я получил разрешение иногда проводить досуг с моим маленьким отрядом в примыкающем дворе. Если бы место позволяло, нас быстро стало бы несколько сотен, но приходилось ограничиваться примерно восьмьюдесятью ребятами.

⁶³ Карло и Джозуэ, братья Джузеппе, стали прорабами, сотрудничали с Доном Боско при строительстве зданий в Вальдокко, в частности, церкви Пресвятой Девы Марии – Помощницы христиан.

Когда они приступали к святым таинствам, то богослов Гуала либо о. Кафассо непременно приходили навестить нас, рассказать что-нибудь поучительное.

Богослов Гуала, желая устроить прекрасный праздник в честь Св. Анны – праздник каменщиков – после утреннего богослужения пригласил всех к себе на завтрак. В большом актовом зале собралось около ста человек. Тут всех щедро угостили кофе, молоком, шоколадом, вафлями, бриошами, печеньем и подобными сладостями, до которых столь охочи ребята. Легко представить себе, какую суматоху вызвал этот праздник, и сколько бы нас собралось, если бы позволило помещение!

Выходные были всецело посвящены общению с моими юношами; на неделе я навещал их на работе в мастерских, на фабриках. Это весьма утешало ребят, видевших дружескую заботу; это нравилось и хозяевам, которые охотно держали у себя ребят, опекаемых на неделе, а особенно в выходные – наиболее опасные – дни.

По субботам я ходил в тюрьмы с карманами, полными то табака, то фруктов, то хлебцев; моей неизменной целью было пообщаться с ребятами, имевшими несчастье оказаться там; я старался поддержать их, подружиться с ними и тем самым побуждал прийти в Ораторий, когда они наконец выйдут из заключения.

14. Священное служение – Должность в Приюте (сентябрь 1844 г.)

Тем временем я начал публично проповедовать в некоторых церквях Турина, в Больнице милосердия, в Приюте добродетели, в тюрьмах, в коллегии Св. Франциска из Паолы, проводить триденствия, новенны либо духовные упражнения. По окончании двухлетнего изучения морали выдержал экзамен, дающий право принимать Исповедь; тем самым я успешнее мог поддерживать дисциплину, нравственность и благо душ моих ребят в тюрьме, в Оратории и везде, где нужно.

Для меня было утешением на неделе, а особенно – в выходные дни, видеть, что мою исповедальню окружают сорок-пятьдесят юношей, чадами ожидающих, когда придёт их черёд исповедаться.

Такова была нормальная жизнь Оратория в течение почти трёх лет, то есть до октября 1844 года.

Тем временем Божественное Провидение готовило нечто новое, перемены и даже испытания.

В конце третьего года изучения морали я должен был окончательно решить, где нести священное служение. Угасающий от старости дядя Комолло, о. Джузеппе Комолло, настоятель в Чинцано, с согласия архиепископа пригласил меня на должность администратора-эконома прихода, так как в силу возраста и немощи больше не справлялся. Богослов Гуала сам продиктовал мне благодарственное письмо архиепископу Франсони, тогда как я готовился к другому.

Однажды меня вызвал к себе о. Кафассо и сказал: «Теперь Вы завершили курс обучения; пора начать трудиться. В наше время жатвы весьма много. К чему Вы ощущаете особую склонность?»

– К тому, что Вам будет угодно указать мне.

– Есть три места: викария в Буттильера д'Асти; репетитора морали здесь, в Общежитии; директора маленькой Больнички при Приюте⁶⁴. Что выберете?

– То, что Вы сочтёте необходимым.

– То есть Вы не ощущаете склонности ни к первому, ни ко второму, ни к третьему?

– Я расположен заниматься молодёжью. Вы же можете сделать со мной, что хотите; Ваш совет я приму как волю Господа.

– Что в эту минуту занимает Ваше сердце, к чему обращены Ваши мысли?

– В эту минуту мне кажется, будто я нахожусь в толпе ребят, просящих меня о помощи.

– Ладно, возьмите каникулы на несколько недель. По возвращении я скажу Вам, куда направиться.

После каникул о. Кафассо ещё несколько недель ничего мне не говорил; я же ни о чём его не спрашивал.

– Почему Вы не интересуетесь, куда Вам направиться? – спросил он меня однажды.

– Потому что желаю узнать волю Божию в Вашем решении и ничем не хочу проявить своей воли.

– Собирайте вещи и идите с богословом Борелем; будете директором Больнички Св. Филомены; также будете работать в Приюте. Тем временем Бог вложит Вам в руки то, что Вы должны сделать для молодёжи.

⁶⁴ Больничкой называлась Больница Св. Филомены, основанная маркизой Джулией ди Бароло для приёма бедных девочек с ограниченными возможностями здоровья, в возрасте от 3 до 12 лет. Приют (Благочестивое дело Пресвятой Богородицы – Заступницы грешников) был основан маркизой Бароло для женщин, решивших добровольно сойти со стези порока.

Этот совет, казалось, противоречит моим устремлениям, поскольку руководство больницей, проповедь и Исповедь в заведении, где содержались более четырёхсот молодых женщин, не дадут мне времени заниматься чем-либо ещё. Однако, как я вскоре убедился, то была воля Небес.

С первой минуты знакомства с богословом Борелем я всегда считал его святым священником, образцом, достойным восхищения и подражания. Всякий раз, когда я бывал у него, он давал мне урок священнического рвения, неизменно хорошие советы, побуждал к добру. За три года, проведённые в Общежитии, он сам много раз приглашал меня прислуживать ему за богослужением, исповедовать, проповедовать вместе с ним. Поэтому поле моей работы было мне уже знакомо и в некотором роде близко.

Мы не раз подолгу обсуждали с ним правила взаимовыручки при посещении тюрем и выполнении возложенных на нас обязанностей, с тем чтобы при этом помогать юношам, чьё моральное состояние и отверженность всё больше требовали внимания священников. Но как это сделать? Где собирать ребят?

– Отведённая Вам комната, – сказал богослов Борель, – может некоторое время служить местом собрания для юношей, посетивших церковь Св. Франциска Ассизского. А когда мы переедем в здание для священников при Больничке, то найдём вам помещение получше.

15. НОВЫЙ СОН

Во второе воскресенье октября того года (1844 г.) я должен был сообщить моим ребятам, что Ораторий переберётся в Вальдокко. Но неуверенность в месте, в средствах, в людях заставляла меня тревожиться не на шутку. Накануне вечером я лёг спать с беспокойным сердцем. Той ночью мне приснился новый сон, и он кажется дополнением того, что я видел в Бекки в возрасте девяти лет. Считаю нужным описать его буквально.

Мне снилось, что я стою в окружении множества волков, коз и козлят, ягнят, овец, баранов, собак и птиц. Все вместе они шумели и галдели – такая чертовщина могла внушить страх самым мужественным. Я хотел бежать, но тут одна Дама, красиво одетая в пастушеское платье, дала мне знак следовать за Ней и сопровождать это странное стадо, Она же пошла впереди. Мы брели по разным местам; сделали три остановки, три привала. На каждом привале многие из животных превращались в ягнят, и тех становилось всё больше и больше. Изрядно находившись, я оказался на лугу, где животные прыгали и ели все вместе, причем никто не пытался причинить вред другим.

Разбитый усталостью, я хотел сесть на обочине соседней дороги, но Пастушка пригласила меня продолжить путь. Мы прошли ещё немного, и я оказался на большом дворе, окружённом колоннами, на противоположной стороне его была церковь. Тут я заметил, что из всех зверей уже четыре пятых превратились в ягнят. Их число стало огромно. В ту минуту подошло множество пастухов, чтобы охранять их. Пастухов становилось всё больше, они разделились и пошли во все стороны, чтобы собрать прочих странных зверей и направить их в другие овчарни.

Я хотел уйти, потому что мне показалось, что пора служить Мессу, но Пастушка попросила меня посмотреть в южную сторону. Взглянув, я увидел поле, засеянное просом и засаженное картофелем, капустой, свёклой, латуком и множеством иных растений.

– Взгляни ещё раз, – сказала Она мне, и я снова посмотрел. Тут я увидел изумительную и высокую церковь. Оркестр, исполнявший инструментальную и вокальную музыку, приглашал меня петь Мессу. Внутри церкви протянута была белая лента, на ней огромными буквами было написано: *Hic domus mea, inde gloria mea*⁶⁵.

Сон продолжался, и я спросил у Пастушки, где я нахожусь, что означает этот путь с привалами, дом, церковь, ещё одна церковь. «Ты всё поймёшь, когда телесными очами увидишь наяву то, что сейчас созерцаешь очами разума». Мне почудилось, что я больше не сплю, и я сказал: «Я вижу ясно и смотрю телесными очами; я знаю, куда иду и что делаю». В этот миг колокол церкви Св. Франциска зазвонил *Ave Maria*, и я проснулся.

Этот [сон] занял почти всю ночь; в нём было много деталей. Тогда я мало понял его значение, потому что мало в него верил, но по мере того как он сбывался, я постепенно всё понял. Более того, позже, вкуче с другим сном, он послужил мне планом к действию.

16. Переезд Оратория в Приют

Во второе воскресенье октября, посвящённое Материнству Девы Марии, я сообщил моим ребятам, что Ораторий перемещается в Приют. При первом известии началось некоторое волнение, но когда я сказал им, что там нас ждёт просторное помещение, только наше, где

⁶⁵ Где мой дом, оттуда моя слава.

можно петь, бегать, прыгать и проводить досуг, это им понравилось. Каждый с нетерпением ждал следующего воскресенья, чтобы увидеть новое место, уже давшее пищу воображению. В третье воскресенье того октября, в день, посвящённый чистоте Д[евы] М[арии], вскоре после полудня толпа юношей разного возраста и положения побежала в Валь-докко посмотреть на новый Ораторий.

– Где же Ораторий, где Дон Боско? – спрашивали они повсюду. Никто не мог им ответить, поскольку никто из соседей слыхом не слыхивал ни о Доне Боско, ни об Оратории. Вопросавшие, решив, что их разыграли, стали кричать и перешли к требованиям. Местные, считая себя оскорблёнными, отвечали угрозами и ударами. Дело принимало суровый оборот, когда я и богослов Борель, услышав шум, вышли из дома. При нашем появлении умолкли все крики и споры. Ребята окружили нас толпой, спрашивая, где Ораторий.

Я им сказал, что настоящий Ораторий пока не закончен, пусть пока заходят ко мне в комнату: она просторная и прекрасно нам подойдёт. Действительно, в то воскресенье всё прошло достаточно неплохо. Но в следующее воскресенье к прежним ученикам добавилось немало соседских ребят, и я не знал, где всех разместить. Комната, коридор, лестница, всё было забито ребятами. В день Всех Святых я исповедовал с богословом Борелем, исповедаться хотели все, но что делать? Нас, исповедников, было всего двое, юношей – более двухсот. Один хотел разжечь огонь, другой старался потушить. Одни несли дрова, другие – воду, ведро, щипцы, совки, кувшин, тазик, стулья, обувь, книги – всё было перевернуто вверх дном, пока они наводили порядок.

– Так продолжаться не может, – сказал мой дорогой богослов, – следует обустроить более подходящее место.

Однако мы провели шесть выходных дней в этом тесном помещении – в комнате над передней первого входа в Приюте.

Тем временем мы побеседовали с архиепископом Франсони, и он понял важность нашего замысла. «Идите, делайте то, что считаете полезным для душ, – сказал он нам, – я даю вам все полномочия, какие могут понадобиться. Поговорите с маркизой Бароло: возможно, она сумеет выделить вам какое-нибудь подходящее помещение. Но скажите мне, разве эти юноши не могут ходить в свои приходы?»

– Большинство этих ребят – нездешние, в Турине они проводят лишь часть года. Они даже не знают, к какому приходу относятся. Многие

из них плохо устроились, разговаривают на малопонятных диалектах, поэтому плохо понимают других, а другие – их. Причём некоторые уже большие и стесняются ходить в один класс с маленькими.

– Значит, – ответил архиепископ, – необходимо отдельное место специально для них. Ступайте же. Я благословляю вас и ваш замысел. Если чем могу быть вам полезен, то приходите, всегда сделаю, что смогу.

Мы действительно пошли побеседовать с маркизой Бароло, и, поскольку Больничка была закрыта до августа следующего года, милосердная дама согласилась на то, что мы пока приспособим под часовню две просторные комнаты, предназначенные для отдыха священников Приюта (когда они туда переедут). Итак, попасть в новый Ораторий можно было оттуда, где сейчас дверь в больницу; по маленькой улочке, отделяющей названное строение от Дома Коттоленго⁶⁶, подойти к нынешнему жилищу священников и по внутренней лестнице подняться на 4-й этаж.

Там находилось место, предназначенное Божественным Провидением для первой церкви Оратория. Ораторий стал носить имя Св. Франциска Сальского по двум причинам: 1) потому что маркиза Бароло мечтала основать священническую конгрегацию под таким названием и в связи с этим заказала портрет святого, на который до сих пор можно любоваться у входа в помещение; 2) потому что наше служение требует немало спокойствия и благодушия, и мы поручили себя заступничеству этого святого, чтобы он вымолил для нас у Бога благодать подражать ему в его исключительной кротости и в завоевании душ. Мы прибегли к его защите ещё по одной причине: чтобы он с небес помогал нам подражать ему в борьбе с заблуждениями против религии, особенно – с протестантизмом, который начал коварно просачиваться в наши земли, прежде всего в город Турин.

Поэтому в 1844 году, в день 8 декабря, посвящённый Непорочному Зачатию Девы Марии, с позволения архиепископа, в самое холодное время года, среди высоченных сугробов – а снег всё шёл и шёл, – была благословлена желанная часовня, совершена Св. Месса, многие юноши исповедились и приняли Причастие. Я совершил священные обряды, отдав должное слезам утешения, поскольку мне казалось, что дело Оратория окрепло – дело, имеющее целью занять самую отверженную и опасную молодёжь после исполнения религиозных обязанностей в церкви.

⁶⁶ Дом Коттоленго [Маленький дом Божественного Провидения] – приют, основанный Св. Джузеппе Коттоленго (1786-1842) для бедных и хронических больных, для увечных и инвалидов с заболеваниями психики, для стариков и нищих. Коттоленго основал две мужские (одну для священников, другую – для братьев) и две женские конгрегации (для деятельной и созерцательной жизни).

17. Ораторий в церкви Св. Мартина дей Молацци – Трудности – Рука Господня

В часовне, примыкавшей к зданию Больнички Св. Филомены, Ораторий процветал. В выходные дни сюда стекалась толпа молодых людей, чтобы исповедаться и причаститься. После Мессы я кратко объяснял Евангелие. После полудня – катехизис, духовное пение, краткое наставление, Лоретанская литания и благословение. Во время перерывов юноши проводили приятный досуг в разнообразных забавах. Это происходило на сохранившейся до сих пор маленькой улочке между монастырём сестёр Марии Магдалины и городской улицей. Так прошли семь месяцев; мы думали, что обрели рай на земле, и тут нам пришлось покинуть любимое прибежище и отправиться на поиски другого.

Хотя маркиза Бароло благосклонно смотрела на всяческие дела милосердия, по мере того как приближалось открытие её Больнички (состоялось 10 августа 1845 года), она пожелала, чтобы наш Ораторий удалился оттуда. Правда, помещение, отведённое под часовню, школу и для досуга юношей, не имело никакого сообщения со внутренними покоями здания и даже жалюзи были опущены и закреплены, однако пришлось подчиниться. Мы представили выразительное прошение туринскому муниципалитету и благодаря рекомендации архиепископа Франсони получили разрешение перевести Ораторий в церковь Св. Мартина дей Молацци, т.е. при городских мельницах.

И вот, в воскресный день июля 1845 года, мы забираем скамейки, генуффлектории, подсвечники, несколько стульев, распятия, картины и образки – каждый взял то, что мог унести, – и, словно при переселении народа, с криками, смехом, сожалением мы отправились на обустройство нашего генерального штаба в названном выше месте.

Богослов Борель выступил с уместной речью перед выходом и по прибытию в новую церковь.

Этот достойный служитель алтаря, с доходчивостью, не просто редкой, а уникальной, выразил следующие мысли: «Возлюбленные молодые люди, если не пересадить рассаду капусты, то из неё не вырастут прекрасные плотные кочаны. То же самое можно сказать о нашем Оратории. До сих пор он часто переезжал туда-сюда, и, останавливаясь в разных местах, неизменно возрастал, к немалой пользе приходивших в него юношей. Церковь Св. Франциска Ассизского видела, как он начинался с катехизации и скромного пения. Там нельзя было сделать больше. Его принял Приют, но остано-

ка была краткой, как у путешественников по железной дороге; зато в эти несколько месяцев наши ребята не были обделены духовной помощью в виде Исповеди, катехизации, проповедей, не были лишены веселых игр.

При Больничке появился подлинный Ораторий, и нам казалось, что мы обрели настоящий мир, подходящее для нас место, но Божественное Провидение распорядилось, чтобы мы перебрались сюда, к Св. Мартину. Долго ли мы тут пробудем? Не знаем. Надеемся – да, но в любом случае будем верить, что, подобно пересаженной капустной рассаде, наш Ораторий вырастет численно за счёт юношей, любящих добродетель, и у них окрепнет желание петь, музицировать, учиться в вечерней школе и даже – в дневной.

Итак, проведём ли мы тут много времени? Пусть эта мысль нас не занимает. Предадим все наши попечения в руки Господа, и Он позаботится о нас. Несомненно, Он благословляет нас, помогает нам и даёт всё необходимое. Он подумает о месте, подходящем для распространения Его славы и для блага наших душ. Однако, поскольку благодеяния Господни составляют что-то наподобие цепи, где одно кольцо цепляется за другое, так и мы, пользуясь первыми благами, будем хранить уверенность в том, что Бог подаст нам ещё большие, и мы, отвечая замыслу Оратория, будем следовать от добродетели к добродетели, покуда не достигнем блаженного отечества, где бесконечное милосердие [Г[оспода] Н[ашего] И[исуса] Х[риста] воздаст каждому заслуженное, по его добрым делам».

На том торжественном богослужении присутствовало множество молодых людей, и с предельным воодушевлением был спет благодарственный гимн *Te Deum*⁶⁷.

Религиозные практики здесь исполнялись как в Приюте. Но нельзя было совершать Мессу, давать вечернее благословение, поэтому причастие было невозможно, а это – основополагающий элемент нашего начинания. И даже досуг не обходился без препятствий и запинок, поскольку ребятам приходилось развлекаться на улице и маленькой площади перед церковью, где часто проходили люди, кони, проезжали телеги, повозки. За отсутствием лучшего мы благодарили Небеса за данное нам, ожидая более подходящего размещения. Но тут мы столкнулись с новыми неудобствами.

Мельники, подмастерья, продавцы не могли мириться с прыжками, песнями, а то и криками наших учеников, забеспокоились и, сговорившись, представили жалобы в муниципалитет. Именно тогда начали говорить, что такие собрания молодёжи опасны: того и гляди она устроит бунт или

⁶⁷ *Te Deum* – начало гимна *Тебя, Бога, хвалим*.

революцию. Говорили это, видя, что ребята без промедления подчиняются малейшему знаку своего наставника. Безосновательно добавляли, что ребята всё время что-то ломают в церкви, перед церковью, на мостовой – казалось, Турин развалится, если мы продолжим собираться в этом месте.

Вершиной наших бедствий стало письмо, написанное секретарем мельниц мэру Турина: собрав все беспочвенные слухи и раздув воображаемые несчастья⁶⁸, автор утверждал, что работающие тут семьи больше не могут спокойно продолжать исполнять свои обязанности.

Дошло до того, что нас назвали рассадником безнравственности. Мэр, хотя и был убежден в необоснованности донесения, тем не менее написал письмо, в силу которого мы должны были немедленно куда-нибудь перенести наш Ораторий. Всеобщее сожаление, тщетные вздохи! Нужно было убираться.

Однако следует отметить, что это знаменитое письмо стало последним из написанного секретарём по фамилии Куссетти (не для огласки): его правую руку поразил сильный тремор, и через три года он сошёл в могилу. Бог распорядился, чтобы его сын оказался выброшен на улицу и был вынужден просить хлеба и прибежища в приюте, что открылся к тому времени в Вальдокко.

18. Ораторий в храме Св. Петра в узах – Служанка капеллана – Письмо – Печальное происшествие

Поскольку мэр и весь муниципалитет были убеждены в необоснованности написанного против нас, то по простой просьбе и по рекомендации архиепископа мы получили разрешение собираться во дворе и в храме Хранилище Священного Распятия, по-простому называвшемся церковью *Св. Петра в узах*. Так, после двухмесячного пребывания в церкви Св. Мартина нам пришлось с горьким сожалением перебираться в новое пристанище – впрочем, более подходящее для нас. Длинная колоннада, просторный двор, церковь, где можно совершать богослужения, – всё служило источником воодушевления для юношей; казалось, они обезумели от радости. Но мы не знали, что здесь столкнёмся с жутким противником. Речь не о покойнике (их немало погребено в расположенных поблизости могилах), а о живом человеке – служанке капеллана. Только

⁶⁸ Примечание на манускрипте Берто: «Мэр направил проверяющих, и они отметили, что стены, брусчатка, пол и все церковные принадлежности были в порядке. Единственное повреждение – небольшая царапина от гвоздя на стене».

заслышав песни, голоса и, прямо скажем, крики учеников, она в ярости выбежала из дома и в съехавшем набекрень чепце, уперши руки в боки, принялась поносить веселившихся ребят. К ней присоединились: девочка, собака, кошка, все куры – казалось, не избежать европейской войны. Я постарался подойти к ней и успокоить её, отметив, что у ребят не было никаких дурных намерений, что они просто развлекаются и не совершают никакого греха. Тогда она повернулась ко мне – и мне досталось!

В ту минуту я рассудил прекратить рекреацию и провести краткую катехизацию. Прочитав Розарий в церкви, мы разошлись в надежде, что в следующее воскресенье всё пройдёт спокойнее. Однако вышло наоборот. Когда к вечеру вернулся капеллан, добрая служанка надела на него и, обзывая Дона Боско и его сыновей революционерами, осквернителями святых мест и вообще всяческим сбродом, заставила доброго хозяина написать письмо в муниципалитет.

Он написал под диктовку прислужницы, но столь резко, что немедленно был издан приказ арестовать любого из нас, кто туда вернется. Грустно говорить, но то было последнее письмо капеллана о. Тезио: он написал его в понедельник, а несколько часов спустя за смертью рухнул от апоплексического удара. Ещё через два дня тот же жребий выпал служанке. Новость о событиях распространилась и произвела глубокое впечатление на юношей и на всех, кто об этом узнал. Всем очень хотелось прийти и послушать о грустных событиях; но, поскольку нам запретили собираться в церкви Св. Петра в узах, а я не мог дать необходимое объявление, никто, даже я сам, не представлял, где можно найти место для встреч.

19. Ораторий в доме о. Моретты

В следующее после запрета воскресенье множество ребят пришло к церкви Св. Петра в узах, поскольку не представилось возможным хоть как-то их предупредить заранее. Увидев, что всё заперто, они толпой отправились в моё жилище при Больничке. Что делать? На руках у меня оказалась гора церковной утвари и предметов для досуга, толпа ребят повсюду следовала за мной по пятам, у меня же не было ни клочка земли, где мы могли бы собраться.

Тем не менее, скрывая свои горести, я всем показывал хорошее настроение, и все веселились, рассказывая тысячу чудес о будущем Оратории, пока существующем лишь у меня в голове и в замыслах Господа.

Итак, чтобы как-то занять их в выходные дни, я водил их то в Сасси, то в Мадонна дель Пилоне, Мадонна ди Кампанья, на гору Капуцинов и даже на Супергу⁶⁹. В этих церквях я старался служить для них Св. Мессу утром с толкованием на Евангелие. Вечером – краткая катехизация, пение хвалы, какие-нибудь рассказы, потом прогулки до того часа, когда нужно было возвращаться в семьи. Казалось, критическое положение должно было развеять любые мысли об Оратории, а получалось наоборот: число приходивших увеличивалось необыкновенно.

Тем временем наступил ноябрь (1845 года), пора неблагоприятная для загородных прогулок и походов. Уговорившись, мы с богословом Борелем взяли внаём три комнаты в доме о. Моретты – в том, что стоит рядом, почти напротив нынешней церкви Девы Марии – Помощницы христиан. Теперь этот дом благодаря ремонтным работам почти переделан. Там мы провели четыре месяца, в тесном помещении, но довольные, что у нас есть хотя бы эти комнаты для того, чтобы собирать наших учеников, наставлять их и служить им, в первую очередь, Исповедью. Более того, именно той зимой мы начали вечерние занятия. В наших краях подобные школы появились впервые, поэтому вызвали много разговоров – и за, и против.

Именно в то время о нас поползли весьма странные слухи. Одни называли Дона Боско революционером, другие – сумасшедшим либо еретиком. Они рассуждали так: «Этот Ораторий отдаляет молодёжь от приходов; настоятель видит, что церковь опустела, сам больше не может познакомиться с ребятами, о которых будет обязан дать отчёт на Суде Господнем. Пусть Дон Боско отправит юношей по их приходам и перестанет собирать их в других местах».

Это говорили два уважаемых в городе настоятеля, нанесшие мне визит от имени своих коллег.

– Ребята, которых я собираю, – отвечал я им, – не влияют на посещаемость приходов, поскольку большинство из них вообще не знают ни прихода, ни настоятеля.

– Почему?

– Потому что они почти все не местные, оставлены в городе родственниками или пришли сюда в поисках работы и не нашли её. Савойцы,

⁶⁹ Сасси – посёлок в 3 км от Турина. Мадонна дель Пилоне – посёлок в миле от Турина, название происходит от почитаемого там чудотворного образа Богородицы. Мадонна ди Кампанья – приход, прикреплённый к капуцинскому монастырю в 3 км от Турина. Гора Капуцинов – красивый храм на высоком лесистом холме на правом берегу реки По. Суперга – гора, возвышающаяся над Туринном, где по обету Савойского герцога Витторио Амедео II в честь победы над французской армией в 1706 г. была построена базилика.

швейцарцы, молодые люди из Валле д'Аоста, из Бьеллы, новарцы, ломбардцы – вот кто обычно посещает мои собрания.

– Разве вы не можете отправить этих юношей в соответствующие приходы?

– Они своих приходов не знают.

– Так почему бы им не показать?

– Невозможно. Разлука с родиной, языковые отличия, непостоянное место жительства, незнание города затрудняют, если не сказать, препятствуют посещению приходов. К тому же, многие из них уже взрослые: кое-кому исполнилось 18, 20 и даже 25 лет, а они совершенно несведущи в религиозных вопросах. Кто убедит их присоединиться к детям 8 или 10 лет, намного более образованным, чем они?

– А вы сами не могли бы отвести их и проводить катехизацию в приходских церквях?

– Я мог бы ходить, самое большее, в один приход, но никак не во все. Можно было бы это устроить, если бы каждый настоятель пожелал прийти к этим ребятам или послал кого-то, кто бы их собирал и направлял в соответствующие приходы. Но и это сложно, поскольку среди ребят немало легкомысленных сорванцов: привлечённые нашей рекреацией, прогулками они соглашаются заодно посещать катехизацию и участвовать в иных практиках благочестия. Поэтому в каждом приходе необходимо специальное место, чтобы собирать этих ребят и развлекать приятным досугом.

– Это совершенно невозможно. Нет ни помещений, ни священников, у которых были бы свободные выходные для подобных занятий.

– Итак?

– Итак, делайте, как считаете полезным, а мы тем временем решим между собой, как лучше всего поступить.

После этого перед настоятелями туринских приходов встал живо-трепещущий вопрос: развивать или запретить Оратории. Высказались сторонники и противники. Настоятель Борго Дора о. Агостино Гаттино и богослов Понсати, настоятель церкви Св. Августина, передали мне ответ: «Настоятели города Турина на своих обычных собеседованиях обсудили уместность Ораториев. Взвесив опасения и надежды, с той и другой стороны, поскольку не каждый настоятель в состоянии обустроить Ораторий в своём приходе, они ободряют священника Боско продолжать до тех пор, пока не будет принято иное решение».

Пока происходили эти события, наступила весна 1846 года. В доме о. Моретты было множество жильцов, которых раздражали крики и постоянный

шум, производимый приходом и уходом молодых людей. Жильцы нажаловались хозяину, заявив, что все съедут со снятых квартир, если подобные встречи не прекратятся навсегда. Итак, доброму священнику Моретте пришлось известить нас о том, чтобы мы немедленно искали другое помещение для собраний наших ребят, если хотим сохранить живым Ораторий.

20. Ораторий на лугу – Прогулка на Супергу

С тяжёлым сожалением и с немалыми препятствиями для наших собраний, в марте 1846 года нам пришлось покинуть о. Моретты и арендовать у братьев Филиппи луг, где теперь находится чугунолитейный цех. Я оказался под открытым небом, посреди луга, окружённого жалкой изгородью, позволявшей любому желающему свободно туда входить. Юношей собиралось три-четыре сотни, они считали Раем на земле Ораторий, которому потолком и стенами служил сам небесный свод.

Но как в таком месте исполнять религиозные обряды? В лучшем случае мы здесь проводили катехизацию, пели хвалы, вечерню, затем богослов Борель либо я поднимались на холм либо взбирались на стул и оттуда обращались с краткой проповедью к ребятам, жаждущим послушать нас.

Исповедь мы устраивали так: в выходные дни, рано утром я приходил на луг, где меня уже ожидало немало ребят. Я садился на холме, принимал у одних Исповедь, тем временем другие готовились либо совершали благодарение, после чего многие из них возобновляли рекреацию. В определённый момент утра раздавался звук трубы, собиравший всех молодых людей, ещё один сигнал трубы призывал к молчанию, после чего я мог говорить и сообщить им место, куда мы пойдём слушать Св. Мессу и причащаться.

Иногда, как я сказал, мы ходили в Мадонна ди Кампанья, в церковь Богородицы Утешения, в Ступиниджи⁷⁰ либо в упомянутые выше местности. Поскольку мы часто совершали пешие прогулки даже в отдалённые места, то опишу одну из них – на Супергу; на этом примере можно видеть, как проходили другие прогулки.

Ребята собирались на лугу, им предоставлялось время немного поиграть в мячи, домино, походить на ходулях и т.п., затем барабанная дробь либо сигнальная труба объявляла о сборе и начале похода. Мы постарались устроить так, чтобы каждый сначала побывал на Мессе, а чуть позже

⁷⁰ Ступиниджи – местность в 8 км от центра города, знаменитая прекрасным дворцом, которым пользовался король во время охоты.

девяти все отправились на Супергу. Кто-то нёс корзины с хлебом, кто-то сыр, колбасу, фрукты, прочее необходимое на день. Пока мы проходили мимо городских домов, соблюдали тишину, а потом начинались крики, песни, оклики, но шли мы непременно по порядку, стройно.

Подойдя к подножию горы, к началу подъёма, ведущего к базилике, я обнаружил там изумительного коня, снаряжённого как должно; его прислал для меня священник Ансельметти, настоятель той церкви. Там же обнаружилась записка от опередившего нас богослова Бореля, в которой говорилось: «Спокойно идите с нашими дорогами ребятами: суп, второе, вино готовы». Я вскочил на коня и громко прочёл записку. Все собрались вокруг коня и, услышав прочитанное, единодушно начали аплодировать, устроили овацию с криками, восклицаниями и пением. Одни трепали коня за уши, другие хватали за ноздри либо за хвост, толкая то бедное животное, то всадника. Кроткое животное всё переносило мирно, выказывая больше терпения, чем тот, кто залез ему на спину.

К суматохе добавлялась наша музыка в исполнении барабана, трубы и гитары. Всё звучало нестройно, однако шума, производимого голосами молодых людей, хватало для чудесной гармонии.

До установленного места мы добрались, утомленные смехом, шутками, песнями и даже воплями. Взмокшие ребята собрались в церковном дворе и были сразу же снабжены всем необходимым для утоления разыгравшегося аппетита. После небольшого отдыха я всех созвал и кратко рассказал чудесную историю базилики, королевских гробниц под ней и Церковной Академии, которую тут выстроил Карл Альберт и содержали епископы Сардинского королевства⁷¹.

Возглавлявший её богослов Гульельмо Аудизио благородно взял на себя расходы на суп и второе для всех гостей. Настоятель подарил вино и фрукты. В течение двух часов мы осматривали достопримечательности, потом собрались в церкви, куда уже пришло много людей. В 3 пополудни я выступил с краткой речью с амвона, после чего несколько человек, особо одарённые голосом, спели *Tantum ergo*⁷², и свежесть юношеских голосов у всех вызвала восхищение. В шесть запустили несколько аэростатических шаров, а затем, бурно высказывая признательность всем своим

⁷¹ *Сардинское королевство* – государство, существовавшее с 1720 по 1861 годы; к концу этого периода в его состав из ранее самостоятельных государств Италии входили, кроме острова Сардиния, княжество Пьемонт, герцогства Аоста и Монферрато, графство Ницца, герцогства Савоя и Генуя. Столицей был Турин.

⁷² *Tantum ergo* – начало гимна *Эту Тайну Пресвятую*.

благодетелям, мы направились в Турин. Пение, смех, бег, а порой – молитва занимали нас на пути. Так мы вошли в город; и вот те, мимо чьих домов мы проходили, стали нас покидать и возвращаться в свои семьи. К Приюту я подошёл с семьёю или восемью юношами из самых крепких – они несли вещи, какими мы пользовались днём.

21. Маркиз Кавур и его угрозы – Новые препятствия для Оратория

Можно и не говорить, какое воодушевление вызывали в молодых людях такие прогулки. Их привлекало смешение благочестия, развлечений, походов, каждый привязывался ко мне настолько, что не просто слушался моих распоряжений, но с нетерпением ожидал, когда я поручу ему исполнить какое-нибудь дело. Как-то один карабинер, увидев, как я жестом руки призвал к тишине четыреста молодых ребят, скакавших с криками по луку, воскликнул: «Если бы этот священник был генералом армии, то смог бы сразиться с самым сильным войском в мире». В самом деле, послушание и привязанность моих учеников доходили до безумия. Именно по этой причине вновь пополз слух, что Дон Боско со своими чадами может в любую минуту начать революцию. Местные власти опять приняли на веру это смешотворное утверждение, особенно – маркиз Кавур, отец выдающихся Камилло и Густаво, в то время бывший викарием города, то есть, можно сказать, главным градоначальником. Итак, он вызвал меня во дворец муниципалитета, где долго рассуждал о распространявшихся на мой счет глупостях и подвёл итог: «Мой добрый священник, примите совет: оставьте в покое этих негодяев. Они доставят лишь неудобство и Вам, и государственным властям. Уверен, подобные собрания опасны, поэтому не могу их терпеть».

– Господин маркиз, – ответил я, – у меня нет иной цели, кроме как улучшить участь бедных сынов народа. Я прошу не о денежных средствах, а всего лишь о месте, где я мог бы собирать ребят. Так я надеюсь уменьшить число нарушителей спокойствия, в том числе – тех, кто обитает в тюрьмах.

– Вы обманываете себя, мой добрый священник, Вы трудитесь впустую. Считая подобные собрания опасными, я не могу предоставить Вам какое-либо место. Где же Вы возьмёте средства на арендную плату и на расходы, понесённые из-за этих бродяг? Повторяю: я не могу дозволить подобных собраний.

– Но достигнутые результаты, господин маркиз, убеждают меня в том, что я тружусь не напрасно. Многие молодые люди, всеми отверженные,

собраны вместе, избавлены от опасностей, занялись ремеслом, и тюрьма больше не служит им домом. До сих пор мне хватало материальных средств, они в руках Божиих, а Он для достижения Своих высших замыслов порой использует презренные орудия.

– Имейте терпение, подчинитесь мне, я ни в коем случае не могу разрешить вам подобные сборища.

– Господин маркиз, дозвоьте не ради меня, а во благо множества отверженных молодых людей, которых иначе может ожидать печальный конец.

– Замолчите, я здесь не для диспутов. Это беспорядок, я хочу и обязан ему воспрепятствовать. Разве Вы не знаете, что любые собрания запрещены, если не дано законного разрешения на их проведение?

– Мои собрания не преследуют политической цели: я преподаю катехизис бедным юношам и занимаюсь этим с позволения архиепископа.

– Архиепископ осведомлён об этих делах?

– Полностью осведомлён, я никогда не предпринимал ни единого шага без его разрешения.

– Но я не могу дозволить этих собраний!

– Полагаю, господин маркиз, Вы не собираетесь запретить мне вести катехизацию с позволения моего архиепископа.

– А если бы архиепископ велел Вам прекратить Ваше смехотворное начинание, Вы бы не воспротивились бы запрету?

– Ни в малейшей степени. Я начал и до сих пор продолжаю с согласия моего священноначалия, и по его первому зову предоставлю себя в его распоряжение.

– Ступайте, я поговорю с архиепископом, но потом не противьтесь его распоряжениям, иначе Вы вынудите меня принять суровые меры, чего мне не хотелось бы.

Сведя разговор к этому, я думал, что хотя бы некоторое время меня оставят в покое. Но каково же было моё потрясение, когда, придя домой, я обнаружил письмо, в котором братья Филиппи изгоняли меня с арендованного участка!

– Ваши юноши, – было сказано мне, – постоянно вытаптывают наш луг, погубят траву на корню. Мы с удовольствием простим вам просроченную арендную плату, если в течение пятнадцати дней вы освободите наш луг. Большую отсрочку предоставить не можем.

Слухи о стольких трудностях распространились, многие друзья просили меня оставить бесполезное, по их словам, предприятие. Другие же,

видя меня в задумчивости и непременно в окружении ребят, начали говорить, что я сошёл с ума.

Однажды богослов Борель в присутствии священника Паккьотти Себастиано и прочих, заговорил со мной так: «Дабы не подвергнуться опасности потерять всё, следует спасти хоть что-нибудь. Отпустим всех нынешних ребят, оставим только человек двадцать самых маленьких. Пока будем учить их катехизису, Бог укажет нам путь и возможность сделать больше». Я им ответил: «Не следует ждать другой возможности, место уже подготовлено, там есть просторный двор, дом, где много ребят, колоннада, церковь, священники, клирики, всё в нашем распоряжении».

– Где же всё это? – прервал богослов Борель.

– Не могу сказать, где именно, но точно есть и именно для нас.

Тут богослов Борель разразился рыданиями: «Бедный Дон Боско, – воскликнул он, – Вы повредились умом». Он взял меня за руку, поцеловал и вышел с о. Паккьотти, оставив меня одного в моей комнате.

22. Расставание с Приютом – Ещё одно обвинение в сумасшествии

Множество слухов о Доне Боско начало беспокоить маркизу Бароло, тем более что туринский муниципалитет выступал против моих планов.

Итак, однажды, войдя ко мне в комнату, она обратилась ко мне с такими словами: «Я очень довольна Вашим попечением о моих учреждениях. Благодарю Вас: Вы много потрудились, чтобы ввести в них пение священных хвалебных песнопений, григорианский хорал, музыку, арифметику и даже изучение метрической системы».

– Не стоит благодарить меня: священники должны работать на совесть, Бог за всё воздаст, оставим разговоры об этом.

– Я хотела сказать, что весьма опечалена тем, что многочисленные занятия подорвали Ваше здоровье. Вы не можете продолжать руководить моими делами и одновременно заниматься отверженными ребятами, тем более теперь, когда их число выросло сверх всякой меры. Я предлагаю Вам исполнять только Ваши прямые обязанности, то есть руководить Больничкой и не ходить больше по тюрьмам, в Дом Коттоленго, оставить всякое попечение о молодых людях. Что скажете?

– Госпожа маркиза, до сих пор Бог помогал мне и не откажет в помощи. Не беспокойтесь о делах. Мы вместе с о. Паккьотти и богословом Борелем сделаем всё.

– Но я более не могу видеть, как Вы изводите себя. Столькие и к тому же разные обязанности волей-неволей вредят вашему здоровью и моим институтам. А слухи о Вашем душевном расстройстве и Ваше сопротивление местным властям вынуждают меня советовать Вам...

– Что именно, госпожа маркиза?

– Оставить либо работу с юношами, либо работу в Приюте. Подумайте и дайте мне ответ.

– Мой ответ уже обдуман. У Вас есть деньги, и Вы легко найдёте сколь угодно священников для Ваших учреждений. А у бедных ребят денег нет. Если сейчас я откажусь от них, всё пойдет прахом, поэтому я продолжу заниматься ими наравне с тем, что могу сделать для Приюта. Я отказываюсь от постоянного места и намерен посвятить себя попечению об отверженных юношах.

– Но на что Вы будете жить?

– Бог всегда мне помогал, поможет и в будущем.

– Но Вы подорвали здоровье, голова больше Вам не служит; Вы увязнете в долгах; придёте ко мне, но я заранее объявляю, что не дам ни единого сольдо на Ваших ребят. Поэтому примите мой материнский совет. Я продолжу платить Вам жалование; если угодно, увеличу его. Поезжайте куда-нибудь отдохнуть на год, на три, на пять лет, поправьте здоровье и возвращайтесь в Приют, Вас здесь всегда примут с радостью. В противном случае Вы налагаете на меня неприятную обязанность уволить Вас из моих учреждений. Подумайте об этом серьёзно.

– Госпожа маркиза, я уже об этом подумал. Моя жизнь посвящена благу молодёжи. Благодарю Вас за сделанные предложения, но я не могу свернуть с пути, указанного мне Божественным Провидением.

– То есть Вы предпочитаете своих бродяг моим институтам? Если так, то с этой минуты Вы уволены. Я сама сегодня же подыщу Вам замену.

Я указал ей на то, что столь поспешная отставка послужит основанием для предположений, порочащих и её, и меня: лучше действовать спокойно и сохранить между нами милосердную любовь, с какой обоим нам придётся отвечать на Суде Господнем.

– Хорошо, – заключила она, – даю Вам три месяца, и тогда передам руководство Больничкой другим людям.

Я принял отставку, доверившись тому, что Богу угодно уготовать мне.

Тем временем всё больше распространялись слухи о безумии Дона Боско. Друзья проявляли сострадание, прочие смеялись, но все держались от меня подальше. Архиепископ позволял продолжать, о. Кафассо советовал повременить, богослов Борель молчал. То есть все мои сотрудники оставили меня один на один с почти четырьмястами юношами.

В сложившихся обстоятельствах некоторые уважаемые люди хотели заняться моим здоровьем. «У этого Дона Боско, – говорил один из них, – навязчивые идеи, а это верная дорога к сумасшествию. Возможно, лечение пойдёт ему на пользу. Его нужно отправить в дом скорби, и там он получит надлежащую заботу, как того требует благоразумие».

Доставить меня на карете в дом скорби поручили двоим. Гонцы любезно меня приветствовали, расспросили о моём здоровье, об Оратории, о будущем здании и церкви, затем глубоко вздохнули и изрекли: «Да, всё верно». Затем они пригласили меня отправиться с ними на прогулку. «Свежий воздух пойдёт тебе на пользу; давай, у нас тут как раз карета, поедем вместе, и у нас будет время побеседовать». Тут я понял, какую игру они затеяли со мной и, не показывая этого, проводил их до кареты, настоял, чтобы они первыми заняли свои места; затем, вместо того чтобы сесть рядом с ними, поспешно захлопнул дверцу и велел кучеру: «Езжайте как можно быстрее в сумасшедший дом, там этих двух духовных особ заждались».

23. Переезд в Вальдокко, в нынешний Ораторий Св. Франциска Сальского

Тогда происходили эти события, наступило последнее воскресенье, когда мне было разрешено провести мероприятия Оратория на лугу (15 марта 1846 г.). Я обо всём молчал, но все знали о моих затруднениях и тревогах. Вечером того дня я смотрел на множество веселящихся ребят и думал о щедрой жатве, приутоплявшейся для священства – я трудился в одиночестве, обессиленный, подорвав здоровье, не зная, где в будущем смогу собирать моих ребят. Я был сильно взволнован.

Поэтому, уединившись, я пошёл прогуляться и, возможно, впервые чувствовал себя потрясённым до слез. Гуляя и поднимая глаза к небесам, я воскликнул: «Боже мой, почему Ты явно не укажешь мне место, где Тебе угодно, чтобы я собирал этих ребят? Укажи мне его или скажи, что мне следует сделать».

Я завершал эти излияния, когда ко мне подошёл некто по имени *Панкрацио Соаве* и, заикаясь, спросил: «Правда ли, что вы ищете место под лабораторию?»

– Не под лабораторию, а для Оратория.

– Не знаю, Ораторий или лаборатория, но место есть, приходите посмотреть. Оно принадлежит г-ну Джузеппе Пинарди, честному человеку. Пойдите и заключите хорошую сделку.

Как раз в эту минуту подошёл мой верный коллега по семинарии, о. Мерла Пьетро, основатель благочестивого дела, известного как *Семья Св. Петра*. Он ревностно занимался священным служением и положил начало своему институту, чтобы позаботиться о печальной судьбе старых дев и несчастных женщин – бывших заключённых: порядочное общество настолько нетерпимо к ним, что мало кому из них удаётся найти желающего предоставить им пропитание или работу. И когда у достойного священника выдавалась минута свободного времени, он с удовольствием прибегал на помощь к своему другу, остававшемуся чаще всего один на один со множеством молодых людей.

– Что случилось? – спросил он, только завидев меня. – Таким грустным я тебя ещё не видел. У тебя несчастье?

– Не несчастье, но большая неприятность. Сегодня – последний день, когда мне позволено находиться на этом лугу. Уже вечер, осталось два [часа] этого дня; я должен сказать моим детям, где они соберутся в следующее воскресенье, а я не знаю где. Встретил тут одного друга, он говорит, что есть место – возможно, подходящее. Пригляди минутку за ребятами; я схожу посмотреть и быстро вернусь.

Прибыв на указанное место, я увидел одноэтажный домишко, деревянная лестница и балкон изъедены червями. Вокруг – огороды, луга, поля. Я хотел подняться по лестнице, но Пинарди и Панкрацио удержали меня. «Нет, – сказали они. – Вам предназначено место за домом». Там оказался длинный навес, с одной стороны опиравшийся о стену, а с противоположной стороны высота над землей составляла один метр. При необходимости он мог послужить самым большим складом, например, для дров. При входе мне пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о крышу.

– Нет, мне не подходит, слишком низко, – сказал я.

– Я велю его переделать, как Вам угодно, – любезно ответил Пинарди, – я выкопаю яму, сделаю ступеньки, перестелю полы – уж очень я хочу, чтобы ваша лаборатория обосновалась тут.

– Не лаборатория, а Ораторий – маленькая церковь для встреч молодых людей.

– Тогда тем более. С радостью всё устрою. Заключим договор. К тому же я – певец, приду помочь Вам; принесу два стула, для меня и моей жены. Ещё у меня дома есть фонарь, я его тоже принесу.

Казалось, этот добропорядочный человек лишится чувств от того, что у него в доме появится церковь.

– Мой добрый друг, благодарю Вас за милосердие и добрую волю. Принимаю Ваше прекрасное предложение. Если можете опустить пол не менее, чем на фут (50 см), я согласен, но сколько Вы просите?

– Триста франков; мне хотят дать больше, но я выбираю Вас, ведь Вы хотите использовать это помещение для блага народа и религии.

– Я заплачу Вам триста двадцать франков, если Вы предоставите мне также окружающую полосу земли для досуга юношей и если Вы пообещаете мне, что я могу прийти сюда с моими ребятами уже в следующее воскресенье.

– Согласен, договорились. Приходите. Всё будет сделано.

Я больше не искал. Сразу же побежал к моим ребятам, собрал их вокруг себя и громко прокричал: «Мужайтесь, дети мои, теперь у нас есть постоянный Ораторий, не как раньше; у нас будет церковь, ризница, комнаты для занятий, место для досуга. В воскресенье, в воскресенье мы пойдём в новый Ораторий, при доме Пинарди». И указал им место.

Эти слова вызвали живое воодушевление. Кто-то бегал и прыгал от радости; кто-то стоял неподвижно; кто-то восклицал, а кто-то, скажем честно, кричал и визжал. Взволнованные, не зная, как выразить огромную радость, движимые глубокой благодарностью к Пресвятой Деве, которая приняла и исполнила молитвы, вознесённые нами утром того же дня в церкви в Мадонна ди Кампанья, мы в последний раз преклонили колени на лугу и прочитали Святой Розарий, а потом все разошлись по домам. Так мы простились с этим местом: в силу необходимости оно было приятно каждому, но теперь, надеясь получить что-то лучшее, мы покидали его без сожаления.

В следующее воскресенье, в торжество Пасхи, 12 апреля, мы, неся церковную утварь и необходимое для отдыха, отправились вступить во владение новым местом.

ТРЕТЬЯ ДЕКАДА – 1846-1855

1. Новая церковь

*Н*овая церковь была полным убожеством, однако мы её взяли внаём по официальному договору, и это освобождало нас от угрозы, что в любую минуту нам придётся скитаться с места на место, с немалыми неудобствами. Мне же казалось, что это церковь из моего сна, где было написано: *Haec est domus mea, inde gloria mea*⁷³, однако Небеса распорядились иначе. Немалую трудность создавал для нас дом, рядом с которым мы оказались: то был дом терпимости; отчасти проблемы доставлял «Постоялый двор садовницы», нынешний дом Беллецца⁷⁴, где собирались, особенно по выходным, весельчаки со всего города. Тем не менее мы смогли всё преодолеть и стали регулярно проводить наши встречи.

По окончании работ, 10 апреля архиепископ предоставил полномочие благословить скромное здание и освятить его для богослужений. Это состоялось в воскресенье 12 апреля 1846 года. Архиепископ же в знак своей приязни обновил полномочие, данное ещё во время нашего пребывания в Приюте, а именно: *петь Мессу, организовывать триденствия, новенны, духовные упражнения, готовить к Миропомазанию, Св. Причастию, – а также дал разрешение всем, кто посещает наш дом, исполнять тут пасхальное предписание*⁷⁵.

Постоянное местоположение, знаки одобрения от архиепископа, торжественные богослужения, музыка, шум из сада во время рекреации привлекали ребят отовсюду. Начали возвращаться многие духовные лица. Среди оказывавших помощь я хотел бы упомянуть о. Триверо Джузеппе, богослова Карпано Джачинто, богослова Дж. Волу, богослова Роберто Муриальдо и бесстрашного богослова Бореля.

Богослужения проводились так. В выходные дни рано утром открывали церковь и начинали Исповеди, продолжавшиеся до часа Мессы. Месса же была назначена на восемь часов, однако, ради удовлетворения просьб множества желавших исповедаться, нередко переносилась на девять часов

⁷³ Здесь мой дом, отсюда моя слава. В гл. 15 второй декады написано: *Hic domus mea, inde gloria mea.*

⁷⁴ *Постоялый двор садовницы* – таверна в доме Терезы Катерины Ново, вдовы Беллецца, в нескольких метрах от дома Пинарди. Здесь по выходным собирались пьяницы, солдаты, извозчики и чернорабочие, привлечённые женщинами лёгкого поведения.

⁷⁵ Каждый католик обязан исповедоваться и причащаться хотя бы один раз в год – в Пасхальное время.

и позже. Священники, если таковые присутствовали, помогали мне и по очереди вслух читали молитвы. Во время Мессы те, кто подготовился, приступали к Св. Причастию. По окончании Мессы, сняв облачения, я вставал на невысокий амвон для толкования Евангелия; впоследствии это толкование переросло в регулярный пересказ Священной Истории. Подобные рассказы в простой и доходчивой форме, с описанием обычаев тех времен и местностей, с географическими названиями и их сравнением, очень нравились малышам, взрослым и даже присутствовавшим духовным лицам. За проповедью следовала школа и продолжалась до полудня.

В час пополудни начиналась рекреация с игрой в шары, ходулями, деревянными ружьями и мечами, с первыми гимнастическими снарядами. В половине третьего начиналась катехизация. Общее невежество было чудовищным. Неоднократно мне доводилось начать пение *Ave Maria*, а из примерно четырёхсот собравшихся ребят ни один не мог ни подхватить, ни продолжить, если мой голос умолкал.

По окончании катехизации, поскольку тогда мы не могли петь вечером, то читали Розарий. Позже начали петь *Ave Maris Stella*, затем – *Magnificat*, ещё позже – *Dixit* и остальные псалмы и, наконец, антифон; за год мы научились петь всё последование вечерни о Пресвятой Богородице⁷⁶.

После этих практик следовала краткая проповедь: чаще всего я приводил пример какого-нибудь греха или добродетели. Всё завершалось пением литаний и благословением Пресвятыми Дарами.

По выходе из церкви начиналось свободное время, которое любой мог употребить по своему усмотрению. Кто-то продолжал заниматься катехизисом, кто-то – пением или чтением, однако большинство начинали прыгать, бегать, развлекать себя всяческими играми и забавами. За дисциплиной прыгавших, бегавших, игравших в напёрстки, со скакалкой, с палками, следил я лично, поскольку сам когда-то научился у акробатов. Тем самым мне удавалось держать под контролем множество ребят, а о большинстве из них можно было сказать: *Sicut equus et mulus, quibus non est intellectus*⁷⁷.

Кроме того, должен отметить, что, при огромном их невежестве, меня всегда изумляло их безграничное уважение к церковным делам, к священнослужителям и немалая увлечённость изучением вопросов религии.

⁷⁶ *Ave Maris Stella* – зачин гимна вечерни о Пресвятой Деве; *Magnificat* – первое слово Песни Богородицы из Лк 1, 46-55, поётся в конце вечерни. *Dixit* – зачин 109 псалма, первого из пяти псалмов древнего последования вечерни о Богородице.

⁷⁷ *Как конь, как лошак несмысленный*. На полях рукописи переписчик отмечает: Тов 6, 17 и Пс 31, 9.

Более того, я пользовался этим безудержным времяпрепровождением для внушения моим ученикам мыслей о религии и о необходимости приступать к святым таинствам. Шёпотом на ушко я одним советовал быть послушнее и тщательнее выполнять обязанности, налагаемые их положением; другим – посещать катехизацию, ходить на Исповедь и тому подобное. То есть эти забавы служили мне сподручным средством позаботиться о том, чтобы немало ребят по доброй воле пришло на Исповедь вечером в субботу или утром в воскресенье.

Иногда я сам отрывал кого-нибудь от забав и препровождал к Исповеди, если видел, что тот неохотно исполняет важные обязанности. Расскажу об одном из многих случаев. Один юноша несколько раз получал приглашение совершить Пасху⁷⁸, каждое воскресенье обещал прийти, но не сдерживал слова. Как-то в выходной день после богослужения он принялся весьма живо развлекаться. Пока он туда-сюда прыгал и бегал, весь взмокший от пота, покрасневшись настолько, что было уже неясно – с этого он или с того света, я торопливо попросил его пойти со мной в ризницу и помочь мне исполнить одно дело. Он хотел бежать, как есть, в одной рубашке; «Нет, – сказал я, – надень куртку и приходи». Зайдя в ризницу, я провёл его на хоры и там велел: «Встань на колени на этот генуффлекторий». Он послушался, но хотел переставить генуффлекторий.

– Нет, – сказал я, – оставь всё как есть.

– Что же вам угодно от меня?

– Исповеди.

– Но я не готов.

– Я знаю.

– Так что же?

– Так что подготовься и исповедуйся.

– Славно, отлично! – воскликнул он. – Мне очень было нужно, очень-очень; хорошо, что вы меня так привели сюда, иначе из страха перед товарищами я бы ещё долго не пришёл на Исповедь.

Пока я прочёл часть Бревиария, он немного подготовился, затем весьма неплохо исповедался с благоговейным благодарением. С тех пор он оставался одним из наиболее усердных в исполнении религиозных обязанностей. Он часто рассказывал о произошедшем своим товарищам, завершая так: «Дон Боско использовал прекрасную стратегию, чтобы заманить дрозда в клетку».

⁷⁸ Совершить Пасху – выражение, использовавшееся для обозначения исполнения церковной заповеди исповедоваться и причащаться хотя бы один раз в год, в Пасхальное время.

Когда начинало темнеть, по звуку колокола все собирались в церкви, где читали краткую молитву либо Розарий и *Angelus*⁷⁹, и день завершался пением *Да пребудет в прославлении*⁸⁰ и т.п.

Выйдя из церкви, я вставал в их ряды, провожал их, а они тем временем пели и кричали. Поднявшись к Рондó, мы исполняли ещё несколько куплетов из какого-нибудь духовного песнопения, затем я приглашал их прийти в следующее воскресенье, и, желая друг другу громким голосом доброго вечера, все расходились по своим делам.

Возвращение из Оратория было неповторимой сценой. Выйдя из церкви, каждый тысячу раз желал другим приятного вечера, словно не мог оторваться от собрания товарищей. Я без конца говорил: «Ступайте домой, наступает ночь, родные вас заждались». Бесполезно. Нужно было позволить им собраться; шесть самых крепких парней, соединив руки, сооружали что-то типа носилок, на которые мне поневоле приходилось взойти, словно на трон. Затем, выстроившись в несколько рядов, неся Дона Боско на руках, так что тот оказывался выше самых долговязых, они с песнями, смехом и криками продолжали путь до круглой площади, повсеместно называемой Рондó. Там снова пели хвалы, а в завершение – торжественную песнь *Да пребудет в прославлении*. После наступала глубокая тишина, и тогда я мог пожелать всем приятного вечера и хорошей недели. Все как можно громче кричали в ответ: *добрый вечер*. В эту минуту меня спускали с «трона»; каждый возвращался в лоно семьи, а несколько старших ребят провожали меня домой, полумёртвого от усталости.

2. И снова Кавур – Коллегия правосудия – Агенты в штатском

Не взирая на порядок, дисциплину и спокойствие нашего Оратория, маркиз Кавур, викарий города, намеревался положить конец нашим собраниям, считая их опасными. Узнав, что я с согласия архиепископа всё это время продолжал встречи, он созвал так называемую Коллегию правосудия в епископском дворце, так как прелату тогда сильно нездоровилось.

Коллегия правосудия объединяла несколько делегатов из числа главных городских советников, в чьих руках была сосредоточена вся власть

⁷⁹ *Angelus* – молитва Ангел Господень.

⁸⁰ *Да пребудет в прославлении* – начало народной молитвы, читавшейся или певшейся после каждого десятка молитв Розария: «*Да пребудет в прославлении всегда пресвятое имя Иисуса, Иосифа и Марии*».

гражданского управления. Глава Коллегии правосудия, называвшийся Старшим судьёй (им мог быть первый декурион или даже викарий города) был влиятельнее мэра.

– Увидев, как все эти магнаты собираются в зале, – позже рассказывал архиепископ, – я подумал, что начинается Страшный Суд. Много высказывали доводов за и против, но в конце концов решили, что следует полностью запретить и расформировать собрания, поскольку они угрожают общественному спокойствию.

Членом Коллегии правосудия был граф Джузеппе Прована ди Колленьо, наш выдающийся благодетель, в то время – министр Всеобщего наблюдения, то есть министр финансов короля Карла Альберта. Он неоднократно оказывал мне вспомоществование, и из собственных средств, и от имени монарха. Наш монарх с большим удовольствием слушал разговоры об Оратории, а когда проходили торжества, всегда охотно читал доставленное ему от меня письменное донесение либо выслушивал устный рассказ сиятельного графа. Много раз он мне передавал, что очень уважает это направление священного служения, сравнивает его с работой заграничных миссий и горячо желает, чтобы во всех городах и посёлках его государства начали действовать подобные учреждения. В Новый год он обыкновенно отправлял мне вспомоществование в размере 300 лир, со словами: «Для сорванцов Дона Боско».

Узнав, что Коллегия правосудия угрожает распустить наши собрания, он дал сиятельному графу поручение огласить его волю в следующих словах: «Мне угодно, чтобы собраниям выходного дня оказывалась поддержка и защита; если очевидна угроза беспорядков, то следует изыскать способ предотвратить их и воспрепятствовать им».

Граф Колленьо хранил молчание во время бурного обсуждения, но, увидев, что уже перешли к составлению приказа об упразднении и окончательном роспуске, поднялся, попросил слова, огласил волю монарха и оповестил, что король намерен взять под защиту наш скромный дом.

При этих словах умолк викарий, умолкла и Коллегия правосудия. Викарий поспешил вновь послать за мной, говорил по-прежнему угрожающим тоном и называл меня упрямым, а завершил речь следующими благосклонными словами: «Я никому не желаю зла. Вы работаете с добрыми намерениями, но дело это опасное. Поскольку я обязан заботиться об общественном спокойствии, я распоряжусь установить наблюдение за Вами и Вашими собраниями. Если Вы хоть малейшим образом ском-

прометируете себя, я немедленно прикажу разогнать Ваших мальчишек, а Вы отчитаетесь передо мной на будущее».

То ли из-за пережитых волнений, то ли из-за уже изводившего его недуга, но факт остаётся фактом: в тот день викарий Кавур был во дворце муниципалитета в последний раз. Он очень страдал от подагры и спустя несколько месяцев сошёл в могилу.

Однако в оставшиеся ему полгода жизни он ежевоскресно отправлял к нам на целый день нескольких соглядатаев или агентов в штатском для наблюдения за всем, что говорилось или совершалось в церкви и вне церкви.

– Ну, – сказал маркиз Кавур одному из агентов, – что Вы видели и слышали среди этого сброда?

– Господин маркиз, мы видели, как множество ребят развлекаются всяческими способами. Мы слышали в церкви проповеди, внушающие страх. Столько нам рассказали об аде и бесах, что мне захотелось пойти исповедаться.

– А о политике?

– О политике совсем не говорили – эти ребята ничего бы не поняли. Думаю, они хорошо бы могли обсудить тему хлеба, тут любой из них отличился бы.

После смерти Кавура более никто из муниципалитета не доставлял нам неудобств; более того, при всяком удобном случае туринский муниципалитет выказывал нам благосклонность, вплоть до 1877 года.

3. Воскресные школы – Вечерние школы

Ещё в храме Св. Франциска Ассизского я убедился, что ребят необходимо обучать. Некоторые из них, уже взрослые, были совершенно несведущи в истинах веры. Чисто словесное наставление показалось бы им длинным и большей частью им бы наскучило, поэтому они, скорее всего, перестали бы приходить. Я пробовал было устроить уроки, но не смог из-за отсутствия помещений и подходящих учителей, которые бы пожелали нам помочь. В Приюте, а затем в доме о. Моретты начались постоянные занятия в воскресной школе; когда же мы пришли в Вальдокко, то открылась и регулярная вечерняя школа. Для достижения хороших результатов каждый раз мы брали только одно направление. Например, одно или два воскресенья проходили и повторяли азбуку и чтение по слогам, после чего сразу же брались за малый катехизис, и я просил их читать

по слогам, пока не смогут прочесть один-два первых вопроса из катехизиса, и таково было их домашнее задание на неделю. В следующее воскресенье повторяли тот же предмет, добавляя другие вопросы и ответы. Тем самым за восемь выходных дней я смог добиться того, что некоторые начали читать и самостоятельно изучать целые страницы катехизиса. Это позволяло существенно сэкономить время, иначе самым старшим приходилось годами осваивать катехизис, прежде чем в достаточной степени подготовиться хотя бы к Исповеди.

Опыт воскресных школ оказался полезным для многих, но этого не хватало: у некоторых ум был настолько неповоротлив, что они забывали всё выученное в прошлое воскресенье. Тогда я ввёл вечерние занятия: мы начали их в Приюте, в доме о. Моретты уроки стали регулярнее, и положение улучшилось, когда мы получили постоянное помещение в Вальдокко.

Вечерняя школа имела двоякий положительный результат: она побуждала ребят приходиться для занятий чтением, в чём они ощущали сильную потребность, и в то же время предоставляла хорошую возможность для наставления их в религии, что и было целью наших усилий.

Но откуда взять столько учителей, если почти ежедневно нам приходилось создавать новые классы?

Чтобы восполнить нехватку, я стал заниматься с некоторым числом молодых людей из города. Я бесплатно преподавал им итальянский, латинский, французский языки, арифметику, но при условии, что они будут помогать мне в преподавании катехизиса и в воскресной и вечерней школе. Поначалу этих юных наставников было восемь или десять человек, но их число продолжало расти, и так выделилась категория студентов⁸¹.

Когда я находился ещё в Общежитии Св. Франциска Ассизского, среди моих учеников был Джованни Кориаско, теперь – искусный плотник, Верньяно Феличе, теперь – продавец расходных материалов, Дельфино Паоло – он стал преподавателем на технических курсах. В Приюте у меня занимался Меланотте Антонио, теперь – аптекарь, Меланотте Джованни, кондитер, Ферреро Феличе, маклер; Ферреро Пьетро, композитор, Пьола Джованни, столяр, хозяин мастерской. К ним присоединились Джента Луиджи, Монья Витторио и прочие, кто, к сожалению, занимался нерегу-

⁸¹ Начиная с пятидесятых годов, в «соседнем доме» с Ораторием начали действовать гимназические школы и ремесленные мастерские. Посещавших первую форму занятий называли «студентами», а тех, кто ходил в мастерские – «ремесленниками».

лярно. Мне пришлось потратить много времени и много денег, и обычно в минуту нужды большинство из них меня покидало.

К ним прибавились другие благочестивые господа Турина. Постоянными были г-н Гальярди Джузеппе, продавец безделушек, Фино Джуз[еппе], того же рода занятий; Ритнер Витторио, ювелир, и другие. Священники мне помогали главным образом в служении Св. Мессы, в проповеди и на занятиях катехизисом с самыми старшими.

Большую трудность представляли книги: когда мы дочитали малый катехизис, я не знал, какую книгу для чтения им предложить. Я изучил все краткие издания Священной истории, по каким мы обыкновенно занимаемся в школах, но не смог найти ни одного подходящего в моём случае. Недоступное изложение, неудачно подобранные события, длинные или несвоевременные вопросы – таковы общие недостатки. К тому же многие факты так были изложены, что угрожали нравственности молодых людей. Наконец, авторы всех этих книг мало заботились о выделении пунктов, которые должны служить основанием истин веры. То же самое следует сказать о фактах, касающихся внешнего культа, чистилища, Исповеди, Евхаристии и тому подобного.

Для принятия мер в этом разделе образования, чего, безусловно, требовала эпоха, я намеренно занялся составлением Священной истории, которая бы не только представляла собой лёгкое чтение в доступном стиле, но и была бы свободна от перечисленных недостатков. Именно эта причина побудила меня написать и напечатать так называемую *Священную историю для применения в школах*. Я не мог гарантировать, что выйдет эlegantный труд, но работал с добрым намерением быть полезным юношеству.

Позанимавшись несколько месяцев, мы держали открытое испытание по изученному на уроках выходного дня; учеников экзаменовали по всей Священной истории, включая соответствующую географию, со всеми сопутствующими вопросами. Зрителями были знаменитый аббат Апорти, Бонкомпаньи, богослов Пьетро Барикко, профессор Джуз[еппе] Райнери, и все аплодировали эксперименту.

Воодушевлённые успехами, достигнутыми в воскресной и вечерней школах, к чтению и письму мы добавили класс арифметики и рисования. В наших краях подобные занятия проводились впервые. Повсеместно их обсуждали, как великую новость. Многие профессора и прочие выдающиеся деятели часто приходили посетить нас. Сам муниципалитет

во главе с командором Джуз[еппе] Дюпре направил особую комиссию, уполномоченную проверить, реальны ли воспеваемые результаты вечерней школы. Итак, они сами проверяли произношение, счёт, выслушивали декламацию и не могли объяснить, [как] люди, совершенно не образованные до 18 и даже 20 лет, могли за несколько [месяцев] так далеко продвинуться в воспитании и образовании. Видя, что немалое число взрослых юношей собралось вечером в ожидании урока, вместо того чтобы шататься по улицам, эти господа покинули нас полными воодушевления. После отчёта, представленного в полном собрании муниципалитета, нам пожаловали годовую премию в триста франков; мы получали её вплоть до 1878 года, когда – мне так и не удалось узнать, по какой причине, – нас лишили пособия и передали его другому институту.

Кавалер Гонелла, чьё рвение и милосердие оставили о нём в Турине славную и неувядаемую память, в то время возглавлял дело *Просвещения бедности*. Он также неоднократно приходил встретиться с нами и год спустя (в 1847 году) ввёл точно такую же школу, точно такие же методы во вверенном ему учреждении. Однако управляющие учреждением, узнав обо всём, единодушно постановили выдать нашим школам вознаграждение в тысячу франков. Им последовал муниципалитет, и за несколько лет вечерние школы появились в главных городах Пьемонта.

Появилась иная потребность: в благочестивой книге, приспособленной к требованиям времени. Бесчисленное множество таких изданий, написанных искусным пером, ходят повсеместно из рук в руки. Однако подобные книги, как правило, составлены для образованных людей, взрослых, причём большей частью годятся и католикам, и евреям, и протестантам. Видя, как коварная ересь распространяется день ото дня, я позаботился составить книгу, пригодную для юношества, подходящую к их религиозным идеям, основанную на Библии, излагающую основы католической веры как можно более кратко и чётко. Речь идёт об издании *Подготовленный юноша*⁸².

Нечто подобное мне было необходимо для преподавания арифметики и метрической системы. Правда, что использование метрической системы не было обязательным до 1850 года, но её начали вводить в школах в 1846 году. Хотя в программу она была включена официально, учебники совершенно отсутствовали. Это упущение я восполнил книжечкой, озаглавленной: *Упрощённая десятичная метрическая система*, и т.д.

⁸² Молитвенник для молодёжи.

4. **Болезнь – Исцеление – Готовящаяся обитель в Вальдокко**

У меня было много обязанностей в тюрьмах, в больнице Коттоленго, в Приюте, в Оратории и в школах, поэтому заниматься составлением книжечек, крайне мне необходимых, приходилось по ночам. По этой причине моё здоровье, само по себе слабое, ухудшилось настолько, что врачи советовали мне отказаться от всех обязанностей. Богослов Борель, очень любивший меня, ради моего блага отправил меня погостить некоторое время у настоятеля в Сасси. Я отдыхал на неделе, а в воскресенье отправлялся трудиться в Ораторий. Но это было ещё не всё. Юноши толпами приходили навестить меня, к ним присоединились местные ребята. То есть меня беспокоили ещё больше, чем в Турине, а я сам доставлял огромное беспокойство моим маленьким друзьям.

В Сасси едва ли не ежедневно прибегали не только те, кто посещал Ораторий, но и ученики Братьев Христианских школ. Произошёл, например, такой случай. Для учеников школ Св. Варвары монашествующие названной конгрегации проводили духовные упражнения. Поскольку многие ребята обычно исповедовались мне, по окончании упражнений они отрядом двинулись искать меня в Оратории, а не найдя меня там, отправились в Сасси, что в четырёх километрах от Турина. Погода была дождливая; они, не зная дороги, бродили по лугам, полям и виноградникам в поисках Дона Боско. Наконец они туда добрались, было их примерно четыреста: все ослаблены дорогой и голодом, вспотевшие, забрызганные, вернее, покрытые грязью – и просили принять у них Исповедь. «Мы, – говорили они, – закончили упражнения, хотим стать хорошими, все хотим приступить к Исповеди за всю жизнь, с позволения наших наставников пришли сюда». Им было велено немедленно возвращаться в коллегию для успокоения встревоженных наставников и родственников, но они решительно утверждали, что хотят исповедаться.

Мы – местный учитель, настоятель, викарий и я – исповедали, скольких смогли; но тут требовалось, по крайней мере, полтора десятка исповедников.

Да и как утолить или, лучше сказать, успокоить аппетит такого множества? Тогдашний добрый настоятель, ныне богослов Аббондиоли, отдал путникам всё, что было у него из съестного: хлеб, поленту, фасоль, рис, картофель, сыр, фрукты – всё розданное пошло в дело.

Как же были растеряны проповедники, наставники, приглашённые гости, когда пришли на закрытие упражнений, на Мессу с общим причащением и не обнаружили в коллегии ни одного ученика! Вышло полное замешательство, и были предприняты действенные меры для того, чтобы подобное больше не повторилось.

Вернувшись домой, я в измождении слёг. Болезнь оказалась бронхитом, ему сопутствовали кашель и весьма острое воспаление. Восемь дней я был между жизнью и смертью. Я получил Святое Напутствие, Елеопомазание. Мне казалось, что в ту минуту я был готов к смерти; мне было жаль покидать моих ребят, но я был доволен, что дни мои сочтены после того, как Ораторий твёрдо стал на ноги.

Новость о том, что я тяжело болен, вызвала всеобщее живейшее сожаление, и это ещё слабо сказано. Ежеминутно толпы плачущих ребят стучали в дверь и спрашивали о моём недуге. Чем больше распространялись вести, тем больше мною интересовались. Я слышал их беседы со слугой и умилялся. Впоследствии я узнал, на что подвигала ребят любовь ко мне. Они добровольно молились, постились, посещали Мессы, причащались. По очереди проводили дни и ночи в молитве перед образом Девы Марии – Утешительницы. Поутру специально зажигали свечи, и всегда до позднего вечера многие молились и умоляли всемилостивую Богоматерь сохранить их бедного Дона Боско.

Многие дали обет ежедневно полностью прочитывать Розарий в течение месяца, другие обязались на год, а кое-кто – на всю жизнь. Не было недостатка и в тех, кто обещал поститься на хлебе и воде месяцами, годами и даже всю жизнь. Мне известно, что многие подмастерья-каменщики неделями питались хлебом и водой, причем с утра до вечера не замедляли своих тяжёлых трудов. Более того, как только у них появлялось немного свободного времени, они поспешно отправлялись провести его перед Пресвятыми Дарами.

Бог им внял. Наступил вечер субботы, и думали, что та ночь окажется последней в моей жизни; так говорили врачи, собравшиеся на консилиум; я тоже был в этом убежден, чувствуя себя совершенно обессиленным постоянными кровопотерями. Поздней ночью я почувствовал, что меня клонит в сон. Заснул, а по пробуждении мне уже ничто не угрожало. Осматривая меня утром, доктор Ботта и доктор Кафассо сказали, что за полученную милость мне следует отправиться поблагодарить Богоматерь Утешения.

Мои ребята не могли поверить, пока не увидят меня, а увидели они меня и вправду вскоре: опираясь на трость, я отправился в Ораторий; легко представить, но не описать, как все были растроганы. Спели *Te Deum*. Тысяча восклицаний, непередаваемое воодушевление.

Одной из первых моих забот стала замена на что-то исполнимое обетов и обещаний, принесённых многими без должного размышления, когда моей жизни угрожала опасность.

Болезнь пришлась на начало июля 1846 года, именно тогда я должен был покинуть Приют и куда-нибудь переехать.

Я отправился к семье, домой в Мориальдо, на несколько месяцев поправить здоровье. Я бы продлил своё пребывание в родных местах, однако отряды ребят начали навещать меня, поэтому я более не мог наслаждаться ни отдыхом, ни спокойствием. Все мне советовали хотя бы несколько лет провести не в Турине, а в малоизвестной местности, чтобы попытаться восстановить прежнее здоровье. Это мнение разделяли о. Кафассо и архиепископ. Но такая перспектива слишком сильно меня огорчила, поэтому мне было позволено вернуться в Ораторий при условии, что два года я не буду ни принимать Исповедей, ни читать проповедей. Я не подчинился. Вернувшись в Ораторий, я начал трудиться, как прежде, и за 27 лет мне ни разу не потребовались ни врач, ни лекарства. Это убедило меня в том, что отнюдь не работа наносит ущерб телесному здоровью.

5. Постоянная обитель в Оратории в Вальдокко

После нескольких месяцев в семье я поправился, и мне казалось, что я могу вернуться к моим возлюбленным сынам, многие из которых ежедневно приходили проведать меня или писали мне письма, побуждая вернуться как можно скорее. Но где поселиться, ведь меня уволили из Приюта? Какими средствами поддержать дело, день ото дня становившееся более трудоёмким и затратным? На что буду жить я сам и необходимые мне люди?

В то время в доме Пинарди освободились две комнаты, и они были сняты под жильё для меня и моей матери.

«Мама, – сказал я ей однажды, – я должен поселиться в Вальдокко, но из-за людей, занимающих там дом, не могу никого взять к себе, кроме Вас». Она поняла силу моих слов и сразу же ответила: «Если тебе кажется, что это угодно Господу, я готова отправиться сейчас же». Моя мать приносила

огромную жертву: ведь в семье, пусть и не зажиточной, всем распоряжалась она, все её любили, для малышей и взрослых она была царицей.

Мы собрали наинужнейшие вещи, и вместе с хранившимися в Приюте они были отправлены на новое место жительства. Мать собрала корзину с бельём и прочим необходимым добром; я взял Бrevиарий, Миссал с несколькими [книгами] и самыми нужными тетрадами. Вот и всё наше состояние. Мы пешком отправились из Бекки в Турин. Сделали краткую остановку в Кьери и вечером 3 ноября 1846 года прибыли в Вальдокко.

При виде совершенно пустых комнат моя мать, шутя, сказала: «Дома мне много приходилось думать об управлении и раздаче приказов, а здесь гораздо спокойнее: нечем распоряжаться и некем командовать».

Но на что жить, что есть, как платить за аренду и обеспечивать множество ребят, ежеминутно просивших дать им хлеб, носки, платье либо рубаху, без чего они не могут пойти на работу? Мы распорядились привезти из дома немного вина, кукурузы, фасоли, зерна и тому подобного. Для оплаты первых расходов продали несколько участков поля и виноградник. Мать велела доставить своё приданое, которое до сих пор ревностно сохраняла в целостности. Некоторые из её платьев пошли на пошив орнаментов, из белья были сделаны амикты, пурификаторы, рошеты, альбы и алтарные покровы. Всё прошло через руки госпожи Маргериты Гастальди, с тех пор принимавшей участие в нуждах Оратории.

У матери было несколько колец и тонкая золотая цепочка, она сразу продала их, чтобы приобрести галуны и отделку для священных облачений. Как-то вечером она, всегда сохранявшая хорошее настроение, смеясь, мне пропела: *«Беда, если мир узнает: мы чужаки, и без всего...»*

Кое-как обустроив домашние дела, я снял ещё одну комнату, предназначенную для ризницы. Не имея помещения для занятий, некоторое время я был вынужден проводить их на кухне или у себя в комнате, но ученики, отъявленные сорванцы, либо всё ломали, либо переворачивали вверх дном. Некоторые уроки мы начали устраивать в ризнице, на хорах, в разных уголках церкви; однако голоса, пение, хождения взад и вперёд одних ребят мешали заниматься другим. Через несколько месяцев нам удалось снять ещё две комнаты и, следовательно, лучше организовать наши вечерние занятия. Как сказано выше, зимой 1846-7⁸³ наши школы

⁸³ Примечание Дона Боско на манускрипте Берто: «Напомним, что первыми вечерними школами в Турине были те, что открылись в ноябре 1845 года в доме о. Моретты. Принять в трёх комнатах или классах было возможно не более 200 учеников. Были достигнуты хорошие результаты, и это побудило нас возобновить занятия в следующем году, как только появилось постоянное помеще-

добились превосходных результатов. В среднем каждый вечер у нас было триста учеников. Кроме уроков, школу оживляли григорианский хорал и вокальная музыка – в них мы упражнялись во всякое время.

6. Правила для Ораториев – Товарищество и праздник Св. Алоизия – Визит монсеньора Франсоны

У так, обустроив постоянную обитель в Вальдокко, я все старания направил на то, что могло содействовать сохранению единого духа, дисциплины и помочь в управлении.

Прежде всего, я составил правила, где в простой форме описал занятия в Оратории и тот единый образ, каким надлежит их устраивать. Правила напечатаны отдельно, и любой может прочитать их, если пожелает. Польза от этого маленького сборника правил оказалась весьма значительной: всякий знал, что ему делать, а поскольку я имел обыкновение возлагать на каждого ответственность за его обязанности, то все приложили усилия к ознакомлению со своей ролью и к её исполнению. Многие епископы и настоятели приходо́в спрашивали об этих правилах, изучали их и старались вводить Оратории в посёлках и городах своих епархий.

Когда заложены были единые основы для дисциплины и управления Ораторием, появилась необходимость ввести какие-нибудь постоянные и единообразные практики благочестия. Это было сделано с учреждением Товарищества Св. Алоизия. Составив правила в рамках, как мне казалось, наиболее приспособленных для юношества, я представил их архиепископу, тот прочёл, а потом передал другим для изучения и оценки. Наконец, он их похвалил, одобрил и предоставил особые индульгенции в день [12 апреля 1847 года]. Эти правила можно прочесть отдельно.

Товарищество Св. Алоизия вызвало у наших ребят огромное воодушевление, все хотели записаться. Для этого были необходимы два условия: служить хорошим примером в церкви и вне церкви; избегать дурных разговоров и приступать к святым таинствам. Поэтому мы стали свидетелями весьма значительного улучшения нравов.

ние в Вальдокко. Среди тех, кто помогал в вечерних школах и готовил ребят к декламации, диалогам и театральным постановкам, следует вспомнить профессора богослова Кьявеса, о. Муссо и богослова Джачинто Карпано».

Далее, чтобы воодушевить всех юношей совершать шесть воскресений Св. Алоизия⁸⁴, была приобретена статуя святого, заказана хоругвь и ребятам предоставлялась возможность приходить на Исповедь в любое время дня, вечера или ночи. Поскольку почти никто из них не получил Миропомазания, то их готовили принять его в праздник Св. Алоизия. Желających было огромное число, однако с помощью некоторых духовных лиц и господ-мирян⁸⁵ они смогли подготовиться, и ко дню праздника святого всё было в порядке.

Впервые в Оратории совершались такие обряды, и впервые нам нанёс визит архиепископ.

Перед маленькой церквушкой соорудили навес, под которым и принимали архиепископа. Я сказал слово, соответствующее случаю; затем несколько ребят представили короткую комедию под названием *Капрал Наполеона*. Её сюжет был очень прост: карикатурный капрал, выражая изумление в связи с нашим торжеством, сыпал прибаутками. Постановка вызвала безудержный смех и послужила приятным досугом для прелата: тот говорил, что никогда в жизни так не смеялся. Он соблаговолил ко всем обратиться, выражая большое удовлетворение нашей институцией; похвалил и ободрил продолжать, поблагодарил за оказанный ему сердечный приём.

Он отслужил Св. Мессу и преподал Св. Причастие более чем трёмстам юношей, затем совершил Св. Миропомазание.

Именно тогда архиепископ, во время водружения митры на голову, не учёл, что находится не в соборе, поспешно поднял голову, и митра ударила о потолок церкви. Это развеселило его и всех присутствующих. Архиепископ весьма часто и с удовольствием рассказывал об этом случае, вспоминая наши собрания, которые аббат Росмини сравнил с происходящим в странах и церквях зарубежных миссий.

Стоит отметить, что ассистировать архиепископу в священных обрядах пришли два каноника митрополии и множество других духов-

⁸⁴ Благочестивая практика *шести воскресений в честь Св. Алоизия Гонзаги* родилась в коллегиях иезуитов для поощрения молодых людей в подражании добродетелям святого. Она предполагала краткое чтение, затем – усиленную молитву, практическое обязательство и молитву о заступничестве. В 1846 году Дон Боско опубликовал адаптированный вариант для участников Оратория (*Шесть воскресений и новенна в честь Св. Алоизия Гонзаги с кратким жизнеописанием святого*, Турин, Типография Спейрани и Ферреро, 1846), в следующем году он включит её в сборник *Подготовленный юноша* (изд. 1847, 55-75).

⁸⁵ Примечание Дона Боско на манускрипте Берто: «Среди тех, кто с удовольствием записался в Товарищество Св. Алоизия, следует назвать аббата Антонио Росмини, каноника-архипресвитера Пьетро Де Гауденци (ныне епископ Виджевано), Камилло и Густаво Кавуров, кардинала Антонуччи, архиепископа Анконы, Его Святейшество Пия IX, кардинала Антонелли и многих других».

ных лиц. По окончании богослужения на каждого миропомазанного заполнили карточку, где указали, кто преподал таинство, имя и фамилию восприемника, место и дату; затем собрали эти карточки, распределили по приходам и отправили в церковную курию для передачи настоятелям соответствующих приходов.

7. Начатки приюта – Приём первых мальчиков

Пока изыскивались средства для содействия религиозному образованию и грамотности, появилась ещё одна весьма немалая потребность, требовавшая срочных мер. Многие туринские и пришлые ребята [были] исполнены доброго намерения вести нравственную и трудолюбивую жизнь; но когда их призывали начать её, обычно отвечали, [что] у них нет ни хлеба, ни одежды, ни пристанища, где можно было бы хоть немного отдохнуть. Чтобы приютить хотя бы некоторых, кто вечером не знал, куда пойти, я приготовил сеновал, где мальчики могли переночевать на охапке соломы. Но одни постоянно уносили с собой простыни, другие – одеяла; наконец, была утащена и продана даже солома.

И вот, дождливым майским вечером [1847 года], поздно, появился юноша лет пятнадцати, насквозь промокший. Он просил хлеба и пристанища. Моя мать приняла его на кухне, посадила к огню и, пока он грелся и сушил одежду, дала подкрепиться супом и хлебом.

Тем временем я расспросил его, ходил ли он в школу, есть ли у него родственники, каким ремеслом он занимается. Он мне ответил: «Я бедный сирота, пришел из Валле ди Сезия в поисках работы. У меня было с собой три франка, я их потратил прежде, чем смог заработать другие, больше у меня ничего нет, и я никому не нужен».

– Ты уже допущен к Св. Причастию?

– Нет, пока не допущен.

– А Миропомазание принял?

– Пока нет.

– А исповедовался?

– Несколько раз.

– Куда теперь хочешь пойти?

– Не знаю, прошу о милости провести ночь где-нибудь в углу этого дома. Сказав это, он заплакал; моя мать плакала вместе с ним, я был растроган.

– Если бы я знал, что ты не воришка, то постарался бы пристроить тебя, но другие уже унесли у меня одеяла, а ты стащишь ещё одно.

– Нет, господин. Будьте спокойны; я бедняк, но никогда ничего не крал.

– Если хочешь, – вмешалась моя мать, – я пристрою его на эту ночь, а завтра как Бог даст.

– Где?

– Тут, на кухне.

– Да он вынесет всё до последней кастрюли.

– Я позабочусь о том, чтобы этого не случилось.

– Ладно, дело Ваше.

Добрая женщина вышла на улицу, с помощью сиротки собрала несколько обломков кирпичей, составила на кухне четыре столбика, на них настелила доски, положила сверху матрас – так появилась первая в Оратории кровать. Моя добрая мать затем прочитала мальчику краткую проповедь о важности труда, верности и религии. И наконец предложила ему прочесть молитвы.

– Я их не знаю, – ответил тот.

– Повторяй за нами, – сказала она; так он и сделал.

Чтобы всё осталось в сохранности, кухню заперли на ключ и до утра не открывали.

Это был первый юноша в нашем приюте. К нему скоро присоединился другой, затем ещё, однако из-за нехватки места в тот год нам пришлось ограничиться двумя. Шел 1847 год.

Догадавшись, что со многими ребятами любые усилия окажутся бесполезны, если не предоставить им приюта, я позаботился о том, чтобы взять внаём ещё комнаты, а потом – и ещё, пусть и по завышенной цене. Так, помимо приюта, я смог начать школу григорианского хорала и вокальной музыки. Поскольку это была первая публичная музыкальная школа (1845 год) и впервые мы стали преподавать музыку в классе многим ученикам одновременно, то стечение желающих было огромным.

Знаменитые маэстро Росси Луиджи, Бланки Джузеппе, Черутти, каноник Луиджи Нази с энтузиазмом каждый вечер приходили на мои уроки. Это противоречило Евангелию, ведь там сказано, что ученик не выше учителя – а я, не знавший и тысячной доли из известного этим знаменитостям, тем не менее, был среди них наставником. Впрочем,

они приходили понаблюдать за использованием нового метода, до сих пор применяемого в наших домах. В прошлом любой ученик, желавший научиться музыке, должен был искать себе учителя и брать частные уроки.

8. Ораторий Св. Алоизия – Дом о. Моретты – Земля семинарии

Чем больше мы заботились о развитии школьного образования, тем больше становилось учеников. В выходные дни лишь часть помещалась в церкви во время богослужений и во дворе во время рекреации. Тогда, опять-таки по договорённости с богословом Борелем, чтобы удовлетворить растущую потребность, был открыт новый Ораторий в другом квартале города. Для этого был снят внаём небольшой дом у Новых Ворот, на королевской улице, которую в просторечии называли *Платановой улицей*, поскольку этими деревьями она была высажена.

Чтобы получить этот дом, пришлось выдержать весьма суровую битву с жильцами. Его занимало множество прачек, веривших, что если им придётся покинуть старое обиталище, то случится конец света. Но благодаря ласковому обхождению и небольшим отступным удалось уладить дело до того, как противостоящие стороны перешли к военным действиям.

Владелицей дома и сада для рекреации была г-жа Вальенти, а позже её наследником стал кавалер Джуз[еппе] Турвано. Арендная плата составляла 450 франков. Ораторий был назван в честь Св. Алоизия Гонзаги, и это наименование сохраняется за ним до сих пор⁸⁶.

Церемонию открытия мы с богословом Борелем провели в день Непорочного Зачатия 1847 года. Стечение молодых людей было необычайным, так что слишком плотные ряды в Вальдокко немного поредели. Руководство новым Ораторием доверили богослову Джачинто Карпано, и тот совершенно безвозмездно трудился там несколько лет. Правила, составленные для Вальдокко, применялись и в Оратории Св. Алоизия, без внесения каких-либо изменений.

В тот же самый год из желания предоставить кров множеству ребят, просивших о пристанище, был полностью выкуплен дом о. Моретты. Од-

⁸⁶ Примечание Дона Боско на манускрипте Берто: «Нынешняя церковь Св. Иоанна Евангелиста находится на месте, где стояли церковь, ризница и домик привратника Оратория Св. Алоизия».

нако когда мы приступили к переделке его под наши нужды, выяснилось, что стены не выдерживают. Поэтому мы сочли, что лучше перепродать его, тем более что нам предложили весьма выгодную цену.

Тогда мы приобрели земельный участок (38 ар) у семинарии Турина, именно на этом месте позже были построены церковь Девы Марии – Помо[щницы] христиан и здание, где теперь размещаются мастерские наших ремесленников.

9. 1848 год – Увеличение числа ремесленников и их образ жизни – Краткая вечерняя проповедь – Уступки архиепископа – Духовные упражнения

В тот год политические дела и настроение общества были драматичны, и во что это выльется – предвидеть было пока невозможно.

Карл Альберт даровал Конституцию. Многие думали, что вместе с Конституцией получают свободу поступать хорошо или плохо, как заблагорассудится. Это утверждение обосновывали эмансипацией евреев и протестантов, благодаря которой, как считали, упраздняется различие между католиками и прочими верованиями. В политической области это верно, но не в религиозной⁸⁷.

Тем временем даже молодёжь словно пришла в исступление: юноши, собиравшиеся в разных точках города, на улицах и площадях, почитали добрым делом любой выпад против священника или против религии⁸⁸. На меня несколько раз нападали дома и на улице. Однажды, когда я вёл катехизацию, пуля из аркебузы влетела в окно, продырявила мне облачение между плечом и рёбрами и пробила большое отверстие в стене. В другой раз один довольно хорошо знакомый парень, когда я был окружён множеством ребят, среди бела дня набросился на меня с длинным ножом в руке. Я стремглав побежал, и только чудом мне удалось вырваться и спастись в своей комнате. Да и богослов Борель не иначе как

⁸⁷ Примечание Дона Боско на манускрипте Берто: «В декабре 1847 года королю Карлу Альберту было представлено прошение, подписанное 600 выдающимися горожанами, по большей части – духовными лицами, ходатайствовавшими о знаменитой эмансипации. В нём приводились обоснования, но не уделялось внимания еретическим выражениям в отношении религии, встречающимся в тексте прошения. С того времени евреи, выйдя из гетто, превратились в главных собственников. Протестанты же сняли узду со своей дерзости, и хотя число их среди нас невелико, тем не менее, из-за поддержки светских властей, был нанесён огромный ущерб религии и нравственности».

⁸⁸ Решение Пия IX не участвовать в освободительной войне против Австрии вызвало серию антиклерикальных выступлений, подпитываемых радикальной печатью; так разрыв либерализма с католическим миром ещё больше усугубился.

чудесным образом спасся от пистолетного выстрела и ударов ножом, когда его приняли за другого. Унять распоясавшуюся молодёжь было весьма затруднительно. При таком извращении идей и мышления, как только удалось получить другие комнаты, число ремесленников сразу увеличилось до пятнадцати человек, причём все были из числа отверженных, на грани падения.

Однако оставалась немалая сложность. Пока у нас ещё не было мастерских в институте, наши воспитанники ходили на работу и в школу в Турин, с серьёзным ущербом для своей нравственности, поскольку после встреч с товарищами, услышанных разговоров и всего увиденного тщетным оказывалось то, что делали для них и говорили им в Оратории.

Именно тогда я начал по вечерам после молитв выступать с очень краткой проповедью, в которой излагал или подтверждал какую-нибудь истину, оспоренную в течение дня. Проблемы с ремесленниками в равной мере распространялись и на студентов. Из-за разделения на разные классы, самых успешных в учёбе приходилось отправлять вовне: грамматиков – к профессору Дж. Бонцанино; риториков – к профессору о. Пико Маттео. Школы были превосходные, но путь туда и обратно изобилдовал опасностями. В 1856 году, к немалой пользе, в доме Оратория окончательно были обустроены школы и мастерские.

К тому времени мысли и поведение извратились настолько, что я более не мог полагаться на прислугу, поэтому всю домашнюю работу мы с матерью выполняли сами. Готовить, накрывать на стол, подметать, рубить дрова, выкраивать и шить исподнее, рубахи, подштанники, куртки, полотенца, простыни и чинить их – всё доставалось мне. Однако эти дела оказались весьма полезны в моральном отношении, поскольку, раздавая хлеб, разливая суп и тому подобное, мне было удобно давать ребятам советы или обращаться к ним с дружеским словом.

Далее, видя необходимость найти себе помощников в домашних и школьных делах Оратория, я начал приглашать одних к себе за город, других – погостить у меня на родине, в Кастельнуово, кого-то – пообедать вместе; ещё кто-нибудь приходил вечером что-то почитать или написать, но обязательно с целью предложить противоядие от тогдашних тлетворных взглядов. Более или менее регулярно это происходило с 1841 по 1848 год. Я пользовался любыми средствами, чтобы достичь ещё одной особой цели: изучить, узнать, выбрать некоторых, у кого была бы склонность и приязнь к жизни в общине, и принять их к себе домой. Именно

для этого я в тот год (1848-ой) устроил опыт: провёл краткий цикл духовных упражнений. Собрал пятьдесят человек в доме Оратория; все ели со мной; но, поскольку кроватей на всех не хватало, некоторые отправлялись спать к своей семье, а на следующее утро возвращались. Хождение из дома и обратно по утрам и вечерам грозило свести на нет почти всю пользу, извлечённую из проповедей и иных наставлений, какие преподаются в подобных случаях. Упражнения начинались вечером в воскресенье и заканчивались субботним вечером. Получилось довольно хорошо. Многие, с кем я долгое время бесплодно работал, посвятили себя истине добродетельной жизни. Некоторые из них стали монахами, другие остались в миру, но сделались примерными посетителями Ораториев⁸⁹.

Об этом речь пойдёт отдельно, в истории Салезианского Общества.

В тот же год некоторые настоятели, особенно – приходов в Боргодора, кармелитского и Св. Августина – вновь начали жаловаться архиепископу на то, что в Ораториях преподаются таинства. В связи с этим архиепископ издал декрет, даровавший широкие полномочия для подготовки и представления молодых людей из числа посещавших наши Оратории к принятию Миропомазания, Св. Причастия и выполнению пасхального предписания. Он также подтвердил полномочие совершать любые рядовые приходские религиозные обряды. Эти церкви, говорил архиепископ, будут служить приходом множеству пришлых и отверженных ребят во время их пребывания в Турине.

10. Успех музыки –

Процессия к базилике Богоматери Утешения –

Премия от муниципалитета

и от дела Просвещения бедности –

Великий Четверг – Омовение ног

Требовалось всё больше усилий, чтобы оказать достойный отпор опасностям, угрожавшим вере и нравственности юношей. Было решено добавить к вечерним и дневным занятиям и к вокальной музыке школу игры на фортепиано, органе и собственно инструментальную музыку. Итак, я оказался учителем вокала, игры на инструментах, фортепиано и ор-

⁸⁹ Примечание на манускрипте Берто: «Арно Джачинто, Сансолди, оба покойные; Буццетти Джузеппе; Галезио Никола; Костантино Джованни, покойный; Черутти Джакомо, покойный; Гастини Карло; Гравано Дж.; Борджалли Доменико, покойный – они из тех, кто прошёл первые упражнения в том году, и всегда они проявляли себя добрыми христианами».

гане, хотя сам этому искусству никогда по-настоящему не обучался. Всё восполняла добрая воля. После подготовки нескольких юных певчих с самыми красивыми голосами мы начали проводить богослужения в Орактории, а затем – по Турину, в Риволи, Монкальери, Кьери и других местах. Каноник Луиджи Нази и о. Микеланджело Кьятеллино весьма охотно помогали нашим музыкантам совершенствоваться, аккомпанировали и дирижировали на публичных богослужениях в разных местах. Поскольку до сих пор пение хора юношеских «серебряных» голосов на хорах *solo*, *дуэтом*, *всем составом* в наших краях было делом неслыханным, новость вызвала повсеместное обсуждение нашей музыки и все состязались за право принять певчих. Аккомпанировали нашему зарождающемуся филармоническому обществу чаще всего каноник Луиджи Нази и о. Кьятеллино Микеланджело.

По обыкновению ежегодно мы совершали богослужение в базилике Богоматери Утешения, но в тот год мы прошли туда с процессией из Орактория. Пение по пути, музыка в церкви привлекли бесчисленную толпу народа. Была совершена Св. Месса, преподано Св. Причастие, затем я прочёл по случаю краткую проповедь в подземной капелле, а в конце Облаты Марии⁹⁰ угостили нас изумительным импровизированным завтраком во внутренних двориках санктуария. Так мы завоёвывали людское уважение, собирали ребят и получали возможность со всем благоразумием внушить им дух нравственности, почтения к властям и желание приступить к святым таинствам. Однако такие новшества наделали много шума.

В тот же год муниципалитет Турина направил другую депутацию в составе кавалера Пьетро Рополо, г-на Капелло по прозвищу Монкальво и командора Дюпре для проверки неясных слухов. Депутация осталась вполне довольна, и, по составлении надлежащего донесения, нам была присуждена премия в размере 1000 франков, с очень лестным письмом. С того года муниципалитет назначил нам годовое вспомоществование, которое и выплачивалось ежегодно до 1878 года. В тот год 300 франков не выплатили, поскольку благоразумные правители Турина израсходовали их на приобретение светильников для вечерней школы на благо сынов народа.

Дело *Просвещения бедности*, устроившее вечерние и музыкальные занятия по нашей методике, направило к нам с визитом депутацию во главе с кавалером Гонеллой. В знак одобрения они выдали нам ещё одну премию в тысячу франков.

⁹⁰ *Облаты Марии* – конгрегация, посвятившая себя возвещению Евангелия, проповеди духовных упражнений и формации духовенства.

У нас было правило ежегодно в Великий Четверг всем вместе посещать «священные гробницы»⁹¹, но из-за насмешек, которые вполне можно назвать презрительными, многие не осмеливались присоединиться к товарищам. И вот, чтобы научить наших юношей не идти на поводу у людского мнения, мы в том же году в первый раз устроили процессию ко гробницам, с пением *Stabat Mater*⁹² и *Miserere*⁹³. Тогда ребята всех возрастов и положений во время процессии состязались за право влиться в наши ряды. Всё прошло упорядоченно и спокойно.

Вечером впервые совершался обряд *омовения ног*⁹⁴. Для этого я выбрал двенадцать ребят, которые должны были представлять двенадцать апостолов. После обрядового омовения народ выслушал нравственное наставление. Затем все двенадцать апостолов были приглашены на скромный ужин, получили по маленькому подарку и унесли их к себе домой с огромной радостью.

Всё в том же году соорудили, как следует, *via Crucis*⁹⁵, стояния освятили очень торжественно. На каждом стоянии звучала краткая проповедь, затем пели подходящий по сюжету мотет.

Так укреплялся наш смиренный Ораторий, а тем временем происходили важные события, призванные изменить облик политики в Италии и, возможно, в мире.

11. 1849 год – Закрытие семинарий – Дом Пинарди – Грош Св. Петра – Чётки Пия IX – Ораторий Ангела-Хранителя – Визит депутатов

Это – достопамятный год. Начавшаяся в прошлом году война Пьемонта с Австрией сотрясла всю Италию. Занятия в государственных школах были приостановлены, семинарии, в частности – в Кьери и Турине, были закрыты и заняты военными; вследствие этого клирики нашей епархии остались без наставников и места, где можно было бы собрать-

⁹¹ *Священные гробницы* – скульптурные группы, устанавливавшиеся в церквях и по домам в память о Страстях Христовых (в зависимости от количества скульптур история Страстей и Крестной смерти Спасителя представлялась детально либо символично).

⁹² *Stabat Mater* – начало песнопения *Горько плача и рыдая*.

⁹³ *Miserere* – Псалом 51(50).

⁹⁴ *Омовение ног* – обряд, совершаемый в Святой четверг: священник омывает ноги 12 человекам, подражая Христу на Тайной Вечере.

⁹⁵ *Via Crucis* – молитва *Крестный путь*, для проведения которой используются *стояния*.

ся. Именно тогда, чтобы утешиться хотя бы сознанием того, что сделано всё возможное, и чтобы умерить народные бедствия, я снял дом Пинарди полностью. Жильцы громко протестовали, угрожали мне, моей матери, даже владельцу; пришлось пожертвовать большими деньгами, однако я добился передачи здания в полное наше распоряжение. Так гнездо порока, служившее двадцать лет Сатане, оказалось в нашей власти. Оно занимало весь участок, где теперь разбит двор между церковью Девы Марии – Помощницы христиан и стоящим за ней домом.

В связи с этим мы смогли расширить наши классы, увеличить церковь; места для рекреации стало в два раза больше, число ребят возросло до тридцати. Но главной целью было принять клириков епархии, что и было сделано; можно сказать, почти на 20 лет дом Оратория превратился в епархиальную семинарию.

К концу 1848 года политические события вынудили Святейшего Отца Пия IX бежать из Рима и укрыться в Гаэте. Выдающийся понтифик уже неоднократно оказывал нам своё благоволение. Поскольку распространился слух, что он испытывает денежные затруднения, в Турине открылся сбор пожертвований, названный *Грош Св. Петра*. Комиссия в составе богослова каноника Франческо Валинотти и маркиза Густаво Кавура пришла в Ораторий. Наше пожертвование составило 35 франков. То была мелочь, но мы постарались сделать её приятной Святейшему Отцу, составив послание, которое очень ему понравилось. Он выразил своё удовольствие в письме на имя кардинала Антонуччи, тогдашнего нунция в Турине, нынешнего архиепископа Анконского, поручив тому сообщить нам, что его очень утешила наша жертва, но ещё больше – сопровождавшие её мысли. К письму вместе с апостольским благословением прилагался пакет с 60 дюжинами чётков, которые торжественно были розданы 20 июля того года. См[отри] книжечку, изданную по этому случаю, и различные газеты. Письмо кард. Антонуччи, тогдашнего нунция в Турине.

Число посторонних юношей, приходивших в Оратории, росло, поэтому пришлось задуматься о поиске другого места. Им стал Ораторий Св. Ангела-Хранителя в Ванкилье, поблизости от того места, где особыми стараниями маркизы Бароло впоследствии была возведена церковь Св. Юлии.

Священник Джованни Кокки несколько лет назад основал тот Ораторий, преследуя цель, весьма сходную с нашей. Но, горя любовью к Родине, он счёл за благо обучать своих воспитанников владению ружьём и шпагой, чтобы во главе их выступить против австрийцев, как он и сделал.

В течение года этот Ораторий был закрыт. Затем его арендовали мы, руководство было поручено богослову Джованни Воле, добрая ему память. Ораторий оставался открытым до 1871 г., затем перешёл в ведение приходской церкви. Маркиза Бароло оставила на его нужды часть наследства – при условии, что помещение и часовня будут предназначены для юношей, приписанных к приходу; это соблюдается до сих пор.

В это же время Ораторию был нанесён торжественный визит: комиссия из депутатов и других лиц, уполномоченных Министерством внутренних дел, оказала нам честь своим присутствием. Гости дружелюбно осмотрели всех и всё, затем представили Палате депутатов длинный отчёт. Это послужило причиной долгому и бурному обсуждению, которое изложено в *Пьемонтской газете* от 29 марта 1849 года. Палата депутатов преподнесла нашим ребятам щедрый подарок в размере 300 франков; Урбано Раттацци, тогдашний министр внутренних дел, выделил сумму в 2000 франков. С документами можно ознакомиться.

Наконец, был облачён в клирика один из моих воспитанников, Савио Асканио, нынешний ректор Приюта. Он стал первым клириком из Оратория, облачение состоялось в конце октября того года.

12. Национальные гуляния

В те дни одно странное событие доставило нашим собраниям немало беспокойства. Хотели, чтобы наш смиренный Ораторий принял участие в общественных демонстрациях, проходивших в разных городах и посёлках под названием *Национальные гуляния*. Тот, кто участвовал в них и желал публично показать свою любовь к нации, разделял волосы спереди на пробор, а сзади, завив, распускал, и ходил в разноцветной облегающей жилетке, с государственным флагом, медалью и голубой кокардой на груди. Нарядившись так, шествовали, словно в процессии, гимнами воспевая национальное единство.

Маркиз Роберто д'Адзельо, главный вдохновитель этих демонстраций, прислал нам официальное приглашение и, несмотря на мой отказ, предоставил всё необходимое, чтобы мы могли выступить достойно вместе с другими. Для нас приготовили место на площади Витторио, рядом со всевозможными институтами, разнообразными по целям и статусу, и каких только названий тут не было! Что делать? Отказаться – значит

объявить себя врагом Италии; уступить – значит принять принципы, последствия которых я считал губительными.

– Господин маркиз, – ответил я достохвальному д'Адзельо, – это моя семья, это ребята из города, они здесь собираются; мы же не организация. Надо мной бы стали смеяться, если бы я заявил притязания на то, что представляет собой городскую благотворительность – и ничего более.

– Именно так. Пусть городская благотворительность знает, что это новое дело не идёт вразрез с современными установлениями; вам это пойдет на пользу; пожертвований станет больше, муниципалитет, да и я сам проявим к вам щедрость.

– Господин маркиз, моя позиция тверда – держаться в стороне от всего, что имеет отношение к политике. Ни в коем случае ни *за*, ни *против*.

– Что же вы хотите делать?

– То небольшое, что могу: добро для отверженных юношей, стараюсь изо всех сил, чтобы они стали добрыми христианами с точки зрения религии и честными гражданами светского общества.

– Я всё понимаю, но вы ошибаетесь, и если будете настаивать на этом принципе, то вас все оставят, и ваше дело окажется невозможным. Необходимо изучать мир, знать его и приводить древние и современные установления в соответствие со временем.

– Благодарю вас за доброе намерение и за ваши советы. Приглашайте меня туда, где священник может оказать милосердие, и увидите, что я готов жертвовать жизнью и средствами. Но сейчас и всегда я желаю оставаться в стороне от политики.

Этот славный патриций с удовольствием оставил меня, и впредь мы не общались. После него меня покинули многие другие миряне и духовные лица. Более того, после события, о котором я собираюсь рассказать ниже, я остался почти в одиночестве.

13. Знаменательное событие

*Ж*на следующее после описанного праздника воскресенье, в два часа пополудни, я проводил досуг с ребятами, а один парень читал *Армония*⁹⁶, и тут священники, обычно приходившие помогать мне в священном служении, появились в полном составе с медалями, ко-

⁹⁶ *Армония* [*Гармония религии и цивилизации*] – периодическое католическое издание консервативного толка. Выходило в Турине с 1848 по 1863 год.

кардами, трёхцветным флагом и к тому же с поистине безнравственной газетой *Опинионе*⁹⁷. Один из них, весьма уважаемый за рвение и учёность, встал передо мной, и, заметив рядом парня, державшего в руке *Армония*, заговорил: «Позор, пора покончить со слащавой писаниной». Сказав это, вырвал из его рук листок, разорвал на мелкие кусочки, бросил на землю и, плюнув сверху, сто раз попрал и растоптал ногами. Выпустив тем самым первые пары политического кипения, подошёл ко мне. «Вот это, да, хорошая газета, – сказал он, тыча мне в лицо *Опинионе*, – именно её должны читать все настоящие и честные граждане».

Я был потрясён такими словами и поведением, но, не желая множить скандалы в месте, где следовало подавать хороший пример, ограничился просьбами к нему и его коллегами побеседовать на эти темы приватно, и только в нашем кругу. «Нет, сударь, – ответил он, – здесь больше не может быть ничего приватного или тайного. Пусть всё станет явным».

В ту минуту зазвонил колокол, собирая всех в церковь, причём звал он именно одного из этих духовных лиц, уполномоченного прочитать бедным ребятам проповедь о морали. Но на этот раз проповедь оказалась поистине аморальной. Свобода, эмансипация, независимость – вот что провозглашалось в той речи от начала до конца. Я был в ризнице, с нетерпением ожидая, когда смогу взять слово и положить конец беспорядку; но проповедник быстро вышел из церкви и сразу после благословения призвал священников и молодых людей присоединиться к нему. Горламя что есть мочи национальные гимны и безудержно размахивая флагом, они отправились прямо на Гору Капуцинов. Там официально пообещали, что больше не будут ходить в Ораторий, разве что их пригласят и примут со всеми *национальными* атрибутами.

Всё происходящее я не мог никоим образом ни объяснить, ни понять. Но я боялся лишь противодействия моим обязанностям. Я передал тем священникам, что им строго запрещено возвращаться ко мне; ребята же должны были по одному предстать передо мной, прежде чем вернуться в Ораторий. Это мне вполне удалось. Ни один из священников не пытался вернуться; юноши же попросили прощения, утверждая, что были обмануты, и обещали сохранять послушание и дисциплину.

⁹⁷ *Опинионе* [Взгляд, ежедневная политическая, экономическая, научная и литературная газета] – периодическое издание умеренного левого либерального крыла, выходившее с 1848 по 1892 год. С 1852 года издатели заняли более радикальную и резко антиклерикальную позицию.

14. Новые трудности – Утешение – Аббат Росмини и архипресвитер Пьетро де Гауденци

Но я остался в одиночестве. В выходные дни приходилось рано утром начинать Исповеди, в девять совершать Мессу, затем – проповедовать, после – заниматься пением и чтением до полудня. С часа полудни: рекреация, катехизация, вечерня, наставление, благословение, опять рекреация, пение и школа до ночи.

В будни целый день я должен был трудиться для моих ремесленников, вести гимназические занятия с десятком ребят; вечерние уроки французского, арифметики, григорианского хора, вокальной музыки, игры на фортепиано и органе – всё приходилось проводить самому. Не знаю, как я смог выдержать. Мне помог Бог. К тому же большое утешение и крепкую поддержку я находил в те минуты у богослова Бореля. Этот чудесный священник, хотя и был обременён иными, очень важными обязанностями священного служения, как только выдавалась хоть капелька времени, старался прийти мне на помощь. Нередко он отрывал часы от сна, чтобы исповедать юношей; отказывал утомлённому телу в подкреплении, чтобы прийти проповедовать. Критическое положение сохранялось до тех пор, пока у меня не появилось некоторое облегчение в лице клириков Савио, Беллиа, Ваккетты; впрочем, я их быстро лишился: поддавшись на уговоры других, они, не сказав мне ни слова, сбежали, чтобы вступить к Облатам Марии.

В один из тех выходных меня посетили два священника, и я считаю уместным назвать их. Я с ног сбивался, устраивая классы перед началом катехизации, и тут появились два духовных лица: держа себя смиренно и уважительно, начали поздравлять меня и расспрашивать об истоках и системе нашей деятельности. В ответ я только сказал им: «Будьте добры, помогите мне. Вы ступайте на хоры и возьмите старших; а вам, – сказал я другому, тот был выше ростом, – поручаю этот класс, один из самых легкомысленных».

Видя, что они прекрасно проводят катехизацию, я попросил одного из них подарить нашим ребятам краткую проповедь, а второго – преподать нам благословение Пресвятыми Дарами. Оба любезно согласились.

Священник ростом пониже оказался аббатом Антонио Росмини, основателем Института милосердия; второй был каноник-архипресвитер де Гауденци, ныне – епископ Виджевано; с тех пор и один и второй всегда проявляли к нам доброжелательность и даже стали благодетелями дома.

15. Покупка дома Пинарди и дома Беллецца – 1850 год

Год 1849 был тернистым и бесплодным, при этом стоил немалых трудов и огромных жертв, но оказался подготовкой к 1850 году, менее бурному и намного более щедрому на хорошие результаты. Мы начали с дома Пинарди. Выселенные из этого дома жильцы никак не могли успокоиться. «Разве не отвратительно, – говорили они, – что дом, предназначенный для отдыха и утешения, попадает в руки священника, причём священника нетерпимого?»

Итак, владельцу предложили плату за наём в два раза выше нашей. Тот не желал разживаться нечестивыми средствами, поэтому неоднократно предлагал продать мне всё, что я пожелаю приобрести. Но требования его были завышенные. Он просил восемьдесят тысяч франков за здание, стоимость которого составляла треть от этой суммы. Богу угодно показать, что Он – Владыка сердец, и вот как всё было.

В один выходной день, пока богослов Борель проповедовал, я, чтобы помешать возможным сборищам и нарушению спокойствия, стоял у ворот двора, и тут появился г-н Пинарди. «И всё-таки, – сказал он, – Дону Боско следует купить мой дом».

– И всё-таки господину Пинарди следует продать мне дом по честной цене, и я сразу же его куплю.

– Да я Вам его продаю по честной цене.

– Сколько?

– Цена назначена.

– Я не могу Вам ничего предлагать...

– Предлагайте.

– Не могу.

– Почему же?

– Потому что цена завышена. Не хочу обидеть просящего.

– Предложите, сколько хотите Вы.

– Вы продадите его мне за столько, сколько он стоит?

– Продам, слово чести.

– Дайте мне руку, и я назову цену.

– Сколько?

– Я попросил одного Вашего и моего друга произвести оценку, и он заверил меня, что, учитывая нынешнее состояние дома, можно договориться на 26-28 тысяч франков; я же, чтобы завершить дело, дам вам 30 000 франков.

- Может, подарите ещё моей жене брошь за 500 франков?
- Подарю.
- Заплатите наличными.
- Заплачу наличными.
- Когда оформим сделку?
- Когда хотите.
- Завтра с отсрочкой на пятнадцать дней, но всю сумму сразу.
- Как вам угодно; договорились.
- Взявший слово обратно заплатит сто тысяч франков штрафа.
- Да будет так.

Сделку заключили за пять минут; но где взять такую сумму за столь короткое время? И тогда прекрасно проявило себя Божественное Провидение. В тот же вечер пришёл ко мне в гости о. Кафассо, чего раньше в выходные никогда не случалось, и сказал, что одна благочестивая дама, графиня Казацца-Риккарди, поручила передать мне десять тысяч франков, чтобы я истратил их на то, что, по моему разумению, послужит вящей славе Божией. На следующий день зашёл монах-росминианец, прибывший в Турин, чтобы положить под проценты 20 000 франков, и спрашивал у меня совета. Я предложил взять у него кредит под договор с Пинарди и, сложив всё вместе, получил требуемую сумму. Три тысячи франков на сопутствующие расходы добавил кавалер Котта, в чьём банке мы заключили долгожданную сделку.

Обеспечив тем самым приобретение здания, я начал думать о так называемой «Садовнице». В этом кабаке по выходным обычно собирались любители весело провести время. Аккордеоны, дудки, кларнеты, гитары, скрипки, басы, контрабасы и всевозможные песни по очереди звучали день напролёт; более того, нередко они устраивали совместные концерты. Поскольку это здание, дом Беллецца, было отделено от нашего двора лишь невысокой стеной, то часто случалось, что певцов в нашей часовне сбивало или заглушало громкое брэнчание и звон бутылок из «Садовницы». К тому же кто-нибудь всё время ходил туда-сюда из дома Пинарди в «Садовницу». Любой легко представит себе, какое беспокойство доставляло это нам и какую угрозу создавало для наших юношей.

Чтобы избавить нас от серьёзной напасти, я попытался выкупить его, но у меня не получилось; хотел снять его, на это хозяйка согласилась; однако владелица кабака требовала возмещения ущерба в баснословном размере.

Тогда я сделал предложение перекупить всю таверну, оплатить причитающуюся арендную плату, а также приобрести всю утварь комнаты, сто-

ловой, погреба, кухни и т.п.; заплатив за всё довольно высокую цену, я смог стать распорядителем помещения, которое немедленно предназначил под другие цели. Тем самым был уничтожен второй рассадник безнравственности, сохранявшийся до сих пор в Вальдокко рядом с домом Пинарди.

16. Церковь Св. Франциска Сальского

Освободившись от нравственного гнёта, тяготевшего над домом Пинарди и «Садовницей», мы часто размышляли о церкви, более приличествующей культу и более приспособленной к растущим потребностям. Правда, старую немного расширили, и теперь её периметр совпадал с нынешней трапезной воспитателей, однако малая вместимость и низкий потолок доставляли неудобство. Поскольку, чтобы войти, надо было спуститься на две ступеньки, то зимой и в дождливое время нас заливало, а летом мы задыхались от жары и чрезмерной духоты. В редкие выходные кто-нибудь из воспитанников не падал в обморок и его, почти задохнувшегося, не выносили наверх. То есть требовалось приложить руку к возведению здания, соответствующего численности молодых людей, проветриваемого и здорового.

Кавалер Блэкьер составил чертёж, по которому следовало выстроить нынешнюю церковь Св. Франциска и сбоку от церкви – здание, окружающее двор. Подрядчиком стал господин Бокка Федерико.

Когда была вырыта яма под фундамент, состоялось освящение краеугольного камня, 20 июля 1850 года. Кавалер Джузеппе Котта установил его на место; каноник Морено, генеральный эконом, благословил его; знаменитый отец Баррера, наблюдая за большим стечением народа, умилился, взобрался на земляную насыпь и выступил по случаю с изумительной импровизированной речью. Он начал дословно так: *«Господа, камень, который мы только что благословили и поместили в основание этой церкви, имеет два важных значения. Он символизирует горчичное зерно, которое вырастет в мистическое древо, где укроется множество ребят; означает он также, что это дело основано на Краеугольном Камне, который есть Христос Иисус, и против Него окажутся тщетны усилия врагов веры, направленные на её разрушение».*

Затем он развил обе предпосылки к немалому удовольствию слушателей: те сочли красноречивого проповедника вдохновлённым свыше.

Вот протокол и т.п. Переписан протокол торжества⁹⁸.

⁹⁸ Описание события и речь отца Барреры приведены в MB IV, 277-279.

Шумные торжества отовсюду привлекли пришлых ребят, при этом ежечасно и ежедневно многие другие приходили, прося о пристанище. В тот год их число перевалило за пятьдесят, и дома были обустроены кое-какие мастерские: если юношам приходилось ходить работать в город, последствия бывали самые губительные.

Священное и желанное здание уже поднималось из земли, и тут я заметил, что финансы исчерпаны полностью. От продажи некоторых помещений я выручил 35 тысяч франков, но они растаяли, словно лёд на солнце. Казначейство выделило девять тысяч франков, но их должны были выплатить за почти законченную работу. Епископ Бьеллы, монс. Пьетро Лозана, поняв, что новое здание и вся деятельность окажутся особенно полезны для бьеллезских подмастерьев-каменщиков, направил своим настоятелям циркуляр с призывом посодествовать подаянием. *Приводится текст циркуляра*⁹⁹.

Сбор пожертвований принёс тысячу франков. Но то была капля в море; тогда было задумано провести вещевую лотерею, точнее, лотерею с маленькими призами. Подобным образом к общественной благотворительности мы прибегали впервые и встретили весьма благожелательный отклик. Собрали три тысячи триста призов. В лотерее участвовали Верховный понтифик, король, королева-мать и царствующая королева, королевский двор в целом. Билеты были распроданы (по 50 центезимо каждый); когда проводился публичный розыгрыш в городской ратуше, некоторые охотились за ними, предлагая пять франков, но найти их уже не могли. *Можно приложить программу и регламент лотереи.*

Многие из выигравших, с большим удовольствием, оставили свой приз на благо церкви. И это оказалось дополнительным источником дохода. Верно, что расходы были немаленькие, однако остаток составил сумму в 26 тысяч франков.

17. Взрыв на пороховом складе – Фашио Габриэле – Освящение новой церкви

Во время проведения выставки призов (26 апреля 1852 года) взорвался пороховой склад рядом с кладбищем Св. Петра в Узах. Последовал чудовищный и жестокий удар. Многие дома поблизости и в отдалении были сотрясены и понесли серьёзный ущерб. Жертвами стали 28 работников, но урон оказался бы намного страшнее, если бы некий

⁹⁹ Циркуляр от 13 сентября 1851 года приведён в МВ IV, 319-321.

сержант по фамилии Сакко, с немалой опасностью для собственной жизни, не помешал огню охватить ещё больше пороха, какового хватило бы на то, чтобы превратить в руины весь город Турин. Дом Оратория был скверной постройкой и очень пострадал от взрыва, и депутаты пожертвовали нам 300 франков на восстановление.

В связи с этим я хотел бы рассказать о случае с нашим юным ремесленником по имени Фашио Габриэле. Годом раньше он заболел и оказался между жизнью и смертью. На пике болезни он всё время повторял: «Горе Турину, горе Турину!»

Товарищи спросили его:

– Почему?

– Потому что ему угрожает страшное бедствие.

– Какое?

– Чудовищное землетрясение.

– Когда это произойдёт?

– В следующем году. О, горе Турину 26 апреля.

– А что нам следует делать?

– Молиться Св. Алоизию, чтобы он защитил Ораторий и всех, кто в нем живёт.

Тогда, по просьбе всех ребят, живших в доме, утром и вечером к общим молитвам добавили *Pater*, *Ave* и *Gloria*¹⁰⁰ в честь этого святого. И впрямь, наш дом, учитывая опасность, пострадал очень мало, а питомцам приюта не пришлось жаловаться на какой-либо личный ущерб.

Тем временем работы над церковью Св. Франциска Сальского продолжались невероятно быстро, и за одиннадцать месяцев подошли к концу.

20 июня 1852 года церковь была освящена с исключительной торжественностью. У входа во двор соорудили арку колоссальной высоты. Над ней огромными буквами было написано: *Литерами златыми – напишем везде – Да славится вечно этот день!*

Отовсюду звучали стихи, которые переложил на музыку маэстро Бланки Джузеппе, благодарная ему память:

Скорее уж солнце от запада встанет,

Чтоб круг совершить и зайти на востоке.

Скорее река устремится к истоку,

Чем из памяти нашей сотрётся

День, просиявший своей красотой,

¹⁰⁰ *Gloria* – молитва Славословие.

Он навсегда остаётся со мною,
Средь нас навсегда остаётся.

Великолепно декламировали и пели следующее стихотворение:

Как птичка, что с ветки на ветку
слетает, стараясь укрыться... и т.п. – *Текст приводится*¹⁰¹.

Во многих газетах рассказывалось об этом торжестве, см. номера *Армонии* и *Патрия*¹⁰² за те дни.

Первого июня того же года было положено начало Обществу взаимопомощи, чтобы наши ребята не записывались в Общество рабочих¹⁰³, которое сразу после своего основания начало отстаивать отнюдь не религиозные принципы. *Смотри отпечатанную брошюру*¹⁰⁴. Общество взаимопомощи оказалось удивительно полезным для нашей цели. Позже оно было преобразовано в Конференцию под покровительством Св. Викентия де Поля, существующую до сих пор¹⁰⁵.

По окончании строительных работ церкви требовались различные предметы обстановки. Милосердие горожан не иссякало. Командор Джузеппе Дюпре помог при отделке часовни во имя Св. Алоизия и приобрёл мраморный алтарь, до сих пор украшающий церковь. Ещё один благотворитель оплатил сооружение балкончика, куда был установлен маленький орган для приходящих юношей. Господин Микеле Сканагатти купил полный комплект подсвечников, маркиз Фассати заказал алтарь Богородицы, оплатил комплект бронзовых подсвечников, а позже – статую Богородицы. О. Кафассо возместил все расходы на амвон. Глав[ный] алтарь был оплачен доктором Франческо Валлаури, доплату внёс его сын – о. Пьетро, священник. Так за краткое время новая церковь была обеспечена всем самым необходимым для отправления частных и торжественных обрядов.

18. 1852 год

Благодаря новой церкви Св. Франциска Сальского, ризнице и колокольне были удовлетворены потребности юношей, желавших при-

¹⁰¹ Текст оды, согласно Лемойну, сочинённой самим Доном Боско, приводится в МВ IV, 437-438.

¹⁰² *Патрия* [Родина, политическая и литературная газета] – периодическое издание умеренного либерального крыла. Выходило в Турине с 1852 по 1855 год.

¹⁰³ *Общество рабочих Турина* – общество взаимопомощи, основанное 17 января 1850 года. Ему была присуща антиклерикальная направленность.

¹⁰⁴ *Общество взаимопомощи некоторых участников Товарищества Св. Алоизия, учреждённое при Оратории Св. Франциска Сальского*, Турин, Типография Спейрани и Ферреро, 1850.

¹⁰⁵ Учреждение юношеских *Конференций* Св. Викентия де Поля в трёх ораториях Дона Боско относится примерно к 1855 году; они были признаны Генеральным Советом в Париже 11 мая 1856 года.

ходить на богослужения в выходные дни, на вечерние и дневные занятия. Но что предложить множеству бедных ребят, каждую минуту просивших о приюте? Тем более, взрыв на пороховом складе, случившийся годом раньше, почти разрушил старое здание. В пору крайней нужды было принято решение пристроить к дому новое крыло. Чтобы одновременно было возможно пользоваться прежними помещениями, строительство началось на отдельном участке: от границы нынешней трапезной до цеха по отливу типографских литер.

Работы продолжались со всей спешностью, и хотя стояла уже поздняя осенняя пора, нам удалось подвести стены под крышу. Более того, были установлены на свои места балочные перекрытия, все рейки прибиты, черепица громоздилась на несущих балках в ожидании упорядоченной выкладки, и тут сильный ливень прервал все работы. Вода извергалась несколько дней и ночей, стекала по балкам и рейкам, просачивалась под них, размывала и уносила с собой свежую известь, так что остались одни мокрые кирпичи и булыжники. Около полуночи, когда мы все уже спали, раздался сильный грохот и с каждой минутой нарастал, становился всё более пугающим. Все проснулись; не зная, что случилось, мальчики в ужасе, завернувшись в одеяла либо простыни, выскочили из dormitorio и в смятении бегали, сами не зная куда, лишь бы спастись от воображаемой опасности. Беспорядок и крики усиливались, арматура кровли и черепица смешались с материалом, из которого были выложены стены, и свежая кладка обрушилась с оглушительным грохотом.

Поскольку конструкция опиралась на стены низкого ветхого здания, мы опасались, что окажемся погребены под рушившимися обломками; но самым страшным из пережитого оказался чудовищный грохот, не причинивший никому вреда.

Рано утром нас посетили присланные муниципалитетом инженеры. Кавалер Габетти, увидев, что над dormitorio нависла высокая опора, вырванная из основания, воскликнул: «Идите и благодарите Богоматерь Утешения. Опору удерживает лишь чудо: упав, она бы погребла под руинами и Дона Боско, и тридцать ребят в нижнем dormitorio».

Поскольку работы вело предприятие, то больше всего пострадал подрядчик. Понесённый нами ущерб оценивался в 10 000 франков. Это произошло в полночь 2 декабря 1852 года.

Среди печальных событий, постоянно угнетающих бедное человечество, я всегда угадывал благу длань Господню, смягчающую наши бед-

ствия. Если бы происшествие случилось двумя часами ранее, то оказались бы погребены наши ученики вечерней школы. Те заканчивали в десять, и ещё около получаса мимо строящихся помещений проходила вереница из почти 300 человек, покидавших классы. Обрушение началось немногим позже.

Поздняя осень препятствовала началу работ по восстановлению разрушенного дома, хотя бы частичных, о завершении строительства вообще не было речи; и кто же поможет в нашей нужде? Что делать, когда так много ребят, и так мало помещений, да и те полуразрушены? Пришлось покориться необходимости. Закрепив стены, мы приспособили прежнюю церковь под dormitorioй. Занятия перенесли в новую церковь, то есть в выходные дни она служила нам церковью, а на неделе – коллегией.

В тот год также была возведена колокольня, примыкающая к церкви Св. Франциска Сальского, и благотворитель, г-н Микеле Сканагатти оплатил набор элегантных подсвечников для главного алтаря; по сей день они остаются одним из самых красивых предметов обстановки этой церкви.

[19.] 1853 год

С наступлением благоприятного времени года мы немедленно принялись за восстановление рухнувшего дома. Работы велись спешно, к октябрю здание было завершено. Мы испытывали крайнюю нужду в помещении, поэтому сразу же полетели занять его. Я первым отправился в комнату, где Бог по сей день позволяет мне проживать. Можно было разместить и наладить школу, трапезную, dormitorioй, и число воспитанников выросло до шестидесяти пяти.

Разные благотворители продолжали поддерживать нас. Кавалер Джузеппе Дюпре из собственных средств оплатил мраморную балюстраду часовни Св. Алоизия; его же иждивением был украшен алтарь и оштукатурена вся часовня. Маркиз Доменико Фассати подарил маленькую балюстраду для алтаря Богоматери и набор позолоченных бронзовых подсвечников для того же алтаря. Граф Карло Кайс, наш выдающийся благодетель, во второй раз избранный приором Товарищества Св. Алоизия, оплатил за нас старый долг в тысячу двести франков пекарю, который стал уже неохотно отпускать нам хлеб. Тот же благодетель купил колокол, что послужило основанием для красивого празднования. Богослов Гаттино, наш настоятель, блаженная ему память, пришел освятить его,

затем прочитал по случаю краткую проповедь в присутствии людей, собравшихся со всего города. После богослужения была представлена комедия, всех немало развеселившая. Тот же граф Кайс оплатил красивую драпировку, ныне служащую балдахином, и прочую церковную утварь.

После того как мы снабдили новую церковь самым необходимым для богослужений, появилась наконец возможность впервые исполнить общую мечту о сорокачасовом выставлении Пресвятых Даров. Не самое богатое оформление восполнялось необычайным стечением верующих. Чтобы пойти навстречу религиозному рвению и предоставить всем возможность проявить благочестие, после сорокачасового поклонения следующие восемь дней были посвящены проповеди; я только и делал, что принимал Исповедь у множества людей. Столь необыкновенным стечением народа обусловлено то, что в последующие годы я продолжал практиковать сорокачасовое выставление Пресвятых Даров с регулярной проповедью, и немало народа принимало святые таинства и участвовало в других практиках благочестия.

[20.] Католические чтения

В тот год [1853], в месяце марте я начал периодически публиковать *Католические чтения*. В 1847 году, после эмансипации евреев и протестантов, появилась нужда вложить в руки верных христиан вообще, и молодёжи в частности, какое-нибудь противоядие. Казалось бы, этим актом правительство намеревалось всего лишь предоставить свободу другим верованиям, не во вред католичеству. Однако протестанты поняли это иначе, и развернули пропаганду всеми доступными им средствами. Три газеты (*Благая весть*, *Евангельский свет*, *Пьемонтские известия*), всевозможные книги библейского и небиблейского содержания; щедрая помощь, предоставление рабочих мест, проведение работ, пожертвования в виде денег, одежды, продуктов питания посещавшим их занятия и конференции или просто заходившим в храм – в борьбе за прозелитов были хороши любые средства.

Правительство обо всём знало, всё дозволяло, и своим молчанием действительно их защищало. К тому же протестанты были хорошо подготовлены и снабжены всяческими материальными и моральными средствами, тогда как католики, полагаясь на светские законы, до сих пор их защищавшие и охранявшие, имели в своём распоряжении всего несколько

газет, несколько классических и энциклопедических трудов, и ни одной газеты, ни одной книги, подходящей простому народу.

В то время, учитывая необходимость, я принялся составлять синоптические таблицы, посвящённые Католической церкви, затем – плакаты, озаглавленные: *Памятки для католиков*, и начал распространять их среди молодёжи и взрослых, особенно во время духовных упражнений и миссий.

Листовки и брошюры принимали с большим энтузиазмом; за короткое время разошлись тысячи тысяч. Это убедило меня в необходимости какого-нибудь доступного средства, помогающего познакомиться с основополагающими принципами католичества. Тогда я решил напечатать брошюру, озаглавленную: *Предупреждения католикам*; её целью было предостеречь католиков и не допустить, чтобы еретики завлекли их в свои сети. Спрос оказался невероятный; за два года я распространил двести тысяч экземпляров. Издание понравилось добрым людям, но разъярило протестантов, считавших себя единственными хозяевами евангельской нивы.

Тогда, убедившись в насущной необходимости готовить и издавать книги для народа, я задумал так называемые *Католические чтения*. Подготовив несколько брошюр, я хотел немедленно опубликовать их, но тут неожиданно-негаданно возникла трудность. Ни один из епископов не хотел возглавить это начинание. Владыки Верчелли, Бьеллы, Казале не согласились, сказав, что ввязываться в битву с протестантами опасное дело. Монс. Франсони, проживавший тогда в Лионе¹⁰⁶, одобрил и рекомендовал издание, но никто не желал взять на себя хотя бы церковное рецензирование текста. Единственный, кто по просьбе архиепископа просмотрел полтетради, был каноник Джузеппе Дзаппата, генеральный vikарий; он вернул мне рукопись со словами: «Возьмите Ваш труд, я не готов под ним подписаться: произошедшее с Ксименесом и с Пальмой¹⁰⁷ ещё свежо в памяти. Вы бросаете вызов противнику и выступаете фронтом, я же предпочитаю вовремя подать сигнал к отступлению».

С согласия генерального vikария, я изложил всё архиепископу и получил от него ответ вместе с письмом для доставки монсеньору Мо-

¹⁰⁶ Туринский архиепископ Луиджи Франсони в 1850 году был изгнан правительством из-за своей суровой реакции на антиклерикальные законы министра Сиккарди.

¹⁰⁷ Примечание Дона Боско на оригинале рукописи: «Аббат Ксименес, директор католической газеты *Современник* в Риме, был убит. Монс. Пальма, папский секретарь и один из авторов упомянутой газеты, был застрелен из аркебузы в том же зале Квиринальского дворца».

рено, епископу Ивреи. В письме архиепископ просил прелата взять запланированное издание под свою защиту, помочь ему рецензированием и своим авторитетом. Морено охотно согласился; он поручил адвокату Пиноли, своему генеральному викарию, отрецензировать текст, при условии, что имя рецензента не будет обнародовано. Тот быстро выполнил поручение, и первого марта 1853 года вышла в свет первая брошюра *Наставления католику*¹⁰⁸.

[21.] 1854 год

Католические чтения вызвали всеобщие аплодисменты, количество читателей оказалось необыкновенным; но именно тогда разгневались протестанты. Они пытались бороться с нашим изданием своими газетами, *Евангелическими чтениями*, но не могли привлечь читателей. Тогда начались всевозможные нападки на бедного Дона Боско. То одни, то другие приходили поспорить, убеждённые, по их словам, что никто не сможет сопротивляться их доводам. Католические священники, дескать, такие простофили, что пара слов приводит их в замешательство.

Именно поэтому протестанты нападали на меня то поодиночке, то в паре, то все вместе. Я всегда выслушивал их и всегда просил, чтобы те представляли своим служителям трудные вопросы, на которые сами не могут ответить, а затем любезно оповещали бы о них меня. Пришёл Амедео Берт, затем – Мэй, евангелик Пуньо, прочая и прочая, но не могли добиться, ни чтобы я замолчал, ни чтобы перестал печатать наши брошюры, что возбудило в них крайнюю ярость. Считаю полезным сообщить о нескольких событиях касательно этой темы.

Как-то воскресным вечером, в январе, мне доложили, что пришли двое господ и желают переговорить со мной. Они вошли, и после долгой череды комплиментов и лстивых слов один из них заговорил так: «Вас, господин богослов, природа наградила великим даром: Вас понимает и читает народ; поэтому мы намерены умолять Вас посвятить столь драгоценный дар на полезное человечеству дело, на благо науки, искусств, коммерции».

– Именно поэтому мои мысли обращены к *Католическим чтениям*, каковыми я и намерен заниматься со всей душой.

¹⁰⁸ Брошюра называлась: *Наставления католику в его вере. Беседы отца семейства с детьми на злобу дня* (Турин, Типография П. де Агостини, 1853). Дон Боско использовал жанр семейной беседы, позволявший напрямую, в повествовательной форме раскрыть наиболее острые темы, избегая при этом абстрактной апологии.

– Однако лучше бы Вы занялись какой-нибудь хорошей книгой для юношества, например, чем-нибудь из древней истории, трактатом по географии, физике или геометрии, но не *Католическими чтениями*.

– Почему же не *Чтениями*?

– Да потому что кто только не отметился на этой ниве, всё жёвано-пережёвано.

– Подобные труды изданы многими, но – как тома для эрудитов, не для народа, а именно народ – адресат *Католических чтений*.

– Однако эта работа не приносит Вам никакой пользы! Напротив, если бы Вы занялись тем, что мы Вам рекомендуем, то извлекли бы и материальную выгоду для прекрасного учреждения, вверенного Вам Провидением. Возьмите, тут уже кое-что есть (четыре банкноты по тысяче франков), и это не последнее пожертвование, будет даже больше.

– Зачем столько денег?

– Чтобы поощрить Вас сесть за труды по предложенным темам и для вспомоществования Вашему учреждению, которое выше всяких похвал.

– Простите, господа, но я возвращаю вам ваши деньги; сейчас я не могу заняться какой-либо научной работой, разве только имеющей отношение к *Католическим чтениям*.

– Но если труд бесполезен...

– Если труд бесполезен, то почему вам угодно забивать себе им голову? Зачем тратить столько денег, чтобы заставить меня прекратить?

– Вы не отдаёте себе отчёта в своём поступке: ведь этим отказом Вы наносите вред вашему делу, навлекаете на себя кое-какие последствия, подвергаетесь кое-каким опасностям...

– Господа, я понимаю ваши намёки, но ясно говорю: я на самом деле никого не боюсь; став священником, я посвятил себя благу Церкви и благу бедного человечества, и намерен продолжать своими слабыми усилиями продвигать *Католические чтения*.

– Вы неправы, – их тон изменился, они вскочили с перекошенными лицами, – Вы неправы, Вы нанесли нам оскорбление! И потом, кто знает, что будет с Вами: (*угрожая*) Вы уверены, что, выйдя из дома, вернётесь обратно?

– Господа, вы не знаете католических священников: пока живы, они трудятся над исполнением своего долга, и умереть на этой работе или из-за неё – величайшая удача для них, наивысшая слава.

В ту минуту оба так разгневались, что я стал опасаться, как бы они на меня не накинулись. Я поднялся, отгородился от них стулом и сказал:

«Если бы я хотел применить силу, то не испугался бы ваших угроз, но сила священника в терпении и в прощении; однако уйдите отсюда».

Обойдя тем временем стул, я открыл дверь комнаты: «Буццетти, – сказал я, – проводи этих господ до калитки, они не очень хорошо знают лестницу». Такой приказ их смутил, и они, пообещав, что мы увидимся в более подходящую минуту, вышли; их лица и глаза горели от негодования. Об этом случае написали несколько газет, прежде всего – *Армония*.

[22.] Покушения

Казалось, против меня составили тайный заговор – не то протестанты, не то масоны. Приведу, но вкратце, некоторые факты.

Как-то вечером, пока я занимался с ребятами в вечерней школе, пришли двое мужчин, прося меня спешно отправиться в *Золотое сердце*¹⁰⁹ к умирающему. Я немедля пошёл, но пожелал взять с собой нескольких ребят из самых старших.

– Не стоит беспокоить Ваших учеников, – сказали гонцы. – Мы проводим Вас к больному, а затем – обратно домой. Их присутствие может обеспокоить больного.

– Не переживайте из-за этого, – ответил я, – мои ученики прогуляются и подождут у лестницы, пока я буду с больным.

Но когда мы пришли в *Золотое сердце*, они сказали мне: «Пройдите на минутку сюда, отдохните немного, а мы тем временем предупредим больного о вашем приходе».

Они ввели меня в комнату на первом этаже, где было много весельчаков, те ели каштаны после ужина. Меня встретили обильными хвалами и аплодисментами, пожелали угостить каштанами, но я не взял ни одного в рот, объяснив, что только что отужинал.

– Выпейте хотя бы стаканчик нашего вина, – продолжали они. – Вам понравится, это из Асти.

– Нет, не могу, я не привык пить вне трапезы, мне будет плохо.

– Маленький стаканчик вина совсем не повредит.

Говоря это, разлили всем вина, но, когда дошла моя очередь, наливавший отправился принести отдельную бутылку и отдельный стакан. Тут я догадался об их злом плане, взяв в руку стакан, выслушал с ними тост, но, не пригубив, попытался поставить его обратно на стол.

¹⁰⁹ *Золотое сердце* – низкопробная харчевня на улице Коттоленго, в 300 м от Оратория.

- Не делайте этого, Вы нас обижаете, – сказал один.
- Это оскорбление, – добавил другой. – Не отказывайте нам.
- Я не расположен пить, не могу и не хочу.
- А выпить Вам всё равно придётся.

Сказав это, один схватил меня за левое плечо, второй – за правое, говоря: «Мы не потерпим такого оскорбления. Пейте добровольно или вольём силой».

– Если Вы настолько хотите, чтобы я выпил, то будет сделано, но хотя бы отпустите меня: поскольку сам я пить не могу, дам одному из моих детей, чтобы он выпил вместо меня.

Сказав эти притворные слова, я сделал большой шаг к двери, открыл её и позвал мальчиков войти.

– Не надо, не надо, чтобы пил другой. Успокойтесь, мы немедленно оповестим больного, а ребята пусть стоят внизу лестницы.

Безусловно, я бы не дал никому другому тот стакан, но я хотел убедиться, что они действительно замыслили отравить меня.

После меня отвели в комнату на третьем этаже, где вместо больного я увидел на кровати того, кто приходил за мной; ответив на несколько моих вопросов, он взорвался смехом и сказал: «Я исповедуюсь завтра утром». Тут же я ушёл прочь.

Один друг провёл расследование о тех, кто позвал меня, и об их цели, и я смог убедиться, что некто оплатил им пышный ужин, а взамен те должны были заставить меня выпить приготовленного им заранее вина.

[23.] Агрессия – Град палочных ударов

Вы можете подумать, что я рассказываю небылицы, но, к сожалению, это печальная правда, у меня было очень много свидетелей. Вот ещё более странный случай.

Августовским вечером, около шести часов, я в окружении моих ребят стоял у калитки, ведущей в Ораторий, как вдруг раздался крик: «Убийца, убийца».

Один парень, хорошо мне известный и даже благодетельствованный мною, в одной рубашке, с длинным ножом в руке, в ярости бежал ко мне со словами: «Мне нужен Дон Боско, мне нужен Дон Боско».

В смятении все помчались кто куда, а парень гнался за одним клириком, спутав его со мной. Когда же понял, что обознался, то в ярости

направился ко мне. Мне едва хватило времени взбежать по лестнице старого здания, задвижка калитки ещё качалась, когда подбежал злоумышленник. Он бил, кричал, кусал железные прутья, чтобы раздвинуть их, но бесполезно, я был в безопасности. Мои ребята хотели наброситься на несчастного и разорвать его, но я твёрдо им это запретил, и они послушались. Мы уведомили полицию, квестуру, карабинеров, но никого не могли добиться до половины десятого вечера, когда два карабинера схватили негодяя и увели в казарму.

На следующий день начальник квестуры направил мне полицейского с вопросом, прощаю ли я нападавшего. Я ответил, что прощаю и эту, и прочие обиды, однако во имя закона прошу власти лучше охранять граждан и их жильё. И поверите ли? Спустя день, в тот самый час, когда была предпринята попытка нападения, мой недоброжелатель ждал меня неподалёку, когда я вышел из дома.

Один мой друг, видя, что невозможно получить защиту от властей, пожелал побеседовать с тем несчастным. «Мне заплатили, – ответил тот, – и если дадут столько же, сколько другие, то я спокойно уйду».

Ему выплатили 80 франков на покрытие просроченной квартплаты, ещё 80 авансом за другое помещение, далеко от Вальдокко, и так завершилась первая комедия. Со второй всё оказалось иначе, сейчас я вам расскажу.

Спустя примерно месяц после описанного выше случая, воскресным вечером, меня пригласили спешно отправиться в дом Сарди, рядом с Приютом, чтобы исповедать умирающую больную. Из-за предыдущих событий я попросил нескольких юношей старшего возраста сопроводить меня. «Не стоит, – говорили мне, – мы Вас проводим, а ребята пусть себе развлекаются».

Сказанного было достаточно, чтобы я не пошёл один. Я оставил нескольких на улице, перед лестницей; Буццетти Джузеппе и Джачинто Арно остановились на лестничной площадке второго этажа, неподалёку от выхода из комнаты больной. Войдя, я увидел тяжело дышавшую женщину; казалось, она вот-вот испустит дух. Я попросил стоявших рядом четверых мужчин немного отойти, чтобы поговорить с ней о религии. «Прежде чем я исповедуюсь, – закричала вдруг она, – пусть негодяй, сидящий напротив, признается в клевете против меня».

– Нет, – ответил тот.

– Молчать, – сказал, вставая, другой.

Тут вскочили все сидевшие. «Да, нет, смотри, я тебя придушу, прирежу», – крики вперемешку с чудовищными проклятиями разносились по комнате сатанинским эхом. Неожиданно в этой чертовщине погас свет; вопли усилились, и прямо на то место, где я сидел, обрушился град палочных ударов. Я сразу разгадал их игру: цель состояла в том, чтобы попасть мне в голову; в ту минуту, не имея времени подумать, я поступил так, как подсказала нужда. Схватил в руки стул, водрузил его над головой и под непрекращающимися палочными ударами, которые со страшным грохотом падали на стул, добрался до выхода.

Вырвавшись из этого ада, я бросился в объятия моих ребят; те, услышав грохот и вопли, непременно хотели войти в дом. Я не получил ни одной тяжёлой раны, не считая того, что один палочный удар попал по большому пальцу левой руки, придерживавшей спинку стула, и сорвал ноготь и кожу до середины фаланги – у меня до сих пор остался шрам. Самым большим причинённым мне злом оказался испуг.

Я так и не смог узнать истинной причины этих нападений, но думаю, что все покушения на мою жизнь были организованы с тем, чтобы я преkritил, как говорили, клеветать на протестантов.

[24.] Пёс по кличке Серый

Пёс по кличке Серый стал темой многих разговоров и всевозможных предположений. Многие из вас видели и даже гладили его. Теперь же, отбросив странные истории, рассказанные об этом псе, я расскажу вам чистую правду.

Я часто подвергался оскорблениям, и это убедило меня в том, что лучше не ходить в Турин и обратно в одиночестве. В то время последним зданием по дороге в Ораторий был сумасшедший дом, а следующий за ним отрезок пути порос самшитом и акациями. Как-то тёмным поздним вечером я один шёл домой, не без опаски; увидев рядом большого пса, я в первый миг испугался; но тот не вёл себя враждебно, а напротив, ластился ко мне, как к хозяину; мы сразу подружились, и он проводил меня до Оратория. Происшедшее в тот вечер повторялось много раз; я даже могу сказать, что Серый оказывал мне важные услуги. Опишу некоторые.

В конце ноября 1854 года, туманным и дождливым вечером, я возвращался из города, и, чтобы не идти одному длинным путём, спустился по улице, ведущей от Богоматери Утешения к Коттоленго. В какой-то

момент я заметил, что на небольшом расстоянии передо мной идут двое мужчин. Как только я ускорял или замедлял шаг, они тоже шли быстрее или медленнее. Тогда я попытался пойти в противоположную сторону, чтобы избежать нападения, но они побежали прямо на меня. Я попытался увильнуть, но не успел: вдруг сделал два прыжка назад, в полном молчании, они бросили мне в лицо плащ.

Я старался не дать им схватить меня, но бесполезно, а один из них попытался заткнуть мне рот носовым платком. Я хотел кричать, но уже не мог. В ту минуту появился Серый: рыча, как медведь, он лапами нанёс удар в лицо одному и бросился с открытой пастью на другого, то есть им пришлось вместо меня бороться с псом.

– Убери собаку, – в испуге закричали они.

– Я-то уберу, а вы не беспокойте прохожих.

– Убери сейчас же, – орали те. Серый продолжал рычать, словно разъярённый волк или медведь.

Те убежали, а Серый, идя рядом, проводил меня до входа в дом Коттоленго. Оправившись от испуга и подкрепившись напитком, который милосердные работники дома всегда умеют вовремя подать, я отправился домой с хорошим сопровождением.

В те вечера, когда мне никто не сопутствовал, я, миновав здания, видел, как откуда-нибудь выныривает Серый. Неоднократно его видели ребята из Оратория, но однажды разыгралась комедия. Ребята, жившие в доме, увидели, как он вошёл во двор; кто-то хотел поколотить его, кто-то – прогнать камнями.

– Не обижайте его, – сказал Буццетти Джузеппе, – это пёс Дона Боско.

Тогда все стали его всячески ласкать и отвели ко мне. Я ужинал в трапезной с несколькими клириками, священниками и с моей матерью. Увидев нежданного гостя, все пришли в смятение. «Не бойтесь, – сказал я, – это мой Серый, пусть входит». Действительно, он, сделав широкий круг вокруг стола, очень радостно приблизился ко мне. Я его погладил и предложил ему суп, хлеб, второе, но он от всего отказался, даже не понюхал. «Чего же ты хочешь?» – спросил я. Он лишь поводит ушами и вилял хвостом. «То ли есть, то ли пить, то ли веселиться», – заключил я. Продолжая всячески показывать свою благожелательность, он положил голову на мою салфетку, словно желая заговорить и пожелать мне доброго вечера; наконец, изумляясь и веселясь, мальчики проводили его за ворота. Помню, в тот вечер я домой вернулся поздно, друг подвёз меня в коляске.

Последний раз я видел Серого в 1866 году, идя из Мориальдо в Монкукко, к моему другу Луиджи Молье. Настоятель из Буттильеры решил немного проводить меня, поэтому ночь застала меня на полпути. «Если бы со мной был Серый, – сказал я себе, – вот бы он пригодился!» С этими словами я поднялся на лужайку, поймать последний лучик солнца. В ту же минуту ко мне навстречу с огромной радостью выбежал Серый и проводил весь остаток пути – ещё три километра.

Когда я подошёл к дому друга, где меня ждали, то меня попросили войти другим путём, чтобы мой Серый не подрался с двумя огромными псами, сторожившими дом. «Они разорвут друг друга, если померяются силами», – говорил Молья.

Я долго беседовал со всей семьёй, потом пошёл на ужин, а мой спутник отдыхал в углу комнаты. После трапезы мой друг сказал: «Нужно дать поужинать и Серому», – взял еды и понёс псу, его искали по всем углам комнаты и дома. Но Серого нигде не было. Все изумились, ведь и выход, и окно были закрыты, да и здешние собаки никак не оповестили о его уходе; продолжились поиски в верхних помещениях, но никому так и не удалось найти его.

Это последнее, что я знаю о псе по кличке Серый, ставшем темой стольких расследований и споров. Мне так и не удалось познакомиться с его хозяином. Знаю лишь, что этот зверь поистине провиденциально не раз спасал меня от опасности.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1805 (4 февраля) Франческо Боско женится на первой жене, Маргерите Кальеро*.
- 1808 (3 февраля) рождение Антонио Боско (1808-1849 гг.), сводного брата Дона Боско.
- 1811 (28 февраля) смерть Маргериты Кальеро, первой жены Франческо Боско.
- 1812 (6 июня) Франческо Боско женится на Мергерите Оккьене.
- 1813 (18 апреля) рождение Джузеппе Боско (1813-1862 гг.), брата Дона Боско.
- 1815 (16 августа) рождение Джованни Мелькиоре Боско (1815-1888 гг.).
- 1817 (17 февраля) Франческо Боско покупает «домик» в Бекки.
(11 мая) смерть Франческо Боско.
(11 ноября) Маргерита переезжает с семьей в «домик» в Бекки.
- 1816-1817 годы голода в Европе, эпидемия цинги и тифа.
- 1824/25 сон «в девять лет».
- 1824/26 зимой Джованни Боско (Дж. Б.) посещает школу отца Джузеппе Лаква в деревне Каприльо.
- 1827 (Пасха) первое Причастие Дж. Б.
(1 июля) облачение в клирика Джузеппе Кафассо.
- 1827/29[?] Дж. Б. работает на ферме семьи Моля в Монкукко, у знакомых матери.
- 1829 (8-22 ноября) Дж. Б. знакомится с отцом Джованни Калоссо.
(31 октября) открытие Высшей духовной семинарии в Кьери.
- 1829/30 Дж. Б. посещает уроки о. Калоссо в Мориальдо.
- 1830 (21 ноября) смерть о. Джованни Калоссо.
(ноябрь-декабрь) Дж. Б. живёт несколько недель у дедушки Мелькиоре Оккьена в Каприльо.
- 1831 (январь-июнь) Дж. Б. посещает шестой класс в школе в Капельнуово д'Асти.
- 1831-32 Дж. Б. заканчивает шестой класс (преподаватель – Валериано Пуньетти), пятый класс (преподаватель – Плачидо Валимберти) и четвёртый класс (преподаватель – В. Джузеппе Чима) в коллегии в Кьери.
- 1832-33 Дж. Б. посещает третий класс («грамматика») в Кьери (преподаватель – П. Джачинто Джузиана).
- 1833 (4 августа) миропомазание Дж. Б. в Буттильере.

* Курсивом выделены события, не упоминающиеся в «Воспоминаниях об Оратории».

- 1833 (21 сентября) рукоположение в священники о. Джузеппе Кафассо.
- 1833-34 Дж. Б. посещает гуманитарный класс в Кьери (преподаватель – Пьетро Банауди).
- 1834 (18 апреля) Дж. Б. сдаёт вступительный экзамен в орден Францисканцев.
(10 августа) Иона (Джакоббе Леви, 1816-1870 гг.) был крещён и получил имена Луиджи Джачинто Оттавио Мария и фамилию Болмида.
- 1834-35 Дж. Б. посещает класс риторики в Кьери (преподаватель – Джованни Франческо Боско).
- 1835 (25 октября) облачение в клирика Дж. Б. в Кастельнуово.
(30 октября) Дж. Б. входит в семинарию в Кьери.
- 1835-36 Дж. Б. посещает первый курс философии («логика») в семинарии.
- 1836 (11 июля – 17 октября) Дж. Б. в замке в Монтальдо Торинезе служит ассистентом и репетитором для студентов иезуитской коллегии Божией Матери Кармельской.
- 1836-37 Дж. Б. посещает второй курс философии («физика») в семинарии.
- 1837-38 Дж. Б. посещает первый курс теологии в семинарии.
- 1837 (30 октября – 3 ноября) Дж. Б. исповедуется у богослова Джованни Бореля во время духовных упражнений в начале учебного года.
- 1838-39 Дж. Б. посещает второй курс теологии в семинарии.
- 1839 (2 апреля) смерть друга-семинариста Луиджи Комолло.
- 1839-40 Дж. Б. посещает третий курс теологии в семинарии.
- 1840 (29 марта) Дж. Б. получает tonsuru и четыре малых чина (ostiарий, чтец, экзорцист, аколит).
во время летних каникул Дж. Б. готовится к сдаче экзаменов за четвертый курс теологии.
(19 сентября) получение Дж. Б. субдиаконата.
- 1840-41 Дж. Б. посещает пятый курс теологии в семинарии.
- 1841 (23 марта) рукоположение Дж. Б. в диаконы.
(5 июня) рукоположение Дона Боско (ДБ) в священники.
(июнь-октябрь) ДБ служит в Кастельнуово в качестве викарного священника.
(3 ноября) ДБ переселяется в Церковное общежитие в Турине для изучения морали.
(8 декабря) ДБ встречает Бартоломео Гарелли.

- 1841-44 ДБ посещает трёхлетний курс морали в Церковном общежитии и начинает заботиться о беспризорных детях, организуя для них катехизацию и другие мероприятия.
- 1844 (20 октября) ДБ переезжает с его «воскресной школой» в Приют маркизы Бароло.
(8 декабря) освящение Оратория Св. Франциска Сальского в одном из помещений Больнички Св. Филомены.
- 1844-46 ДБ служит капелланом Больнички Св. Филомены, живет с богословом Борелем и о. Паккьотти в Приюте.
- 1844-45 (декабрь 1844 г. – май 1845 г.) занятия воскресной школы и богослужения Оратория Св. Франциска Сальского при Больничке.
- 1845 (25 мая) Ораторий в кладбищенском храме Св. Петра в узах.
(июнь-июль) «скитающийся» Ораторий.
(13 июля – 31 декабря) Ораторий в церкви Св. Мартина дей Молацци.
- 1845-46 (ноябрь 1845 г. – февраль/март 1846 г.) занятия воскресной школы и другие уроки в доме о. Моретты.
- 1846 (январь/февраль – 5 апреля) Ораторий на лугу братьев Филиппи.
(8 марта) ДБ встречается с Панкратио Соаве и осматривает «сарай» при доме г-на Пинарди.
(1 апреля) договор аренды «сарая» Пинарди.
(12 апреля) открытие Оратория Св. Франциска Сальского в «сарая» Пинарди.
(5 июня) договор аренды трёх комнат в доме г-на Пинарди.
(июнь-июль) тяжёлая болезнь ДБ.
(июль-октябрь) медленное выздоровление ДБ в Бекки.
(3 ноября) ДБ и мама Маргеритта заселяются в дом г-на Пинарди.
- 1847 (12 апреля) утверждение правил Товарищества Св. Алоизия.
(май) приём сироты из Валле ди Сезия – начало приюта.
(20 июня) епископ Франсони служит Св. Мессу в праздник Св. Алоизия и уделяет таинство Миропомазания в Оратории Св. Франциска Сальского.
(8 декабря) открытие Оратория Св. Алоизия у Новых Ворот (руководитель – богослов Джачинто Карпано).
- 1848 (26 февраля) Роберто д'Адзельо организует торжественное празднование в честь первого Статута в Турине.
(1 ноября) облачение в клирика Асканио Савио.

- 1849 (октябрь) ДБ принимает на себя ответственность за Ораторий Ангела-Хранителя и вновь открывает его (руководитель – богослов Джованни Вола).
- 1851 (2 февраля) облачение в клирики четырёх юношей Оратория: Джузеппе Буццетти, Карло Гастини, Феличе Ревилье и Джакомо Беллиа.
(19 февраля) ДБ покупает дом Пинарди и прилегающий земельный участок.
(20 июля) освящение краеугольного камня церкви Св. Франциска Сальского.
- 1852 (31 марта) ДБ назначен директором трёх Ораториев: в Вальдокко, у Новых Ворот и в Ванкилье.
(20 мая) Асканио Савио покидает Ораторий и вступает в новициат Облатов Марии.
(20 июня) освящение церкви Св. Франциска Сальского.
(3 октября) облачение в клирика Микеле Руа в часовне в Бекки. начало строительства нового крыльца дома Пинарди.
(2 декабря) недостроенное крыльцо рушится.
- 1853 (март) начало издания Католических чтений.
(1 октября) ДБ арендует дом Беллеццы и закрывает находящуюся в нем таверну «Садовница».
- 1854 (26 января) в комнате ДБ собирается первая группа «салезианцев»: Джакомо Артилья (15 лет), Джованни Кальеро (15 лет), Джузеппе Роккетти (17 лет) и Микеле Руа (16 лет).
(март) открытие переплетной мастерской.
(14 августа) отец Витторио Алазонатти переезжает в Ораторий для помощи ДБ в качестве префекта.
(29 октября) Доменико Савио поступает в Ораторий.
- 1855 (2 ноября) открытие гимназии в Оратории.
- 1859 (18 декабря) основание Благочестивого Салезианского Общества.
- 1873-75 написание «Воспоминаний об Оратории».
- 1888 (31 января) смерть ДБ.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания об Оратории с 1815 по 1835 год	3
Десять лет детства – Смерть отца –	
Стеснённые обстоятельства семьи – Мать-вдова	4
Сон	6
Первая декада – 1825-1835	9
1. Первые занятия с детьми – Проповеди –	
Акробат – Опустошение гнёзд	9
2. Первое Причастие – Проповедь миссионеров –	
О. Калоссо – Школа в Мориальдо	11
3. Учёба и мотыга – Плохая и добрая новость –	
Смерть о. Калоссо	15
4. О. Кафассо – Сомнения – Разрыв между братьями –	
Школа в Кастельнуово д’Асти – Музыка – Портной	17
5. Учёба в Кьери – Доброта преподавателей –	
Первые четыре класса грамматики	20
6. Товарищи – Общество Радости –	
Христианские обязанности	22
7. Добрые друзья и практики благочестия	23
8. Гуманитарный класс и класс риторики – Луиджи Комолло	26
9. Кофе и ликёры – Именины – Беда	29
10. Еврей Иона	30
11. Игры – Фокусы – Колдовство – Оправдание	33
12. Бег – Прыжок – Волшебная палочка – Верхушка дерева	36
13. Изучение классиков	38
14. Подготовка – Выбор образа жизни	39
Вторая декада – 1835-1845	41
1. Облачение в клирика – Правило жизни	41
2. Отъезд в семинарию	43
3. Жизнь семинарии	44
[За.] Развлечения и рекреация	45

4. Каникулы.....	47
5. Сельский праздник – Игра на скрипке – Охота	49
[5а.] Отношения с Луиджи Комолло	50
6. Один случай с Комолло.....	52
7. Премия – Ризница – Богослов Джованни Борель.....	53
8. Учёба.....	54
9. Рукоположения в священный сан – Священство.....	56
10. Начало священнического служения – Проповедь в Лавриано и Седой Джованни.....	58
11. Церковное общежитие Св. Франциска Ассизского	60
12. Праздник Непорочного Зачатия и начало выходного Оратория....	63
13. Ораторий в 1842 году	65
14. Священное служение – Должность в Приюте (сентябрь 1844 г.)...	67
15. Новый сон	69
16. Переезд Оратория в Приют	70
17. Ораторий в церкви Св. Мартина дей Молацци – Трудности – Рука Господня.....	73
18. Ораторий в храме Св. Петра в узах – Служанка капеллана – Письмо – Печальное происшествие	75
19. Ораторий в доме о. Моретты.....	76
20. Ораторий на лугу – Прогулка на Супергу	79
21. Маркиз Кавур и его угрозы – Новые препятствия для Оратория.....	81
22. Расставание с Приютом – Ещё одно обвинение в сумасшествии ..	83
23. Переезд в Вальдокко, в нынешний Ораторий Св. Франциска Сальского	85
Третья декада – 1846-1855	88
1. Новая церковь	88
2. И снова Кавур – Коллегия правосудия – Агенты в штатском	91
3. Воскресные школы – Вечерние школы	93
4. Болезнь – Исцеление – Готовящаяся обитель в Вальдокко.....	97
5. Постоянная обитель в Оратории в Вальдокко.....	99
6. Правила для Ораториев – Товарищество и праздник Св. Алоизия – Визит монсеньора Франсони.....	101
7. Начатки приюта – Приём первых мальчиков.....	103
8. Ораторий Св. Алоизия – Дом Моретты – Земля семинарии.....	105

9.	1848 год – Увеличение числа ремесленников и их образ жизни – Краткая вечерняя проповедь – Уступки архиепископа – Духовные упражнения	106
10.	Успех музыки – Процессия к базилике Богоматери Утешения – Премия от муниципалитета и от дела Просвещения бедности – Великий Четверг – Омовение ног.....	108
11.	1849 год – Закрытие семинарий – Дом Пинарди – Грош Св. Петра – Чётки Пия IX – Ораторий Ангела-Хранителя – Визит депутатов	110
12.	Национальные гуляния.....	112
13.	Знаменательное событие	113
14.	Новые трудности – Утешение – Аббат Росмини и архипресвитер Пьетро де Гауденци	115
15.	Покупка дома Пинарди и дома Беллецца – 1850 год	116
16.	Церковь Св. Франциска Сальского.....	118
17.	Взрыв на пороховом складе – Фашио Габриэле – Освящение новой церкви.....	119
18.	1852 год	121
[19.]	1853 год.....	123
[20.]	Католические чтения	124
[21.]	1854 год.....	126
[22.]	Покушения	128
[23.]	Агрессия – Град палочных ударов	129
[24.]	Пёс по кличке Серый	131
Хронологическая таблица		134